

Себастиан
Хаффнер

Революция
в
Германии
1918/19

Как это было
в действительности

Sebastian Haffner

**Die deutsche
Revolution
1918/19**

München, 1979

Для научных библиотек

Себастиан Хаффнер

Революция в Германии 1918/19

КАК ЭТО БЫЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

Перевод с немецкого

С. П. ГАВРИША, Н. С. ПОРТУГАЛОВА, В. А. КОПТЕЛЬЦЕВА.

Вступительная статья, примечания, редакция
доктора исторических наук Я. С. ДРАБКИНА

Издательство «Прогресс»
Москва 1983

Редакция литературы по истории

© Copyright 1979 by Kindler Verlag GmbH, München

© Перевод на русский язык, вступительная статья, примечания
издательство «Прогресс», 1983

X $\frac{10605-137}{006(01)-83}$ 35-83

0506000000

Вступительная статья

Исторические легенды и реальные проблемы германской революции

1

В сентябре 1968 г. западногерманский журнал «Штерн» начал публикацию иллюстрированного рассказа о событиях германской истории полувековой давности. Все было рассчитано на сенсацию: броский заголовок — «Великое предательство», огромные фотографии генерала Людендорфа, кайзера Вильгельма с императрицей Августой-Викторией, Фридриха Эберта с супругой, батальных и революционных сцен.

Редакционная аннотация интриговала читателя:

«Пятьдесят лет назад генерал Людендорф своим требованием перемирия вызвал цепную реакцию, которая ввергла Германию в революцию. Было ли поражение причиной революции или революция была причиной поражения? Совершили ли германские социал-демократы, которые 9 ноября 1918 г. сформировали правительство, революцию или покончили с ней? Себастиан Хаффнер дает в «Штерне» новый ответ на эти вопросы».

Вопросы были действительно непростые, и можно согласиться с автором, который, назвав последний, двенадцатый выпуск своей журнальной публикации «Три легенды германской революции», заметил, что, пожалуй, ни об одном явлении новейшей истории Германии так много не лгали, как о германской революции 1918—1919 гг. И сегодня, хотя со времени событий прошло уже более шестидесяти лет, в исторической литературе и публицистике, притом не только немецкой, интерес к ним не остывает, и споры, казалось затихшие, то и дело разгораются с новой силой.

О неослабевающем интересе свидетельствует и судьба работы Хаффнера. В 1969 г. она в доработанном виде вышла книгой в издательстве Шерц (Берн—Мюнхен—Вена) под заглавием «Преданная революция», а десять лет спустя появилось ее новое издание, русский перевод которого предлагается советскому читателю.

В послесловии к этому немецкому изданию автор указал, что из моральных соображений не счит возможным переделывать книгу, хотя у него «чесались руки изменить некоторые формулировки, смягчить их или вычеркнуть». По его признанию, теперь он написал бы книгу иначе: «спокойнее, скептическое, холоднее», ибо в ней-де «слишком много возмущения». Как мы видим, автор все же изменил название, и нет сомнения, что переделка в указанном направлении ухудшила и ослабила бы работу, поскольку именно благодаря своей критической воинственности книга, написанная с полемическим задором, думается нам, сохранила надолго способность привлечь и увлечь читателя.

Разумеется, восприятие читателей в разных странах существенно отличается. Для широких кругов в ФРГ (и вообще в западном мире), вовсе незнакомых с марксистской исторической литературой, постановка вопросов Хаффнером явилась своего рода откровением, а найденные им ответы прозвучали как нечто совсем новое, необычное. Дело в том, что в массовом сознании, сформированном буржуазным школьным образованием, обширной популярной литературой, находящимся под непрерывным воздействием средств информации, все еще живы многие традиционные представления и стереотипы мышления, которые укоренились в годы Веймарской республики, пережили фашистскую диктатуру и в той или иной мере сохранились до наших дней. Хаффнер справедливо именуется их «легендами» — ошибочными, слепыми, пагубными для немецкого народа.

Вступив в открытый бой с этими мифами, автор систематически разоблачает их не только в специально посвященной им последней главе книги, но и на всем ее протяжении. Он считает первой из легенд отрицание или умаление самого факта, что в Германии произошла в 1918 г. «настоящая» революция, а не просто военная катастрофа, приведшая к крушению кайзеровской империи. Второй он называет истолкование Ноябрьской рево-

люции и последующих событий как якобы «большевистской анархии», импортированной из Советской России и угрожавшей самому существованию Германии. Третьей — считает обвинение в адрес революционеров и демократов, что будто они своими действиями в тылу сорвали успех непобежденной на фронте немецкой армии, что будто они, а не зарвавшиеся авантюристы-генералы повинны в военном поражении Германии, — обвинение, вошедшее в историю под названием «легенда об ударе кинжалом в спину».

Данный перечень ходячих исторических легенд можно было бы увеличить. Важнее, однако, подчеркнуть, что подобные искажения исторической картины получили в Германии очень широкое распространение и отравляли идейно-политическую атмосферу в стране на протяжении десятилетий. Они стали грозным оружием в руках прежде всего реакционно-милитаристских сил, породивших фашизм и вторую мировую войну.

Остро антифашистское и антимилитаристское выступление Хаффнера в печати было обусловлено, конечно, не только тем, что в 1968—1969 гг. отмечалась полувековая дата окончания первой мировой войны, германской революции и рождения Веймарской республики. Предыдущие годовщины похожего отклика не вызывали. Очевидно, для него созрели условия именно к концу 60-х годов. Стоит вспомнить в этой связи о росте массового рабочего движения, о взрыве в ряде стран Запада, в том числе и в ФРГ, молодежного демократического протеста против современного буржуазного «истэблишмента», некоторых присущих ему традиционных воззрений и представлений.

Отдельные буржуазные и социал-реформистские историки ФРГ и ранее высказывали сомнения: правильно ли были в 1918 г. «установлены стрелки» на путях, по которым движение Германии впоследствии пошло от демократической республики к фашизму? Однако господствующим оставалось мнение, что в то время социал-демократические политики сделали правильный выбор, выступив против революции в союзе с контрреволюционным генералитетом и консервативными элементами. В начале 60-х годов молодые историки на основе новых документальных исследований подвергли политику социал-демократических лидеров частичной критике. Но авторы не нашли лучшей альтернативы этой политике, чем возрождение давно опровергнутой жизнью центристско-каутскианской концепции

так называемого «третьего пути». В этой связи в печати развернулись дискуссии о «демократических потенциях» рабочих и солдатских Советов, высказывалось сожаление, что их подавляли, тогда как следовало их поддерживать.

Книга Себастиана Хаффнера несет на себе явный отпечаток споров того времени. Опытный публицист (ему тогда уже перевалило за 60) не занялся, впрочем, специальными историческими изысканиями, не рылся в архивах. Он ограничился тем, что перечитал ранее опубликованные мемуары участников событий, документы, использовал и некоторые результаты, полученные учеными в последние годы. Публицистический талант позволил ему выделить и поставить в центр внимания наиболее острые вопросы, что не рискнули сделать профессиональные историки. Он осмелился даже вынести в подзаголовок своей популярной работы тот вопрос — «как это было в действительности?», — который по традициям «немецкого историзма» позволительно выдвигать только солидным исследователям.

Надо сказать, что Хаффнер, удостоенный литературной премии Генриха Гейне за «оригинальность и прозорливость», показал в своей работе не только умение сенсационно подать как новое давно забытое старое, но в ряде случаев такую смелость и последовательность суждений, которые не проявили историки ФРГ. Если они в критике лидеров СДПГ остановились, не пройдя и полпути, — Хаффнер прямо называет лидеров социал-демократии «великими предателями», дает яркие и глубокие психологические характеристики. Правителей Германии он вообще клеймит, скорее преувеличивая, чем преуменьшая их личную ответственность за тот или иной поворот событий.

До предела заострив критику правых лидеров германской социал-демократии, Хаффнер осудил их не только как виновников крушения революции 1918—1919 гг., но и как разрушителей революционной пролетарской традиции, как политиков, которые «навек» упустили благоприятный исторический шанс направить развитие Германии по демократическому пути и, напротив, открыли путь к фашистской диктатуре, к новой военной катастрофе.

Как и следовало ожидать, такая «дерзость» Хаффнера-публициста была осуждена профессиональными историками ФРГ, назвавшими его работу «вершиной модной исторической пачкотни». В одном из отзывов было, например,

сказано, что для изложения Хаффнера характерна «истерическая полемика против руководства социал-демократии — какую едва ли можно найти в столь острой форме в трудах коммунистов, — особенно против Фридриха Эберта, которого он преследует с истинно патологической ненавистью»¹. Не только историков, но и некоторых современных социал-демократических политиков смутил тезис Хаффнера о шансе, упущенном «навсегда». Об ошибках той поры и вообще об «упущенных возможностях» писать на Западе теперь стало модным. Но ведь как раз с 1969 г. — возмутились критики Хаффнера — канцлером ФРГ стал социал-демократ; не залог ли это прогрессивного развития страны? Автор дает на это ответ на последней странице послесловия к данной книге. Нам он кажется по меньшей мере неточным.

2

По нашему мнению, для советского читателя книга Себастиана Хаффнера представит интерес в ином плане. Он, вероятно, с удовольствием прочтет живой и образный рассказ о событиях германской революции, начавшейся ровно через год после Великого Октября. Он оценит меткие характеристики генералов и политиков кайзеровской империи, особенно правых лидеров германской социал-демократии — Эберта, Носке, Шейдемана и других. Все это в общем впишется как яркая иллюстрация в ту привычную картину Ноябрьской революции в Германии, которая давно разработана марксистско-ленинской историографией, отражена в учебниках истории, в научных и популярных изданиях.

Читатель, несомненно, обратит внимание на весьма редкое в буржуазной литературе явление: автор книги положительно оценивает роль революций в мировой истории, причем видит в них не только движение народных масс, а и творческий процесс, дающий народу новую жизнь. Он относит это суждение как к великим победоносным революциям прошлых столетий (которые мы характеризуем как буржуазные) — в Нидерландах и Англии

¹ E. Jesse, H. Köhler. Die deutsche Revolution 1918/19 im Wandel der historischen Forschung. — "Aus Politik und Zeitgeschichte". Bonn, 1978, B. 45, S. 13.

в XVII в., в Северной Америке и во Франции в XVIII в., — так и к социалистическим революциям XX в. в России и Китае. Вред народу, подчеркивает Хаффнер, приносят только революции задушенные и подавленные, преданные и проданные, такие, как германская революция 1918—1919 гг. «Коллективный герой» этой революции, немецкий рабочий класс, считает автор, так и не оправился впоследствии от того удара в спину, который был ему тогда нанесен: «немцы до сих пор больны из-за того, что их революция была предана» (с. 214—215).

Немало страниц посвящено в книге героической борьбе рядовых революции — матросов, рабочих, солдат. При этом автор не скрывает слабостей и ошибок, которые были следствием их политической неопытности и наивности, благодушия по отношению к тем, кто, злоупотребляя их доверчивостью, отдавал их на суд и расправу злейшим врагам и убийцам. Он клеймит позором не только явных врагов и замаскированных предателей революции. Он не падит и тех лидеров центристской «независимой» социал-демократии, которые, претендуя на роль вождей революции, оказались неспособными организовать ее действия, в критические моменты оставляли массы без всякого руководства, вместо просвещения в революционном духе затемняли их сознание, дезориентировали беспринципным соглашательством.

В книге есть запоминающиеся зарисовки, проникновенные психологические характеристики, образные сравнения, свойственные публицистической манере Хаффнера. Иногда он выделяет сквозную тему, как бы ведущую нить, на которую нанизываются факты, будто сами собой подтверждающие главную мысль автора. Так написана, скажем, глава о кайзеровской империи и социал-демократии, которая подводит читателя к некоей поворотной дате. Но наиболее примечателен в его манере описания и анализа событий прием драматизации.

Дату 29 сентября 1918 г. Хаффнер превращает в кульминационный пункт, к которому «подтягивает» те или иные факты. При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что таким «поворотным днем» — речь идет о признании неотвратимости поражения Германии, реорганизации правительства и обращения с просьбой о перемирии — можно было бы считать едва ли не любой день между 27 сентября и 4 октября. Историческое значение этого дня

явно преувеличено. В других случаях Хаффнер концентрирует факты вокруг реально значимых дат — 4, 9, 10 ноября, — достигая драматического эффекта многократным перенесением места действия, заостренными риторическими вопросами, полемическими выпадами, выявлением противоречий и т. п.

Нет спора, такой прием, вполне правомерный в публицистическом произведении и применяемый в сочетании с другими, позволяет автору сделать повествование насыщенным, динамичным, напряженным, обрисовать действующих лиц более выпукло, чем в «простом» рассказе историка. Вопрос лишь в том, что именно выпячивается, выдвигается на первый план, а что уходит в тень или вовсе исчезает из описания, теряется для анализа.

Не представляется возможным «сверить» все, о чем рассказывает Хаффнер, с данными, добытыми исследователями истории и обобщенными в многочисленных научных трудах. Но читателям, проявляющим интерес к тому, как пишется история, небесполезно узнать о проблемах, которые по тем или иным причинам либо оставлены автором без внимания, либо трактуются им иначе, чем это принято в исторических работах марксистов.

Следует сказать, что историки-марксисты далеко не сразу и не без труда достигли того понимания сложных вопросов революции 1918—1919 гг. в Германии, на которое могут опереться ныне. Потребовались многолетние острые научные дискуссии, обширные и разносторонние исследования архивных документов и других первоисточников, углубление методологического подхода, чтобы добиться ясности в оценке характера германской революции, ее движущих сил, соотношения объективных условий и субъективных факторов, роли рабочих и солдатских Советов, периодизации и т. п.

3

Для правильного представления возможностей и реальностей любой революции должны быть прежде всего проанализированы исходные ее рубежи, обычно именуемые причинами и предпосылками революции. Хаффнер, упоминая о неудаче революции 1848 г., обращает внима-

ние на две близкие друг другу даты: образование СДПГ (1869 г.) и создание Германской империи (1871 г.)¹.

Хотя Хаффнер (в разрез с социал-демократической традицией) ведет начало партии не от лассальянцев, а от эйзенахцев, он заявляет, что следует Лассалю, а не Марксу; он действительно не принимает в расчет социальные и социально-экономические факторы исторического процесса, концентрируя все внимание на политике и даже уже на вопросе о государственной власти.

Парадоксально, но факт: в книге действует свыше 130 лиц, а среди них нет ни одного промышленника или банкира, почти ни одного профсоюзного деятеля, все решают политики и военные. Империализм упоминается только в смысле внешнеполитической агрессивности, о капитализме говорится вскользь, соответственно и социализм предстает лишь как отвлеченная идея. Все внимание сосредоточено на перипетиях взаимоотношений между государством и социал-демократией, а процесс оппортунистического перерождения ее вождей не находит социального объяснения. Нельзя же всерьез принять утверждения, что они перестали быть революционерами и стали сторонниками кайзеровской империи просто из-за того, что революция — «отодвигалась», что Германия на рубеже веков стала «более счастливой страной, чем в восьмидесятые годы» (?), что в Германии Бисмарка «царила удушливая атмосфера», а Вильгельм II «распахнул окна и дал ворваться свежему воздуху», или из-за того, что социал-демократы, избранные в парламент, должны были испытывать чувство «признательности» (!) к властям предрержащим... (с. 33).

Неудивительно, что при таком поверхностном, одномерном подходе исторический процесс лишается присущей ему глубины и объемности. Даже небывалая по масштабу мировая война оказывается результатом произвольной политики Вильгельма II, а революция — прямым следствием военного поражения и просчетов государственных деятелей, не сумевших предотвратить ее своевременными реформами. Более серьезных причин Хаффнер не ищет,

¹ К 100-летию Германской империи в 1971 г. Хаффнер написал книгу о ее «самоубийстве». К этому исходу привел Германию в 1945 г. Гитлер. Однако идеи, из-за которых погибла империя, продолжают действовать в ФРГ — таков вывод автора. См.: С. Хаффнер. Самоубийство Германской империи. М., «Прогресс», 1972.

его занимают лишь следствия. Поэтому в центре его внимания стоят манипуляции правящей верхушки в момент неизбежного перехода от войны к миру, а в фокусе событий оказывается генерал Людендорф. Правда, автор заявляет, что его герой не обладал ни демоническими чертами, ни гениальным вдохновением, но все же наделяет его «загадочным характером». Искусственная драматизация событий конца сентября 1918 г. создает ложное впечатление, что судьба Германии, мира и революции зависела от шахматных ходов в игре Людендорфа, который якобы чуть ли не единолично «повернул» всю историю страны.

Никакой закономерности в развитии германской революции автор не усматривает: все сводится к длинной цепи случайностей, стихийных возмущений, мятежей. Казавшийся незыблемым государственный строй «вдруг» оказался древесной трухой, революция сравнивается с лесным пожаром, наиболее характерным чувством объявляется... удивление: «удивление властей в связи с совершенно неожиданной утратой ими всякой власти, удивление революционеров, совершенно неожиданно ее получивших. И та и другая сторона действовали как во сне...» (с. 76).

Верно, что германская революция началась стихийным триумфальным маршем. Но во-первых, именно он был показателем того, насколько назрел в стране политический кризис. Во-вторых, в том, что революция началась без общего плана, без штаба и боевой революционной организации, действительно проявилась ее серьезная слабость. Автор же усматривает в этом также и ее «величие», «славу»: дескать, действие «без вождей» и «прыжок в неизвестность» требуют от исполнителей больше мужества, чем от солдата, действующего по команде (с. 77—78).

Игнорирование Хаффнером социальных и социально-экономических факторов, определявших развитие революции, побудило его вопреки фактам отрицать наличие у поднявшихся на борьбу масс социальной программы. Между тем уже в ноябрьские дни во многих документах революции явственно звучали не только общее требование социалистической революции, но и конкретные антикапиталистические требования, а с конца ноября они определяли лицо стачечных волн, которые, одна другой мощнее, прокатывались по стране, достигнув огромной силы весной 1919 г. Все громче звучало хотя и не вполне четкое, но ясно антикапиталистическое требование «социализации»

предприятий и шахт. Даже для начальной стадии, а тем более для последующих неверно утверждение Хаффнера, что рабочие захватывали «не фабрики, а ведомства и казармы». Это противопоставление понадобилось ему, чтобы подчеркнуть преимущественно антимилиитаристский характер революции. С этой же целью в книге даже не упоминается энергичная борьба производственных Советов за участие в управлении предприятиями.

В то время как многие страницы посвящены сговору лидеров социал-демократии с военщиной (союз Эберт—Грёнер), другие звенья заговора против революции не показаны: антисоветская и проамериканская внешнеполитическая ориентация, приведшая к Версалю; сговор в социально-экономической сфере между монополистами и юнкерами, с одной стороны, профсоюзными лидерами и социал-демократическими правителями — с другой (пакт Стайнес — Легин, «деловое сотрудничество» с аграриями).

Вне поля зрения Себастиана Хаффнера остается вопрос о социальном содержании или, иными словами, об основном характере германской революции. Историкимарксисты в итоге многолетних исследований и обсуждений пришли к выводу, что, хотя в Германии были налицо объективные предпосылки для пролетарской, социалистической революции, она в силу субъективной слабости рабочего класса осталась революцией буржуазно-демократической, хотя и проведенной в основном пролетарскими средствами и методами. Правда, полуабсолютистская монархия была заменена буржуазно-парламентарной республикой, однако сохранились не только господство монополий, но и сильные позиции реакционной бюрократии и военщины. Революционный пролетарский авангард не смог продвинуть революцию к решению социалистических задач, ибо был жестоко разгромлен.

Кое-где Хаффнер приближается к научно обоснованной точке зрения, зато местами дает определения не только противоречивые, но и ошибочные. Уже в предисловии он называет германскую революцию «социал-демократической» (с. 28), а в последней главе пишет, что «Эберт и его команда» совершили по отношению к своей собственной «социал-демократической революции» настоящее «детубийство». Он разъясняет при этом, что речь идет именно о той революции, которую социал-демократия пропо-

ведовала и обещала на протяжении полувека (с. 209). Однако мысль, что имела место социалистическая революция, Хаффнер решительно опровергает: вопреки мнению врагов революции, он пишет, что она не была ни «большевистской» или «спартаковской», ни «социалистической» или «коммунистической» (с. 77, 123, 211).

Хаффнер правильно указывает, что революция выросла на немецкой почве: «Русский пример мог оказать внешнее, зажигательное воздействие, но русских эмиссаров, которые могли бы направлять ход революции, не существовало» (с. 77). Однако наперекор фактам он вообще пытается отрицать стремление пролетарских масс к установлению в Германии социалистического строя (даже в Баварской Советской республике, где это было всего очевиднее). Без всякого основания он противопоставляет диктатуру пролетариата пролетарской демократии, даже объявляет методы революции «лассальянскими», приписывая рабочим и солдатам мнение, будто решающий рычаг революции «не собственность на средства производства, а государственная власть» (с. 210).

4

Несомненно, самым сложным и значительным явлением германской революции были рабочие и солдатские Советы. Они не случайно продолжают и в наше время привлекать к себе внимание разных исследователей и истолкователей. Хаффнер рассматривает роль и деятельность Советов под углом зрения борьбы за государственную власть, и в данном случае это вполне правомерно.

Поначалу автор вроде бы разделяет впечатление многих участников революции, что в первую неделю Советы стали повсюду, где возникли, реальной властью, даже пишет, что западная часть Германии превратилась «из военной диктатуры в республику Советов» (с. 76). В полной мере талантом драматизации Хаффнер блеснул при описании собраний Советов в Берлине 9 и 10 ноября. «Таинственность» и «режиссуру» первого собрания он явно преувеличил. Собрание в цирке Буша действительно показало, что рабочие и солдаты, совершившие революцию, вопреки первому впечатлению не сумели взять реальную власть в собственные руки. Они, добровольно и не сознавая, что творят, передали ее противникам революции —

Эберту и Гаазе. Их доверчивость и политическая неопытность дорого обошлись им.

Вскоре вопрос о власти, продолжая оставаться осью дальнейшего развития событий, был поставлен так: власть Советов или Национальное собрание? Аналогичная альтернатива возникла, как известно, и в ходе революции в России, а также в Австрии. Установление власти Советов означало дальнейшее продвижение ее вперед: от первой, незрелой, буржуазно-демократической фазы к углублению революции, возможно, к перерастанию ее в социалистическую. В противовес этому — с прямой целью сорвать такое развитие, остановить революцию, а если удастся, и повернуть ее вспять — все силы контрреволюции в Германии объединились под лозунгом созыва Учредительного национального собрания, идею которого выдвинул еще принц Макс Баденский.

Хаффнер по не вполне понятным мотивам отрицает наличие этой альтернативы, якобы придуманной социал-демократами. Но ее считали кардинальным вопросом революции все революционеры в России и в Германии. В то время как Советы были зародышем новой, истинно революционной власти рабочих и солдат, буржуазный парламент (а другим Национальное собрание быть не могло) должен был стать прикрытием и орудием власти контрреволюционеров. Предложение же Хаффнера считать действительной альтернативой вопрос — революция или контрреволюция? — недостаточно конкретно и привело его к серии ошибочных суждений.

Всегерманский съезд Советов, большинство которого составляли социал-демократические партийные и профсоюзные бонзы, высказался за выборы в Национальное собрание. Исходя из этого, Хаффнер легковесно заключил, что Советы вообще не имели ничего против парламентаризма и даже хотели овладеть не законодательной, а только лишь исполнительной властью. Впрочем, дальше он пишет, что рабочие и солдаты «инстинктивно чувствовали, что, пока у власти остаются старая бюрократия и старое офицерство, революция будет обречена на гибель и ее не спасут ни самая лучшая конституция, ни самый лучший парламент... И как раз в этом вопросе Эберт и все руководство СДПГ совершенно однозначно встали на сторону контрреволюции. Они стремились спасти то, что революция хотела сокрушить: старое государство и старое обще-

ство, воплощением которого были бюрократия и офицерский корпус. Они лишь хотели придать старому государству парламентские формы и интегрироваться в него, чтобы в дальнейшем участвовать в управлении им» (с. 125).

Здесь автор признает, что «парламентские формы» были составной частью того старого государства, во имя сохранения которого Эберт и К^о развернули войну против Советов, в которых преобладали члены их собственной партии. Он признает и то, что Советы, поддерживая тех, кто уничтожал их грубой силой, «повернули фронт против своих лучших друзей: они не желали слушать спартаковцев, требовавших установления власти Советов» (с. 126). И все же, следуя моде, Хаффнер отдает известную дань концепции «третьего пути», рассуждая о возможности некоего «сочетания» власти Советов с буржуазным парламентаризмом.

Не став на этой почве поклонником ни Каутского, о котором едва упоминает, ни Гаазе, которого называет «мягким меланхоликом», Хаффнер превозносит лидера баварских «независимых» Курта Эйснера, объявляя его даже «единственным вождем революции» и автором «сбалансированной системы взаимного контроля между властью Советов и парламентом» (с. 182). Однако такой компромисс никогда и нигде не был осуществлен. Советская республика в Баварии — кульминационная точка германской революции — была самым жесточайшим образом потоплена в крови объединенными силами баварской и прусской реакции.

5

Отношение Хаффнера к революционерам-спартаковцам, создавшим Коммунистическую партию Германии и составившим ее ядро, к их вождям Карлу Либкнехту и Розе Люксембург по меньшей мере противоречиво.

Разоблачая социал-демократическую ложь о «большевистской революции», объясняя, что не спартаковцы «сделали» революцию, что ее совершили широкие массы рабочих и солдат, автор впадает в противоположную крайность: он умалывает роль спартаковцев-коммунистов и их вождей, которые были в Германии единственной силой, стремившейся продвинуть революцию вперед, к сокруше-

нию бастионов реакции, власти монополистов и военщины, подвести ее к решению социалистических задач.

Многократно подчеркивая стихийность революционных действий, создания по всей стране рабочих и солдатских Советов, автор «забывает» главное: кто звал массы к революции? Кто донес до них саму идею революционных Советов? Ведь без самоотверженной пропаганды, которую в условиях осадного положения вела горстка немецких революционеров, объединившаяся в группу «Спартак», и за которую ее руководители заплатили годами тюрьмы и каторги, германская революция не приобрела бы такого размаха.

Нет спора, в ноябрьские дни пагубно сказалась организационная слабость спартаковцев. Карл Либкнехт был освобожден из тюрьмы лишь 23 октября, Роза Люксембург и Лео Йогихес лишь 9 ноября. Однако кипучая деятельность Либкнехта и его соратников в Берлине накануне революции заслуживает, конечно, иной оценки, чем не критическое воспроизведение враждебного отзыва Барта, назвавшего стремление активизировать массы «революционной гимнастикой».

Хаффнер сам признает, что имя Либкнехта было в дни Ноябрьской революции не просто известным, а, пожалуй, самым известным именем в Германии: «Его знали все, и никого оно не оставляло равнодушным: оно вызывало самую горячую любовь у одних и самую жгучую ненависть у других». Но тут же автор считает почему-то нужным умалить роль Либкнехта, утверждая, что он был-де «лишь символической фигурой» и даже его выступление с балкона императорского дворца явилось лишь «сенсационной интермедией» (с. 102). Вопреки фактам Хаффнер называет Либкнехта «неизвестным заднескамеечником», отрицает его качества политика и вождя. Свидетельства такого рода либо почерпнуты из враждебной литературы, либо вырваны из контекста (как, например, ироническая характеристика, данная Розой Люксембург в частном письме). Да и сам Хаффнер почти тут же называет Либкнехта «одним из самых мужественных людей, когда-либо родившихся в Германии», «фигурой мирового значения», «олицетворением протеста против войны, олицетворением революции» (с. 156—158).

Розу Люксембург Хаффнер оценивает высоко, отмечает, что даже враги нехотя восхищались ее выдающимися

способностями: тонким и острым интеллектом, увлекающим даром оратора, политической страстностью, оригинальностью мыслителя. Указывая также на ее сердечность и доброту, он именует ее «политической фигурой первого ранга» и «величайшей женщиной нашего столетия» (с. 157), признает, что никто, кроме Розы Люксембург в «Роте фане», с самого начала революции день за днем не подвергал ее ход столь прозорливому, откровенному и беспощадному анализу.

И тем не менее Хаффнер утверждает, что Карл Либкнехт и Роза Люксембург, хотя и «работали, как одержимые, на пределе своих сил», практически ничего «не добились». Их деятельность он называет агитаторской, просветительской, журналистской, а не революционной, ошибочно считая таковой лишь организационную работу. Хаффнер не признает выдающейся исторической заслугой перед рабочим классом Германии и международным рабочим движением руководящее участие Либкнехта и Люксембург в образовании Коммунистической партии Германии. Следуя моде противопоставлять взгляды немецких левых ленинизму, Хаффнер преувеличивает их действительные слабости, которые они преодолевали в ходе революции: известную недооценку роли революционного насилия, переоценку стихийного сознания масс (с. 159—160).

«Январскую неделю» 1919 г. в Берлине Хаффнер связывает с решением главного вопроса революции — вопроса о власти, отвергая попытки социал-демократических лидеров оправдать свои злодеяния ссылкой на якобы имевшее место «коммунистическое восстание». Остается, правда, нераскрытым установленный исследователями факт сознательного провоцирования правительством берлинских рабочих на преждевременное выступление. Сравнение 5 января 1919 г. с 9 января 1918 г. не учитывает произошедшие за два месяца революции существенные сдвиги в расстановке классовых сил.

Автор видит, что кровавый разгром в январские дни революционных рабочих укрепил позиции и влияние не столько социал-демократических правителей, сколько тех реакционных офицеров, которые во главе белогвардейских «добровольцев» помогли Эберту и Носке удержаться у власти. Это контрреволюционеры развязали гражданскую войну против собственного народа. И первыми ее жертвами стали вожди германского и международного пролета-

риата Карл Либкнехт и Роза Люксембург. В книге не только показаны обстоятельства злодейского убийства, но и раскрыты его корни. Лицемерные попытки апологетов социал-демократии возложить вину на самих убитых Хаффнер отвергает. Нет, они были убиты преднамеренно: это было «убийством тех, кто превосходил своих противников мужеством и умом, было убийством неопровержимой правды» (с. 164—165). Он не оставляет ни малейшего сомнения относительно главных преступников, стоявших за спиной офицеров-убийц.

Хаффнер не останавливается на этом. Он с полным основанием считает это убийство только первым шагом в длинной цепи убийств, осуществленных в «эру Носке» и миллионкратно повторенных затем в годы «эры Гитлера». В ходе гражданской войны 1919 г. складывался облик будущих головорезов СА и СС, формировался дух концлагерей и фашистского террора. Стремясь наглядно показать плачевный итог социал-демократической политики, Хаффнер в главе «Немезида» выходит за хронологические рамки революции 1918—1919 гг. и рассказывает о реакционно-монархическом военном мятеже в марте 1920 г. — путче Каппа—Лютвица.

Но не только в этой главе, а и на протяжении всей книги прослеживается процесс укрепления и роста тех сил, которые позднее привели Германию к фашизму, а затем к новой военной катастрофе. Поскольку убийство революционных вождей, замечает Хаффнер, не признано преступлением и в нынешней ФРГ, оно до сих пор довлеет над ней и бросает на нее палящий свет, подобный смертоносному лучу лазера (с. 166).

6

Вернемся еще раз к основной идее книги Хаффнера. Он объявил своей задачей рассказать правду о германской революции 1918—1919 гг., разбить лживые легенды, искажающие картину славного периода германской истории. Сумел ли он это сделать?

Мы видели, что, разоблачая самые злостные легенды, автор сам не всегда смог избежать тех или иных ошибок. На главной слабости концепции автора, о которой говорилось выше мимоходом, следует остановиться подробнее.

Социальная революция — явление сложное и много-

плановое — прежде всего требует анализа объективных условий, ибо лишь на этой основе возможна глубокая оценка субъективных факторов. Поскольку Хаффнер пренебрег этим правилом, сосредоточив главное внимание на характеристике сравнительно узкого круга личностей, он то и дело грешит преувеличением их роли, даже и негативной.

Сорвав маску с правых лидеров германской социал-демократии, пригвоздив «великих предателей» к позорному столбу, Хаффнер, несомненно, сделал исторически полезное дело. Но, не вскрыв социально-исторических корней оппортунизма в рабочем движении, он оказался не в состоянии объяснить, почему такие личности на протяжении многих лет могли стоять во главе столь мощного рабочего класса Германии или его большинства. Ведь самое важное именно в этом, а не в том, «симпатичнее» ли выглядели бы Эберт и Носке, будь они крупномасштабными негодяями, а не мелкими обывателями (с. 211). Высказанные автором соображения о личных мотивах их поступков, конечно, не лишены интереса, и надо отдать должное психологической точности его наблюдений. Однако характеристика социал-демократии как политической партии требует применения иных мерок.

Выше отмечалось, что предреволюционная эволюция социал-демократии, оппортунистическое перерождение ее руководства обрисованы в книге поверхностно. Не раскрыты также противоречивый процесс пробуждения и прояснения классового сознания масс в ходе революции, их высвобождение из-под деморализующего влияния правых и правоцентристских лидеров, явно преуменьшены антикапиталистические, социалистические устремления пролетариата. Поэтому и вывод Хаффнера оказался неверным: немецкий рабочий класс в 1918—1919 гг. храбро сражался и истекал кровью вовсе не за «социалистическое единство» (с. 214). Этот лозунг «подбрасывали» массам в критические моменты лидеры СДПГ и НСДПГ, чтобы отвлечь их от революционной борьбы.

Карл Либкнехт многократно разъяснял пролетариям вред и лицемерие подобных призывов: «Не всякое «единство» усиливает. Единство между огнем и водой гасит огонь и испаряет воду; единство между волком и ягненком отдаст ягненка на съедение волку; единство между пролетариатом и господствующим классом приносит в жертву

пролетариат; единство с изменниками ведет к поражению... Апостолы единства хотят уже сегодня ликвидировать революцию... Единство с ними было бы губительным для пролетариата, было бы предательством международного социализма»¹.

В действительности рабочий класс Германии боролся, если сказать кратко, за то, чтобы революция не ограничилась узкими рамками буржуазно-демократических преобразований. И «великий раскол» социалистического движения не начался, как считает Хаффнер, с «великого предательства», а предшествовал ему.

Надо заметить, что Хаффнер явно преувеличил «заслуженную кару», понесенную предателями революции. Эберт не был «затравлен до смерти», а пробыл на посту президента шесть лет, продолжая политику, которую вел в революционные месяцы. Носке, хотя его «диктаторские» замашки не имели успеха, «промаялся» почти тринадцать лет на посту обер-президента Ганновера. В 1933 г. он услышал лично от Геринга комплимент — «таких, как вы, не прогоняют» — и получал в годы фашизма «заслуженную» пенсию. Правда, на исходе фашистской диктатуры у него были неприятности, но умер он в конце 1946 г. в возрасте семидесяти восьми лет. Как свидетельствуют мемуары, он ушел из жизни, не раскаявшись.

Следует также сказать, что часто употребляемые в книге выражения о революции «подавленной», «задушенной», «разгромленной», «преданной», «потерпевшей крушение» и т. п. нуждаются в уточнении. По сути дела, все они относятся не к той реальной революции, которая произошла в Германии в 1918—1919 гг. и как революция *буржуазно-демократическая* худо-бедно выполнила эти свои задачи. Они относятся к той революции, которая исторически назрела и могла бы совершиться тогда в Германии, — революции пролетарской, *социалистической*, — если бы ее не сорвали, не предали социал-демократические лидеры. Действительно великое предательство они совершили по отношению к рабочему классу, который к ней стремился. Они задушили, подавили, потопили в крови его революционный авангард. В конечном счете это и привело к тому, что рабочий класс и весь немецкий народ расплачивались

¹ K. Liebknecht. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. IX. Berlin, 1968, S. 602.

столь дорогой ценой: фашистской диктатурой, второй мировой войной, еще более тяжелым поражением. Хаффнер прав, что от всего этого Германию могла бы оградить победа германской революции (с. 214). Надо только и здесь уточнить: победа *социалистической* германской революции.

Совершенно неправ Хаффнер, когда пишет, что «рабочий класс так никогда и не оправился от того удара в спину, который был ему когда-то нанесен», что его боевой дух был сломлен, что сыновья революционных бойцов 1918—1920 гг. «в 1945 г. уже не смогли повторить подвиг отцов, совершенный в 1918 г. Их внуки, живущие сегодня, вообще уже ничего не знают об этом подвиге. Революционные традиции германских рабочих угасли» (с. 214).

Нет, это не так. Сыновья революционеров — коммунисты уже в июне 1945 г., когда еще дымились развалины немецких городов, писали в воззвании к народу Германии:

«После всех горестей и страданий, стыда и позора, после самой мрачной эры немецкой истории... и социал-демократические рабочие тоже признают нашу правоту: фашистская чума смогла распространиться в Германии только потому, что в 1918 г. поджигатели войны и военные преступники остались безнаказанными... Поэтому мы требуем: не повторять ошибок 1918 г.! Покончить с расколом среди трудящихся! Никакого снисхождения фашизму и реакции! Никогда не допускать в дальнейшем травли и враждебности в отношении Советского Союза, ибо, где начинается подобная травля, там подымает голову империалистическая реакция!»¹

Коммунисты и социал-демократы на востоке Германии, поддержанные всеми трудящимися, смогли не только повторить подвиг отцов, но и пойти гораздо дальше их — на пути созидания нового, социалистического общества. И дети их многое знают о подвиге отцов и дедов, и революционные традиции здесь вовсе не угасли. На западе Германии такое развитие было сорвано. Имело ли там место новое «великое предательство»? Хаффнер об этом умалчивает. Но только к ФРГ, а никак не к ГДР могут быть отнесены его слова, что «и по сей день есть еще много немцев типа Эберта, ненавидящих любую революцию «как смертный грех». И по сей день много таких, которые

¹ «За антифашистскую демократическую Германию». Сборник документов, 1945—1949. М., 1969, с. 72.

отрекаются от революции 1918 г., считая ее позорным пятном в истории нации» (с. 215).

Коль скоро Хаффнер считает революцию 1918—1919 гг. славным подвигом, он, будучи последовательным, должен был бы признать еще более славным подвиг создателей на немецкой земле социалистического государства рабочих и крестьян. Но не будем требовать от автора большего, чем он способен дать. И в ФРГ революционные традиции германских рабочих не угасли, и мы верим, что и СДПГ способна кое-чему научиться на своих ошибках. Поэтому мы ценим стремление автора содействовать своей книгой тому, чтобы был, говоря его словами, наконец прерван процесс вытеснения из сознания населения ФРГ славных страниц истории немецкого народа.

Я. С. Драбкин,
доктор исторических наук

И я скажу незнающему свету,
Как все произошло: то будет повесть
Бесчеловечных и кровавых дел,
Случайных кар, негаданных убийств,
Смертей, в нужде подстроенных лукавством,
И, наконец, коварных козней, павших
На голову зачинщиков. Все это
Я изложу вам.

Шекспир. Гамлет. Акт V. Сцена 2.

Предисловие

Легенда Франца Кафки «У врат закона» рассказывает о человеке, который неоднократно стремится войти в ворота, но стражник не пропускает его. Всю свою жизнь он проводит перед ними в надежде, ожидании и повторяющихся тщетных попытках смягчить неприступного стража. Наконец, когда настал его смертный час, он уловил угасающим сознанием голос привратника, кричавшего ему: «Этот вход был предназначен лишь для тебя. Теперь я пойду и запру его».

Эта легенда Кафки приходит на память всякий раз, когда анализируешь историю Германской империи и немецкой социал-демократии. Возникнув почти в одно время, они, казалось, были созданы друг для друга: Бисмарк создал государственные формы, в рамках которых социал-демократия могла развиваться и которые она надеялась когда-нибудь наполнить устойчивым и разумным политическим содержанием. Если бы ей это удалось, Германская империя, возможно, существовала бы и ныне.

Как известно, ей это не удалось. Германская империя попала не в те руки и погибла. Социал-демократия, которая с самого начала чувствовала призвание управлять империей и которая, возможно, могла бы ее спасти, на протяжении семидесяти четырех лет существования империи¹ так и не сумела набраться ни мужества, ни сил, чтобы подчинить ее своей власти. Подобно человеку из легенды Кафки, она домовито обосновалась перед дверью. И в 1945 г. мировая история могла бы точно так же прокричать ей в уши: «Этот вход был предназначен лишь для тебя. Теперь я пойду и запру его».

Однако в отличие от легенды Кафки в этой истории существует драматический момент, в который, казалось, все могло измениться. Перед лицом поражения на внешнем фронте привратники кайзеровской империи в 1918 г. сами открыли вождям социал-демократии так долго стоявшие запертыми наружные ворота и добровольно допустили их (не без тайного умысла) в преддверие власти. И вот тогда социал-демократические массы, обгоняя своих вождей и увлекая их с собой, двинулись на штурм и вдребезги разбили последние ворота, за которыми находилась сама власть. Казалось, что после полувекового ожидания немецкая социал-демократия в ноябре 1918 г. очутилась наконец у цели.

И тогда случилось невероятное. Вожди социал-демократии, возведенные вопреки собственному желанию социал-демократическими массами на пустовавший трон, немедленно призвали старую, лишившуюся прежних хозяев дворцовую стражу и велели вышвырнуть своих сторонников вон. Год спустя они сами вновь оказались с наружной стороны ворот — на этот раз навсегда.

Германская революция 1918 г. была социал-демократической революцией², которая была разгромлена социал-демократическими вождями — факт почти беспрецедентный в мировой истории.

То, как это происходило, и будет показано сцена за сценой в настоящей книге. Однако, прежде чем поднять занавес над мрачной драмой, следует бросить беглый взгляд на длинную цепь событий, предшествовавших ей: на полувековой период надежд и ожиданий социал-демократии перед воротами, ведущими к власти.

1. Кайзеровская империя и социал-демократия

Германская империя и Социал-демократическая партия Германии не только возникли почти в одно и то же время³, они имели одни и те же корни: потерпевшую неудачу буржуазную революцию 1848 г. Эта революция преследовала две цели: внешнюю — национальное объединение — и внутреннюю — создание нового, демократического порядка. И то и другое не удалось. Раздробленность на мелкие государства и феодализм, еще остававшиеся основами домартовской Германии⁴, созрели для ликвидации в начинавшуюся эпоху капитализма.

Но буржуазная революция потерпела крах, и германская буржуазия примирилась с ним. Выполнение стоявших перед ней задач взяли на себя другие. Национальное объединение — преодоление устаревших государственных границ — вместо нее осуществил Бисмарк, возглавлявший прусское конкерство и использовавший с этой целью прусскую армию. Дело внутренней модернизации — устранение изживших сословных границ — как нерешенную задачу приняло из ослабевших рук третьего четвертое сословие. Бисмарк и нарождавшееся немецкое рабочее движение в шестидесятые годы взяли в свои руки концы оборвавшейся в 1849 г. нити. Если бы они действовали совместно, то около 1870 г. свершилось бы то, что не удалось в 1848 г., — могло возникнуть современное, жизнеспособное германское национальное государство. Но они не выступали вместе. Они противостояли друг другу. И это не могло быть иначе — несмотря на кратковременный, головокружительный, но бесплодный флирт между Бисмарком и Лассалем⁵.

Результатом явилось создание Германской империи, которая, внушая своей мощью страх внешнему миру, своим внутренним устройством напоминала косо застегнутый жилет. То, что она как национальное государство представляла собой нечто неопределенное, — как известно, в ее состав не вошли многие немцы, но зато были включены представители многих других народов — вероятнее всего, было неизбежным и могло сойти с рук. Коренным пороком этого государства нельзя также считать представлявшую собой нечто совершенно удивительное и неправдоподобное бисмарковскую конституцию, узаконившую неразрешенный дуализм между империей и Пруссией, иллюзорную власть союзных князей и бундесрата, нечетко поделенную абсолютную власть кайзера и рейхсканцлера, возведенное на институционный уровень безвластие рейхстага и существование неинтегрированной армии⁶. Конституции могут быть изменены. Бисмарковскую же империю при всем блеске одержанных ею военных побед обрекала на положение «смертельно больного» (такое определение дал историк Артур Розенберг в своей книге «Возникновение Веймарской республики») неверная, отсталая, противоречившая потребностям исторического развития система распределения власти между различными общественными классами.

Система управления государством была порочной. Прусские юнкеры, утрачивавшие свои экономические позиции и постепенно превращавшиеся в паразитический класс, не ведая того, как это случилось, вдруг получили политическую власть в современном индустриальном государстве. Капиталистическая буржуазия, привыкшая после 1849 г. к безответственности и избалованная ею, пыталась за границами собственного государства обрести ту власть, доступ к которой был ей закрыт внутри страны, а потому пустилась во внешнеполитические авантюры⁷. В то же время социал-демократические рабочие, объективно бывшие главным резервом нации и готовые принять на себя ответственность, от которой отеклась буржуазия, считались «врагами империи».

Являлись ли они таковыми в действительности? Их боялись, объявляли вне закона, ненавидели и на протяжении последних двенадцати лет правления Бисмарка, с 1878 по 1890 г., подвергали преследованиям⁸. Несомненно, в то время они являлись непримиримыми противниками государственного и общественного строя, который Бисмарк дал созданной им империи. Несомненно, что они провозглашали своей целью политическую и социальную революцию, о которой тогда не имели, впрочем, четких представлений, не говоря уже о конкретных планах ее осуществления. Несомненно, что, подобно другим «врагам империи», таким, как избиратели, голосовавшие за католическую партию Центра⁹, они располагали связями и пользовались поддержкой за рубежами империи. Тем, чем для католиков была всемирная церковь, для них служил Социалистический интернационал¹⁰.

Тем не менее ни одни, ни другие не являлись врагами империи. Напротив, и социал-демократы, и партия Центра с самого начала были имперскими партиями в полном смысле этого слова, — партиями, возникшими и выросшими в империи, вместе с империей и благодаря империи, имевшими в ней более глубокие корни, чем ее основатели-пруссак. Ни социал-демократам, ни представителям Центра даже во сне не могло прийти в голову добиваться или даже желать ликвидации германской империи, которая являлась неотъемлемой средой их обитания. Более того, они с самого начала чувствовали себя — и социал-демократы в еще большей степени, чем представители Центра, — ее потенциальными наследниками. Артур Розенберг до-

пускал совсем небольшое преувеличение, когда писал: «Так, правление социал-демократической партии представляло собой подпольное контрправительство, а Август Бебель, находившийся на вершине своего влияния, был чем-то вроде контркайзера».

Социал-демократы бисмарковской империи были революционными патриотами. Они стремились к внутреннему перевороту и переустройству, но ни в коем случае не желали ослабления внешнего могущества или распада империи. Они хотели создать из империи Бисмарка свою империю — отнюдь не для того, чтобы ослабить или вовсе ликвидировать ее, а для того, чтобы поднять ее до уровня требований эпохи. Разумеется, подобная позиция, достаточно ясная с теоретической точки зрения, на практике оказывалась не лишеной противоречий. Определенное противоречие таят в себе два известнейших заявления Августа Бебеля, на протяжении многих лет являвшегося руководителем партии: «Ни одного человека, ни одного гроша этой системе!» и «Если дело дойдет до войны с Россией, я сам возьму в руки винтовку!»¹¹ Однако в 1918 г. социал-демократы потерпели крушение в результате не этого, а совсем другого противоречия.

Германская социальная революция, которую они неизменно предсказывали, которую поначалу действительно ожидали и к которой стремились, всегда оставалась для них делом завтрашнего и послезавтрашнего дня и никогда не являлась требованием дня сегодняшнего. Ни один немецкий социал-демократ никогда не задавался вопросом «что делать?»¹², как его ставил Ленин. Революция, говорили они себе, когда-нибудь «грядет». Для них она никогда не была делом, которым им самим следовало заняться в стране и сегодня же. Достаточно было ждать ее прихода, а до этого они жили в кайзеровской империи так, как это было однажды заведено, в качестве членов одной из имперских партий радуясь усилению ее позиций на очередных выборах в рейхстаг. Но революционная партия, которая довольствуется ожиданием революции, мало-помалу перестает быть революционной партией. Действительность всегда сильнее, чем то будущее, которого лишь ждут и на которое надеются, особенно тогда, когда ожидаемое и желаемое отодвигается во все более отдаленное будущее, а действительность оказывается все более сносной.

В данном случае имело место и то и другое. В 1891 г.

Август Бебель говорил на съезде СДПГ: «Буржуазное общество так решительно приближает свою собственную гибель, что нам остается лишь дожидаться того момента, когда мы сможем взять выпавшую из его рук власть... Да, я убежден, что осуществление нашей конечной цели настолько близко, что лишь единицы из сидящих в этом зале не доживут до этого момента». Двадцатью годами позже он назвал революцию всего лишь «великим крахом» — выражение, говорящее о многом, ибо крупная шумиха отнюдь не представляет собой нечто такое, чего ждут с горячим нетерпением. Он снова бросил в лицо своим противникам (на этот раз в рейхстаге) слова: «Его («великий крах») вызовем не мы, а вы сами». Однако о том, что революция стоит у порога, уже не было и речи, а только: «Она грядет, ее наступление лишь откладывается». На этот раз в зале действительно находилось мало людей, которым не суждено было ее дождаться. Семь лет спустя она разразилась. Однако СДПГ внутренне уже перестала действительно желать того, что теперь она именовала «великим крахом»¹³.

Поразительно, насколько роковые даты истории германской империи совпадают с такими же датами истории социал-демократической партии. Сорок восемь лет существования кайзеровской империи вмещают в себя три четко отличающихся один от другого периода: двадцатилетнее правление Бисмарка — вплоть до 1890 г.; период правления Вильгельма II — с 1890 по 1914 г.; и четырехлетний период войны — с 1914 по 1918 г. Точно так же можно периодизировать историю социал-демократической партии. Во времена Бисмарка она являлась, по крайней мере по собственной оценке, партией красной революции. Между 1890 и 1914 гг. она оставалась революционной лишь на словах. Втайне она начала рассматривать себя как составную часть вильгельмовской Германии¹⁴. Начиная с 1914 г. это превращение происходит открыто.

Отвечая на вопрос, чем же было обусловлено ее пере рождение, в первую очередь следует назвать прекращение преследований. В последние недели своей власти Бисмарк намеревался еще больше ужесточить законы, направленные против социалистов, вплоть до открытого объявления им гражданской войны. Вильгельм II отменил эти законы¹⁵. Вожди социал-демократии и ее функционеры, в течение двенадцати лет являвшиеся людьми, стоявшими вне

закона, за которыми буквально охотились, отныне получили возможность вести безопасную, приятную и интересную жизнь парламентской элиты. Они должны были бы проявить сверхчеловеческие качества, чтобы не испытывать за это облегчение определенной признательности.

Но это было не все. Внутриполитическая атмосфера вильгельмовской Германии в целом отличалась от той, что характеризовала эпоху Бисмарка. Она была менее напряженной, более свободной, менее жесткой и строгой. Германия на рубеже веков была страной более счастливой, чем в 80-е годы. В Германии Бисмарка царила удушливая атмосфера. Вильгельм II распахнул окна и дал ворваться свежему воздуху. Чувство благодарности, которое он сумел внушить, и большая популярность, которую он завоевал в первые годы, были совсем не случайны. Разумеется, благотворная разрядка внутренней напряженности была достигнута благодаря тому, что накопленная энергия и избыточное внутреннее давление были направлены в область внешней политики, так сказать за счет внешнего мира, который не захотел мириться с этим слишком долго. Расплатой за нее в итоге стала война ¹⁶.

Однако на рубеже 1900-х годов об этом могли догадываться лишь немногие. Что касается социал-демократов, то они главным образом заметили, что предгрозовая атмосфера, угрожавшая революционным разрядом, рассеялась. До 1890 г. они действительно верили, что революция «грядет». Теперь они видели ее во все более отдаленном будущем.

Политика Вильгельма II приносила пользу в первую очередь капиталистической буржуазии, которая теперь была вознаграждена за свое отстранение от власти внутри страны возможностью добиваться утверждения собственной власти над внешним миром ¹⁷. Вместе с тем кое-что из материальных благ, полученных в результате империалистической экспансии, перепало и немецкому рабочему. Его положение далеко не стало хорошим, однако оно стало лучше, чем прежде. А кто ощущает улучшение и надеется в дальнейшем на улучшение, тот теряет охоту к революции. «Ревизионисты» в СДПГ, которые уже в первые годы нынешнего столетия хотели вычеркнуть революцию из партийной программы и перейти к политике лишь социальных реформ, совершенно правильно улавливали, куда дует ветер. Они не получили поддержки. На партийных

съездах и собраниях партия, как и прежде, продолжала под красными знаменами провозглашать грядущую революцию. Однако теперь между словами и убеждениями зияла все расширяющаяся пропасть. «Марксистский центр»¹⁸ партии втайне думал то же самое, что открыто говорили ревизионисты. Левое крыло партии, все еще продолжавшее верить в революцию, было в меньшинстве.

Наконец, к этому прибавилось третье обстоятельство: блестящая парламентская карьера СДПГ. От выборов к выборам партия увеличивала число своих избирателей и мандатов. С 1912 г. она стала сильнейшей партией в рейхстаге. Могло ли это пройти для нее бесследно? Могла ли она не задумываться над этим в условиях, когда революция становилась все менее вероятной, а социал-демократическая фракция в рейхстаге в обстановке полной легальности все росла и росла.

Правда, рейхстаг в соответствии с бисмарковской конституцией имел мало власти, но разве это не могло измениться? Ведь и другие партии стремились получить больше власти. А если можно было прийти к власти на основе создания большинства в рейхстаге и парламентаризации режима, зачем тогда нужна еще и революция? Никто, даже ревизионисты, никогда не говорил об этом открыто. В 1914 г. СДПГ в действительности была уже парламентской, а вовсе не революционной партией. Она больше не стремилась разрушить существующее государство. Она хотела вместе с другими парламентскими партиями — либералами и партией Центра — врать в него. Массовые манифестации и красные знамена являлись не более чем традиционным ритуалом. Парламентская игра, парламентское честолубие стали сущностью партии. Когда в 1914 г. началась война, стало ясно, что было видимостью, а что сутью. В течение одной недели СДПГ еще поддерживала видимость революционности. 25 июля 1914 г. в соответствии с ранее принятыми решениями партийных съездов она заявила «пламенный протест против преступных происков поджигателей войны». В последующие дни в Берлине еще проходили организованные социал-демократами антивоенные уличные демонстрации. Их никак нельзя назвать незначительными: в них каждый раз участвовало от двадцати до тридцати тысяч человек. Один из двух сопредседателей партии, Фридрих Эберт, отправился с партийной кассой в Цюрих. Тогда еще считались с возможностью

запрета партии, арестов, конфискации. Другой, Гуго Гаазе, «левый»¹⁹, поспешил в Брюссель в бюро Социалистического интернационала, чтобы обсудить вопрос об интернациональных акциях против войны.

Однако, когда затем действительно разразилась война, обо всем этом больше не было речи. Девяносто шестью голосами против четырнадцати парламентская фракция СДПГ решила дать согласие на предоставление правительству военных кредитов, а четырнадцать представителей оппозиции единодушно склонились перед волей большинства (среди них тогда еще и самый левый из левых — Карл Либкнехт). Одним из четырнадцати был Гуго Гаазе, меланхолик, роль которого на протяжении всей жизни состояла в том, чтобы, оказываясь в меньшинстве при голосовании, затем присоединяться к большинству. Именно ему выпала сомнительная честь выступить 4 августа от имени партии и вопреки собственному внутреннему убеждению сделать знаменитое заявление: «В час опасности мы не бросим родину на произвол судьбы». На это заявление кайзер дал столь же знаменитый ответ: «Я больше не знаю партий, я знаю только немцев». Германская социал-демократия заключила мир с кайзеровской империей. С этого момента она вела себя как партия, разделяющая государственную ответственность, еще не став таковой на деле.

Левое крыло партии, продолжавшее хранить верность прежним революционным целям, было потрясено этим «предательством» и не придерживалось мира с кайзеровской империей: в ходе войны оно откололось от партии; к нему присоединилась часть группы представителей прежнего «марксистского центра» и старых ревизионистов²⁰. С 1917 г. существовали две социал-демократические партии — СДПГ и НСДПГ, «социалисты большинства» и «независимые». Если первые лояльно относились к войне и государству, то вторые были пацифистами и — по крайней мере частично — революционерами. Но решение от 4 августа 1914 г. не было «предательством». Оно было продиктовано, если иметь в виду направление развития партии на протяжении предшествовавших двадцати пяти лет и даже абстрагироваться от всего, что было привнесено инстинктивным патриотизмом, паникой и военным психозом, логикой ее политики. Партия понимала, что война была счетом, предъявленным за четвертьвековую империа-

листическую, агрессивную внешнюю политику, плодами которой наряду с другими пользовались и немецкий рабочий, и германская социал-демократия. В данном смысле это был случай соучастия, общей ответственности за содеянное. Однако главным было другое; если партия стремилась вместе с парламентом и через посредство парламента вступить в государственную власть, то война давала ей на это шанс. Теперь она впервые стала нужна. В условиях массовой войны партию, пользовавшуюся доверием масс, нельзя было больше игнорировать. СДПГ считала, что сказав «да» войне, она подошла к порогу власти.

В этом отношении она и заблуждалась, и в то же время не заблуждалась. Ни рейхстагу, ни парламентскому большинству, ни социал-демократии вплоть до последнего дня войны так и не удалось добиться для себя подлинной власти; ее в действительности получили военные. Вместе с тем в ходе войны отношения, установленные германской конституцией, все же изменялись, и рейхстаг и СДПГ оказались в числе тех, кто выигрывал, а не терял в результате этих изменений. В проигрыше оказались главным образом кайзер и союзные князья, которые из устоев конституционного здания превратились лишь в украшение. В проигрыше оказались также канцлер и кабинет министров. Из ответственных инстанций, принимающих решения, они все больше и больше превращались во вспомогательные органы Верховного командования сухопутных сил. С осени 1916 г. подлинным правительством Германии являлось оно. С этого времени действительным кайзером стал Гинденбург, а канцлером — Людендорф. Однако за сохранявшимся монархическим фасадом формировалась не только военная диктатура, но параллельно с ней и нечто вроде тайной республики. Единственной противостоящей силой, которая, находясь рядом с Верховным командованием, приобретала все больший вес и постоянно заставляла считаться с собой, было парламентское большинство рейхстага, которое в ходе войны превратилось в коалицию, состоявшую из СДПГ, Прогрессивной партии и партии Центра.

Новая конституционная действительность ясно проявилась в июле 1917 г., когда Верховное командование и парламентское большинство предприняли действия, на которые они в соответствии с конституцией не имели ни малейшего права. Совместными усилиями — хотя и пре-

следуя при этом прямо противоположные цели — они сбросили рейхсканцлера. Разумеется, выбор преемника определяло отнюдь не парламентское большинство, как оно на то надеялось. Его определял Людендорф, показав, кому в действительности принадлежит власть в Германии. Но все же начиная с 1917 г. рейхсканцлер имел вице-канцлера из числа депутатов рейхстага. Отныне парламентское большинство не допускало больше, чтобы им полностью пренебрегали. На протяжении двух последних военных лет между Верховным командованием и парламентским большинством господствовали отношения, напоминавшие отношения между правительством и оппозицией в парламентарном государстве.

Верховное командование правило, причем правило твердой рукой — с помощью осадного положения, цензуры и превентивных арестов. Его правление было строже и жестче, чем осуществлявшаяся в соответствии с конституцией в предвоенные годы кайзеровская государственная власть, сапоги которой оно внезапно натянуло на себя. Однако в отличие от кайзеровских властей предвоенного периода оно уже не могло просто игнорировать партии парламентского большинства. К ним прислушивались, они могли участвовать в диалоге. Они могли даже сбросить канцлера.

Парламентское большинство играло роль оппозиции. Между ним и правящей военной верхушкой дважды имели место продолжительные дискуссии: о целях войны и о реформе конституции. Парламентское большинство призывало к заключению мира в результате переговоров, в ходе которых не должны были выдвигаться чрезмерные аннексионистские притязания. Верховное командование решительно выступало за «победный мир». Парламентское большинство настаивало на всеобщем избирательном праве во всех государствах — членах имперского союза, на свободе печати, демократизации и расширении прав парламента. Верховное командование отвечало: «После победы — возможно». Дебаты по мере их продолжения приобретали все более ожесточенный характер, и представителям парламентского большинства приходилось выслушивать резкие выражения в свой адрес, исходившие не только от стоявших у власти военных, но в еще большей мере от парламентских коллег справа и органов «национальной» прессы.

Но это не могло поколебать их лояльность. Вплоть до самого последнего момента они голосовали за предоставление всех военных кредитов. Именно СДПГ прилагала особо большие усилия для убеждения масс, истекавших кровью и голодавших, а иногда уже начинавших роптать и прибегать к забастовкам, в необходимости «выстоять». Она даже в мыслях не допускала возможности малейшего противодействия войне даже тогда, когда она велась не в соответствии с их представлениями. Такую возможность допускали только «независимые социал-демократы», которые весной 1917 г. организовались в новую левую партию²¹. Хотя партия была слабо представлена в рейхстаге, она стала внушительной силой в масштабах страны. Ей, однако, была уготована судьба, которая выпала на долю СДПГ во времена Бисмарка, — судьба гонимых. Поскольку парламентский иммунитет не являлся надежной защитой, им приходилось считаться с возможностью превентивных арестов, призыва на военную службу в качестве солдат строительных частей и даже с отправкой в штрафные батальоны.

Подобная опасность теперь уже не грозила представителям парламентского большинства, включая и социал-демократов. Их стали принимать в салонах, они были вхожи в министерства и другие правительственные учреждения. Даже в ставке Верховного командования им при случае оказывали надлежащий прием и вежливо выслушивали. Для них это был необычный успех, и они не могли не испытывать определенных теплых, даже нежных чувств в связи с такими проявлениями учтивости и благосклонности со стороны власти имущих.

Между отдельными вождями СДПГ и некоторыми представителями новой военной иерархии установились даже в определенной мере товарищеские отношения, например между лидером партии Фридрихом Эбертом и инспектором железных дорог генералом Вильгельмом Грёнером. Им приходилось сотрудничать по самым различным вопросам, и они хорошо понимали друг друга. Оба были сыновьями ремесленников из южных районов страны: один из Бадена, другой — из Вюртемберга; оба являлись серьезными, трезвомыслящими, отменными специалистами, национально настроенными «государственными людьми». Непонятно, как прежде они могли относиться друг к другу с такой отчужденностью и даже враждебностью?

Партия социал-демократов в военные годы так и не сумела встать в подлинную власть, но ей удалось проникнуться атмосферой власти. Теперь, даже играя до поры до времени роль оппозиции, она принадлежала к «истэблшменту», была национальной, лояльной, оппозиционной и реформистской партией, которая критиковала правительство, но больше не стремилась к разрушению государства. Она примирилась с монархией и капитализмом. Она стремилась к введению парламентской формы правления и к заключению мира, основанного на соглашении. Она была готова попеременно со своими правобуржуазными противниками мирно участвовать в правительствах, которые будут создаваться в рамках будущей парламентской системы. Ее буржуазные союзники из партий прогрессистов и Центра были ей гораздо ближе, чем отколовшиеся товарищи из НСДПГ. Первые были для нее теперь друзьями и партнерами, вторые стали «близкими» врагами.

Такой ход развития вызвал определенные осложнения в отношениях между партийным руководством и партийными массами. Они всегда покоились на строгой дисциплине и подчинении. Издевательское выражение «королевско-прусская социал-демократия» появилось еще в довоенный период. Однако в то время между рядовыми «товарищами» и их вождями все еще сохранялась довольно прочная классовая солидарность и близость, поддерживавшиеся совместными дружескими вечеринками. Вожди социал-демократии были простыми людьми, которые говорили языком простых людей. Теперь же они иногда уже разговаривали с ними языком господ. В то время как они начали разделять заботы стоявших у власти военных и ценить человеческие качества последних, их рядовым сторонникам приходилось в большей мере, чем когда-либо прежде, испытывать на собственной шкуре всю суровость и жестокость военной власти. Определенное отчуждение было неизбежным. Некоторые из прежних бастионов СДПГ — Берлин, Лейпциг, Бремен, Гамбург — теперь превратились в центры НСДПГ.

НСДПГ, которая с 1916 г. голосовала против военных кредитов, продолжала традиции довоенной социал-демократии куда более последовательно, чем партия большинства. Она охватывала представителей самых различных идейных течений, существовавших внутри довоенной социал-демократии, — от вождя ревизионистов Эдуарда Берн-

штейна, главного идеолога «марксистского центра» Карла Каутского до революционеров-интернационалистов из группы «Спартак», созданной Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. НСДПГ ни в коей мере не была последовательно революционной, единой левой партией, подобно ленинской партии большевиков. Представители входивших в нее течений были едины лишь в их враждебном отношении к войне, которую они уже давно не считали оборонительной, а, напротив, видели в ней войну захватническую, империалистическую. Их объединяла также крайняя антипатия к поддерживавшим войну социалистам большинства, которые платили им той же монетой²². Для представителей большинства «независимые» являлись чем-то вроде изменников родины, тогда как вторые считали первых предателями дела социализма и рабочего класса.

Тем не менее снизу, с позиций рядовых членов, раскол в социал-демократии, вызвавший в среде политиков столько горечи и даже ненависти, рассматривался как совершенно безобидное явление. Для многих из них сторонники большинства и «независимые» по существу оставались одним и тем же, незначительно отличаясь друг от друга. В конце концов, ведь социал-демократия большинства выступала за мир по соглашению, против аннексионистов и сторонников продолжения войны «до победного конца». И она требовала реформы избирательного права и демократизации, правда менее настойчиво, в более мягкой форме. Опять же и к ней можно было обратиться за помощью, когда кто-нибудь оказывался ущемленным жесткими мерами особого положения, в случае произвольных арестов или придинок. Иногда даже ей с ее более доверительными методами удавалось добиться большего, чем «независимым» с их грубым радикализмом. В конце концов, ведь и социал-демократия большинства никогда публично не отрекалась от великих конечных целей социализма.

Доверие умирает не так быстро. Массы все еще продолжали верить своим вождям, к которым они давно привыкли, — тем, что оставались в СДПГ, ничуть не меньше, чем перешедшим в НСДПГ. Для них эти вожди были опорой. Во время массовой стачки в январе 1918 г. ее участники избрали в состав забастовочного комитета лидеров СДПГ, а несколько дней спустя дали им возмож-

ность уговорить себя прекратить забастовку. Ведь война продолжалась, в ней надо было выстоять, а это требовало напряжения всех сил. Большинство надеялось, что единство партии будет восстановлено после войны.

Вплоть до конца лета 1918 г. для рядового немца «после войны» означало после победы или, во всяком случае, после заключения мира по соглашению. Мысль о возможном поражении никогда не воспринималась всерьез. Разве на протяжении четырех лет не одерживались непрерывные победы? Разве повсеместно немецкие армии не находились на вражеской территории? Разве не удалось совсем недавно заставить Россию пойти на заключение мира? ²³ Для людей в Германии война воплощалась в голоде, переживаниях за тех, кто «находится там», на фронтах, и в сообщениях об одержанных победах. Люди держались, буквально стиснув зубы, продолжали бороться, голодать и надрываться, полные ярости против тех, кто, несмотря на все победы, не желал заключать мир. Но чтобы при всем том можно было еще и проиграть войну — этого не допускал никто.

Людей, допускавших, пусть даже мысленно, такую возможность, не говоря уже о том, чтобы согласиться с нею, не было и среди тех, кто стоял во главе Германской империи. Так, летом 1918 г. в связи с провалом последнего крупного немецкого наступления на Западном фронте и массовым прибытием американских войск во Францию неизбежность поражения стала полностью очевидной. И даже тогда руководители Германии не захотели признавать такую возможность. Время, когда необходимо было приспособиться к неотвратимо надвигавшемуся поражению и когда, быть может, еще существовала возможность если не предотвратить его, то хотя бы ослабить последствия разгрома, было упущено.

Затем, в августе и сентябре, началось стремительное развитие событий. На Западе войска Антанты переходили в наступление на одном за другим участках фронта. Германская армия, утратив преимущества, полученные в результате весенних наступлений, неудержимо откатывалась назад. Союзники Германии терпели крушение один за другим. 13 сентября Австрия обратилась с призывом о помощи. 15 сентября войска Антанты прорвали Балканский фронт. 27 сентября капитулировала Болгария. В тот же день на Западе на широком фронте развернулось на-

ступление на линию Гинденбурга — последнюю укрепленную линию обороны немцев. Она заколебалась.

А тем временем немецкие газеты продолжали твердить о необходимости выстоять и о конечной победе. Парламентарии в Берлине, исполненные горьких предчувствий, однако далекие даже от мысли, что наступил конец, обсуждали вопрос о том, не близится ли пора сменить правительство и более серьезно заняться поиском путей к заключению мира по соглашению? Проблема сводилась лишь к одному: как убедить в этом Людендорфа.

Им предстояло пережить ошеломляющую неожиданность. Именно сам Людендорф внезапно произвел смену правительства, а заодно изменил и конституцию. Он принял решения, на которые парламентарии не могли решиться. Он дал Германии парламентскую демократию и ввел представителей СДПГ в правительство, что было пределом их мечтаний. Но в придачу к этому он возложил на них бремя ответственности за поражение. И требовал он от них теперь уже не поиска путей к заключению мира по соглашению, а капитуляции.

Все это произошло 29 сентября 1918 г.²⁴

2. 29 сентября 1918 г.

Воскресенье 29 сентября 1918 г. началось как чудесный день позднего лета, а завершилось осенней бурей и проливным дождем. В тот год это был день смены лета осенью. Для Германии это был также день резкой смены политического климата. В этот день резко и бесповоротно были приняты решения, которые повлекли за собой окончание первой мировой войны, положили конец немецкому сопротивлению и знаменовали начало конца кайзеровской империи.

29 сентября 1918 г. является одной из самых значительных дат немецкой истории, однако она не стала, подобно другим сравнимым с ней датам — таким, как 30 января 1933 г. или 8 мая 1945 г., — неотъемлемой частью немецкого исторического самосознания. В какой-то степени это объясняется тем, что на следующий день в газетах ни об одном из происшедших событий не было сказано ни слова. События 29 сентября на протяжении еще многих лет оставались государственной тайной. И тогда, когда с них наконец стало известно, они сохранили на редкость

неопределенные очертания, словно бы окутанные таинственным туманом.

29 сентября 1918 г. явилось одновременно и 8 мая 1945 г., и 30 января 1933 г.²⁵ Оно принесло с собой и капитуляцию, и изменение государственного строя. И то и другое явилось делом рук одного человека, притом человека, положение которого в соответствии с конституцией не предоставляло ему ни малейшего права на проведение чреватых такими далеко идущими последствиями действий — первого генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа.

За событиями 29 сентября 1918 г. все еще продолжает стоять загадка Людендорфа: загадка его власти, загадка его личности и загадка мотивов, которыми он руководствовался.

В последние два военных года власть Людендорфа стала практически неограниченной²⁶, но никогда ее безграничность не проявлялась так отчетливо, как в этот день, когда он уступил и разрушил ее. То была власть, какой до Гитлера не обладал ни один германский политический деятель, даже Бисмарк, то была диктаторская власть.

Глава Верховного командования сухопутными силами генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, номинальный начальник Людендорфа, в действительности был не чем иным, как послушной креатурой последнего. Кайзер, являвшийся в соответствии с буквой конституции Верховным военным руководителем, привык исполнять как приказ любое желание Верховного командования, будь то в политической или в военной сфере. Канцлеры и министры приходили и уходили по требованию Людендорфа. Когда же Людендорф наконец решился внезапно сделать из бисмарковской Германии парламентскую демократию и заставить эту парламентскую демократию выбросить белый флаг, не нашлось никого, кто бы посмел оказать сопротивление или хотя бы возразить ему. Принятое им решение было выполнено беспрекословно. И тем не менее этот человек был всего лишь одним из многих генералов, далеко не самым старшим по званию, неизменно лишь второй фигурой в составе Верховного командования, не занимавшим никаких политических постов и не имевшим никаких политических полномочий. Что же дало ему такую безграничную власть?

Ясного и бесспорного ответа на этот вопрос нет и по-

ныне. В самом характере Людендорфа заключено нечто загадочное, и эта загадочность растет, чем глубже его изучают.

Для широких масс имя Людендорфа ничего не значило. Он не был национальным героем. Героем был Гинденбург. И Людендорф охотно уступал ему всю популярность, весь блеск, всю славу и почести. Ему было совершенно чуждо тщеславие. Можно было бы сказать, что его не привлекал блеск власти, а влекла только сама власть, если бы при ближайшем рассмотрении не выяснилось, что и к ней он относился равнодушно. Разве найдется где-нибудь еще один такой диктатор, который, подобно тому как это сделал Людендорф 29 сентября 1918 г., добровольно отказался от власти и, пользуясь своим всесилием, отдал приказ о ее законной передаче своим политическим противникам и даже организовал такую передачу?

Разумеется, он сделал это в момент поражения и, как будет показано дальше, не без задней мысли. Но все же стоит сравнить поведение Людендорфа в момент поражения с действиями Гитлера в аналогичных условиях. Тогда придется признать: Людендорф не был властолюбив... Он был самоотвержен на свой собственный суровый и злоумышленный лад.

Людендорф не был ловцом человеческих душ и вождем. Он не обладал ни очарованием, ни демонизмом, не умел ни околдовывать, ни убеждать, ни гипнотизировать. В обиходе был сух, резок, нелюбезен, неуступчив, «малоконтактен». В своей области, в военном деле, он, несомненно, являлся выдающимся знатоком, хотя его можно лишь с большим трудом назвать одаренным полководцем, которого позже пытались из него сделать его поклонники. Он не был ни человеком гениального вдохновения, ни Наполеоном — во время первой мировой войны такого не было ни у одной из воюющих сторон, — а являлся организатором, администратором, знатоком техники ведения войны: хладнокровным и решительным, добросовестным до беспощадности и неутомимым в работе, дельным генералом. Но было немало и других дельных генералов. Когда задаешься вопросом, что же позволило этому генералу, выходцу из буржуазной среды, подняться над всеми остальными и получить в свои руки решающую власть, на ум приходит только одно: его суровая, почти нечеловеческая самоотверженность, которая позволяла ему быть

только ступком воли, только орудием, только воплощением.

Именно в этом заключалась причина: Людендорф воплощал собой нечто, воплощал, как никто другой, новый господствующий класс Германии, буржуазию (которая в ходе войны все больше и больше оттесняла старую аристократию), воплощая ее пангерманистские идеи, ее бешеную жажду победы, ту одержимость, с которой она шла на все во имя установления своего «мирового господства». Поскольку он был самоотвержен, лишен каких-либо личных амбиций, да и вообще всяких амбиций, был чрезвычайно деловым, деловым на какой-то злоедейский, бесчеловечный лад, он был в состоянии в любое время пойти на крайний риск и превратить безрассудную смелость в обыденное явление. И новый господствующий класс Германии хорошо чувствовал это. Поэтому Людендорф был его человеком и поэтому буржуазия слепо следовала за ним, в то время как оттесненные в сторону более утонченные старорежимные аристократы капитулировали перед его безжалостной деловитостью и целеустремленностью, а массы повиновались ропща.

Людендорф был человеком, который взялся выиграть войну для Германии и выиграть полностью. Это был человек, готовый совершенно спокойно вновь и вновь играть ва-банк. Во всех его решениях было нечто чудовищное, например неограниченная подводная война²⁷, поддержка большевистской революции²⁸, насильственный Брест-Литовский мир, крупное наступление на Востоке летом 1918 г., предпринятое им в тот самый момент, когда он искал решения на Западе. Это был его стиль, и это был стиль, в котором крупная буржуазия Германии узнавала свой собственный, выражавший ее самую сокровенную суть и устремления. Людендорф впервые внес в немецкий образ действий новые черты: хладнокровная одержимость, склонность бросать вызов судьбе, стремление действовать по принципу «все или ничего», ставшему девизом целого класса и с тех пор исчезавшему из немецкой истории.

Его единоличное решение, принятое 29 сентября, отмечено той же печатью. Оно было характерной для Людендорфа личной реакцией на поражение.

Часто — почти с самого начала — утверждали, что в этот день (или, точнее, в предыдущую пятницу, 27 сентяб-

ря, когда в его голове созрел план, который он осуществил в воскресенье) у Людендорфа просто «сдали нервы». И действительно, Людендорф, упорно не желавший до последнего момента признавать возможность поражения, вероятность которого можно было предвидеть за несколько месяцев, а очевидную неизбежность — за несколько недель до этого, вдруг неожиданно, буквально в один день, лишился своей упрямой веры в победу и впал в глубокий, даже чрезмерный пессимизм и пораженчество. Еще в июле, отвечая на вопрос вновь назначенного статс-секретаря по иностранным делам фон Гинтце, он заверял, что ожидает в результате предстоящего немецкого наступления в районе Реймса окончательной военной победы. Несомненно, что такими заявлениями он стремился скрыть собственное ясное понимание неизбежности поражения. На заседании Коронного совета 14 августа ²⁹, состоявшемся после провала этого наступления и первых тяжелых поражений, понесенных немцами, он все еще считал возможным парализовать натиск противника с помощью упорного сопротивления и согласился с отсрочкой впредь до улучшения военной обстановки шагов, направленных на заключение мира. Теперь же, 29 сентября, он вдруг потребовал в течение двадцати четырех часов запросить перемирие, четко мотивируя его тем, что не может отсрочить военную катастрофу на Западном фронте более чем на одни сутки.

Естественно, это могло создать впечатление, что в связи со сложившимся на фронте положением — принявшим особенно угрожающий характер — у него вдруг не выдержали нервы. Особенно после того, как в последующие дни и недели выяснилось, что катастрофа, которую ожидали на Западном фронте, так и не наступила. Подтвердилось, что твердость Людендорфа вовсе не была такой непоколебимой, как представлялось, и что до этого у него не раз повторялись нервные кризисы, которые приводили в трепет его окружение в ставке Верховного командования. Но они были характерны скорее для предшествовавших месяцев, когда он вопреки собственному пониманию военной обстановки продолжал заставлять себя оставаться оптимистом. В исторические дни 28 и 29 сентября он снова действовал поразительно хладнокровно, обдуманно и самостоятельно. Совсем не так, как действовал бы человек со взвинченными нервами, а, напротив, как человек, полностью владевший собой и придерживавшийся четко проду-

манного плана. Многое говорит за то, что такое впечатление не было обманчивым.

Людендорф никогда не был осторожным человеком, перестраховщиком, человеком, подверженным чужим влияниям. Выучка, полученная им в Генеральном штабе, и его темперамент, взаимодействуя и подкрепляя друг друга, привили ему стиль мышления и действий, допускавший лишь резкие, даже крайние альтернативы. Людендорф привык мысленно прорабатывать альтернативные планы, подобно тому как это принято было делать в Генеральном штабе, а окончательно остановившись на одном из них, с максимумом энергии проводить его в жизнь, доводя дело до крайностей и не оглядываясь по сторонам. Если план рушился, значит, наступало время для новых альтернатив и новых радикальных решений. По-видимому, летом 1918 г. Людендорфа мучило, а иногда приводило на грань нервного потрясения именно то, что он оказался вынужденным тянуть лямку, не руководствуясь никаким планом: неспособный смириться с возможностью поражения, посмотреть правде в глаза, он судорожно продолжал стремиться к победе, не располагая на этот раз четкой концепцией относительно путей, способных привести его к цели. Наконец неожиданно 27 сентября в связи с прорывом войсками Антанты линии Гинденбурга создалось безвыходное положение. Его анализ сложившейся обстановки неопровержимо свидетельствовал о непосредственной возможности военной катастрофы. Он смирился с поражением. Это открытие, которое должно было явиться для него страшным ударом, одновременно принесло с собой облегчение. Ибо теперь Людендорф мог снова планировать. На этот раз он планировал поражение.

Он планировал его точно так же, как до этого планировал победу: как военный, как генерал, но не как политик. Перед лицом поражения он сосредоточился на одной задаче: спасти армию.

В ходе любой войны возникает подспудный конфликт между военным руководством и политикой. Победа иногда немного сглаживает его, тогда как поражение безжалостно обнажает. В ходе некоторых проигранных судебных процессов наступает момент, когда адвокат перестает думать об интересах своего подзащитного, а занят лишь тем, как защитить себя от иска о возмещении ущерба со стороны разочарованного клиента. Так же в обстановке пора-

жения начинает думать и руководство разгромленной армии, нередко забывая об интересах страны, которую оно больше не в силах защитить, и заботясь лишь о том, как бы сохранить в неприкосновенности себя и незапятнанной — свою воинскую честь. Так было во Франции в 1940 г. Так произошло в Германии в 1918 г.

Главная цель Людендорфа начиная с момента, когда он решил «овладеть пораженным», сводилась к тому, что должна быть спасена армия, ее существование и ее честь. Во имя спасения существования армии следовало заключить перемирие — немедленно, без каких-либо проволочек, если возможно, то завтра же. Ведь каждый день грозил обернуться военным разгромом. Но для спасения чести армии предложение о перемирии должно было исходить от правительства, а не от Верховного командования. Оно должно было мотивироваться политическими, а не военными причинами.

Постановка такой задачи требовала ответа на три следующих вопроса: какими политическими мотивами следовало обосновать просьбу о перемирии? Какое правительство могло бы проявить готовность пойти на такой шаг? И как можно было бы гарантировать полное соблюдение победоносным врагом перемирия, которое у него вымаливали?

Ответы на эти вопросы совпадали. Чтобы придать предложениям о перемирии видимость политической мотивированности, необходимо было подкрепить их предложением о заключении мира и сделать так, чтобы они исходили от тех, кто всегда выступал за заключение мира, по соглашению. Следовательно, они должны были исходить от партий парламентского большинства. Отсюда вытекала необходимость введения их в правительство или же формирования правительства ими самими.

Для того чтобы парламентское большинство проявило готовность взять на себя ответственность за управление страной в таких тяжелейших условиях, ему следовало что-то предложить взамен. А это означало пересмотр конституции, к которому оно так стремилось, переход к парламентской форме правления. Тем самым можно было бы одновременно улучшить предпосылки для получения согласия на перемирие. Ведь Антанта утверждала, что ведет войну во имя демократии. Американский президент Вильсон особенно часто выступал с публичными заявле-

ниями, что цель войны состоит в демократизации Германии. Прекрасно! Если ему теперь подсунуть готовое демократическое правительство Германии, он не сможет отклонить исходящие от него предложения о перемирии. Одновременно за основу переговоров о мире следует взять его же знаменитые 14 пунктов, с тем чтобы еще больше затруднить возможность отказа.

Но если, несмотря на это, он все же ответит отказом или выдвинет новые непредвиденные и унижительные условия? В таком случае придется подумать. Возможно, новое народное правительство развяжет народную войну, отчаянный *levée en mass*³⁰. А если оно не сделает этого и, наоборот, подчинится, то это будет *его*, правительства, подчинением. В любом случае армия будет спасена: спасены будут и ее существование, и ее честь. Возможно, она позволит себе даже участие в бесперспективном с самого начала и потому безопасном движении протеста против унижительного подчинения. Позже, после войны, используя свою сохранившуюся в неприкосновенности силу и незапятнанную честь, армия сможет прогнать обесчещенное капитуляцией парламентское правительство.

Таков был разработанный Людендорфом план использования поражения, которое он отныне считал неотвратимым. Он принял решение 27 сентября. 28 сентября он посвятил в него Гинденбурга, который, как обычно, согласился. 29 сентября он получил одно за другим согласие министра иностранных дел, кайзера и канцлера. Это была последняя крупная операция Людендорфа. В отличие от предпринимавшихся им в 1918 г. широких военных наступлений на этот раз ему с самого начала удалось осуществить полный прорыв фронта.

Операция была проведена с четкостью, соответствовавшей традициям Генерального штаба. При этом решающую роль играл фактор внезапности. Вплоть до вечера пятницы никто не имел еще ни малейшего представления об общем плане Людендорфа. Утром 28 сентября он сообщил о нем рейхсканцлеру престарелому графу Гертлингу через своего офицера связи в Берлине полковника фон Винтерфельдта лишь о том, что Верховное командование пришло к выводу «о необходимости реорганизации правительства или его преобразования на более широкой основе». Одновременно он пригласил рейхсканцлера немедленно прибыть в ставку Верховного командования. Сын

графа Гертлинга, являвшийся и его адъютантом, вспоминает:

«Сразу после того, как полковник фон Винтерфельдт покинул его комнату, отец вошел ко мне и сообщил о неожиданном изменении политической позиции Верховного командования сухопутных сил. Естественно, я был крайне удивлен, услышав от него, что Верховное командование совершенно неожиданно высказалось за парламентарную форму правления, сторонником которого оно прежде никогда не было». Канцлер решил отправиться в ставку вечером. Но до него туда уже отправился статс-секретарь иностранных дел Пауль фон Гинтце.

Это произошло утром в субботу 28 сентября. Лишь во второй половине дня, уже после того как был предпринят этот шаг, Людендорф счел необходимым ознакомить с собственными намерениями своего номинального начальника Гинденбурга. В воспоминаниях он так пишет об этом:

«28 сентября в 6 часов пополудни я направился к генерал-фельдмаршалу в комнату, которая находилась этажом ниже. Я изложил ему свои мысли, касавшиеся предложения о заключении мира и перемирия... Теперь нам предстоит действовать вместе без промедления, совершенно четко и определенно. Генерал-фельдмаршал выслушал меня взволнованно. Он ответил, что собирался вечером сказать мне то же самое, что он тоже долго обдумывал сложившуюся обстановку и считает намеченный шаг необходимым... На прощание мы с генерал-фельдмаршалом обменялись крепким рукопожатием людей, которые похоронили свое любимое детище и готовы держаться вместе не только в добрые времена, но и в часы тяжелейших испытаний, выпадающих на долю человека».

Из этого описания остается неясным, посвятил ли Людендорф начальника в содержание своего плана полностью или же — что более вероятно — лишь частично: только в военные аспекты, подобно тому как до этого он информировал рейхсканцлера только относительно аспектов политических.

Напротив, можно считать твердо установленным, что план во всех его деталях был изложен Людендорфом до полудня в субботу одному лишь статс-секретарю иностранных дел фон Гинтце. По сообщениям Гинтце, весьма вероятно даже, что в ходе этой беседы план Людендорфа был несколько изменен и принял окончательную форму с уче-

том соображений Гинтце. По своему духовному складу Гинтце был похож на Людендорфа. Он был более молодым, ловким и хладнокровным человеком, обладавшим острым умом. Флотский офицер, он, подобно Людендорфу, был выходцем из буржуазной среды, придерживавшимся пангерманистских взглядов. Он был «сражен» резким сообщением Людендорфа, что Западный фронт может быть с минуты на минуту прорван и положение армии требует немедленного перемирия, но быстро взял себя в руки. Он положительно отнесся к идее Людендорфа, согласно которой предложение о перемирии, ставшем теперь неотложной необходимостью, должно исходить от парламентского большинства, но сделал в этом направлении еще один шаг. Представляется, что Людендорф поначалу имел в виду лишь ввести в состав существующего правительства представителей социал-демократов, Прогрессивной партии и партии Центра, с тем чтобы обосновать неожиданные предложения о мире и перемирии. Этого, по мнению Гинтце, было недостаточно. Перед лицом надвинувшейся «катастрофы, угрожавшей армии, народу, империи и монархии», должно было быть осуществлено полное, зримое драматическое изменение государственной системы и конституции, своего рода «революция сверху». (Выражение впервые появилось в ходе этого разговора, однако, кто произнес его первым, Гинтце или Людендорф, остается неясным³¹.) Людендорф вначале опасался, что это затруднит заключение перемирия. Однако затем он быстро согласился с мнением статс-секретаря. «Революция сверху» ему импонировала. Она соответствовала его склонности к крайним решениям, стремлению во всем идти до конца. Она давала возможность, наконец, дополнить его концепцию пунктом, приобретающим решающую роль. Чем более радикальный характер будет носить разрыв с прежним правительством и прежней конституцией, тем более правдоподобным будет казаться, что решение о перемирии принято исключительно по собственной политической воле новых людей и что армия не имеет к нему никакого отношения.

К обсуждению был привлечен Гинденбург. Он, как всегда, согласился. Затем пошли поесть. После полудня нужно было доложить кайзеру.

Тем временем ничего не подозревавший престарелый рейхсканцлер граф Гертлинг находился на пути в бельгий-

ский курортный городок Спа, где с некоторых пор размещалась ставка Верховного командования. Сопровождавший его сын оставил нам впечатляющий рассказ и о самой поездке, и о том, что произошло по прибытии: «Был прекрасный, теплый солнечный день. Меня переполняло особое чувство, когда мы проезжали по хорошо знакомой и полюбившейся нам местности, которую мы покинули всего месяц назад. Недавно наступившая осень окрасила леса во множество цветов... По мере приближения к Спа погода менялась: небо затянули темные тучи, и при нашем въезде в замок начал накрапывать мелкий дождь. В доме было холодно и уютно.

Вскоре после нашего прибытия доложили о приходе господина фон Гинтце... Разговор между ним и моим отцом был кратким. Когда он ушел, отец вошел в мою комнату с очень озабоченным выражением лица и сказал: «Это ужасно. Верховное командование требует, чтобы Антанте немедленно было направлено предложение о мире. Гинтце с его пессимизмом оказался прав!»

Еще в пути престарелый канцлер принял решение просить об отставке. На протяжении всей своей жизни он был убежденным монархистом. Он не желал участвовать в установлении парламентской формы правления. Ему даже не пришла в голову мысль о возможности помешать этому, коль скоро на том настаивал Людендорф. А теперь еще и это! Как патриот, он был потрясен. Как канцлер, и так решивший подать в отставку, он испытывал скорее облегчение в связи с тем, что это теперь в известной мере его уже больше не касалось.

Канцлер не присутствовал во время решающего доклада, который был сделан кайзеру Гинденбургом. Гражданские власти были представлены одним лишь Гинтце, который еще с утра находился в полном согласии с Гинденбургом и Людендорфом. Кайзер не пытался сопротивляться, он согласился со всем, что ему предлагали: и с установлением парламентской формы правления, и с просьбой о перемирии. Он временно отклонил только прошение Гинтце об отставке, с которым тот сразу же к нему обратился.

Таким образом, все уже было окончательно решено к тому моменту, когда в четыре часа пополудни кайзер со свитой наконец появились у рейхсканцлера. Оставалось лишь составить текст императорского указа о введении

парламентской формы правления и принять отставку графа Гертлинга. Самым удивительным в событиях этого исторического дня являлось то, насколько обыденно и недраматично, гладко, как нечто само собой разумеющееся они происходили. А ведь речь в данном случае шла о том, чтобы согласиться с проигрышем мировой войны, которая велась на протяжении четырех лет с крайним ожесточением, и одновременно разрушить возведенное Бисмарком здание конституционной системы. Однако никто, казалось, не волновался. Единственным, что вызвало некоторые споры, оказался вопрос об отставке рейхсканцлера и статс-секретаря иностранных дел. Людендорф захватил всех врасплох, и все играли предуказанные им роли, находясь словно в трансе и будто совсем не замечая то чудовищное, что они творят.

«Кайзер, — пишет Гертлинг-младший, — как мне казалось, выглядел в этот день ничуть не хуже обычного... Обсуждение продолжалось долго. Господин фон Гинтце, который всю ночь ехал в Спа, а всю первую половину дня вел переговоры с членами Верховного командования, выглядел совершенно обессиленным и, переутомленный, уснул у нас в комнате, дожидаясь, когда его пригласят на заседание... Тем временем было подготовлено заявление кайзера, в котором он выражал свою волю привлечь к управлению государством большее, чем до сих пор, число представителей народа и благосклонно соглашался принять отставку моего отца. Я отнес текст в рабочий кабинет, где еще продолжалось совещание, имевшее огромное значение. Кайзер говорил немного. От его имени выступал начальник его кабинета, который спорил так громко, что его голос можно было слышать в соседней комнате. Кайзер более чем болезненно отнесся к отставке канцлера... Затем обсуждение закончилось. Кайзер, как всегда, приветливо попрощался с нами, и мы остались одни. Мой отец хранил молчание. Однако, когда я начал описывать ему, как вскоре мы сможем перебраться из долины в наши любимые баварские горы, его серьезное лицо озарилось тихой и почти счастливой улыбкой».

А как отнесся ко всему этому кайзер? Согласно свидетельству его хрониста Нимана, «вечером 29 сентября в окружении кайзера царило тихое разочарование, которое, однако, сопровождалось явным неодобрением поведения генерала Людендорфа».

Тихое разочарование и «явное» неодобрение — это было все, что смогли противопоставить кайзер и канцлер воле Людендорфа в тот поворотный для судеб Германии день. Воспротивиться ему они не решились.

Находившиеся у власти в соответствии с положениями конституции правители кайзеровской империи 29 сентября 1918 г. капитулировали без боя. В определенном смысле они уже отреклись от власти.

Далеко не так безболезненно проходило в последующие дни формирование парламентского правительства в Берлине, которому наряду с властью предстояло взять на себя ответственность за поражение. Решения, принятые 29 сентября, произвели эффект разорвавшейся бомбы и в среде штабных офицеров Верховного командования.

3. Октябрь

«Чудовищно и ужасающе!» — так записал в своем дневнике 1 октября полковник генерального штаба фон Тэр после совещания, на котором Людендорф объявил о случившемся всему составу штаба Верховного командования сухопутных сил. И он продолжает: «Пока Л. говорил, можно было слышать тихие стоны и приглушенные рыдания, у многих, пожалуй у большинства, невольно текли по щекам слезы... Поскольку я все равно должен был идти к нему с докладом, я сразу же последовал за ним и — зная его на протяжении столь долгого времени, — схватил его обеими руками за правую руку, чего в других условиях я никогда бы себе не позволил, а затем сказал: «Ваше превосходительство, неужели это правда? Неужели это последнее слово? Вижу ли я все это наяву или, может быть, во сне? Это так ужасно! Что же теперь будет?»

Аналогичные сцены разыгрались на следующий день в рейхстаге в Берлине, где посланец Людендорфа майор генерального штаба фон дем Бусше объявил руководителям всех политических партий: «Верховное командование сочло себя обязанным предложить Его Величеству попытаться прекратить боевые действия, считая продолжение войны бесперспективным. Каждый день может ухудшить наше положение, а наша слабость — стать известной врагу».

Один из очевидцев так описал впечатление, произведенное этим заявлением: «Депутаты были совершенно

сломлены. Эберт был смертельно бледен и не мог произнести ни слова. Депутат Штреземан выглядел так, будто с ним вот-вот что-то случится... Министр фон Вальдов покинул зал со словами: «Теперь остается только пустить себе пулю в лоб». Господин фон Гейдебранд, вождь прусских консерваторов, бросился в кулуары с криком: «Нам лгали и нас обманывали на протяжении четырех лет».

В то время как Людендорф таким образом вывел из равновесия Генеральный штаб и райхстаг — оба центра власти, которым отныне определять немецкую политику, — сам он вновь обрел полное самообладание. Он снова почувствовал себя хозяином положения и планировал свои действия, как всегда, хладнокровно и четко. Полковник фон Тэр, дневниковые записи которого являются бесценным документом как единственное более или менее дословное воспроизведение высказываний Людендорфа в те дни, так описывает его выступление:

«Когда мы собрались, Людендорф вступил в наш круг с лицом, исполненным глубокой скорби, бледный, но с высоко поднятой головой. Прекрасная фигура истинно германского героя! Я вспомнил Зигфрида, смертельно раненого в спину копьем Хагена.

Он сказал примерно следующее: он чувствует себя обязанным сообщить нам, что наше военное положение является крайне серьезным. В любой день наш Западный фронт может быть прорван... На войска надеяться *больше* нельзя... Можно предвидеть, что уже в ближайшее время противнику с помощью готовых к боям американцев удастся одержать *крупную победу*, осуществить весьма *широкий прорыв фронта*. Тогда наша западная армия, потеряв выдержку и полностью разложившись, начнет неудержимо откатываться назад, через Рейн, и принесет с собой в Германию революцию. Эта катастрофа *должна быть* во что бы то ни стало предотвращена. В силу названных причин нельзя допустить разгрома. Поэтому Верховное командование сухопутных сил потребовало от Его Величества и канцлера *немедленно* обратиться к американскому президенту Вильсону о перемирии, имеющем целью последующее заключение мира на основе сформулированных им 14 пунктов...

И для фельдмаршала, и для него самого наступил ужасный момент, когда возникла необходимость доложить об этом Его Величеству и канцлеру. Последний, граф

Гертлинг, с большим достоинством заявил Его Величеству, что в создавшихся условиях считает своим долгом немедленно сложить с себя полномочия. После стольких лет беспорочной службы он не желает на закате жизни запятнать свою честь просьбой о перемирии. Кайзер принял его отставку.

Его превосходительство Людендорф добавил: «Таким образом, в данный момент у нас нет канцлера. Пока неизвестно, кто займет этот пост. *Однако я просил Его Величество привлечь теперь к участию в правительстве представителей также тех кругов, которым мы главным образом обязаны тем, что дело зашло так далеко.* Итак, мы явимся свидетелями вступления этих господ на министерские посты. Им придется заключить мир, который сейчас должен быть заключен. Им теперь придется расхлебывать кашу, которую они заварили для нас!»

Когда затем фон Тэр схватил его за руку, «он оставался совершенно спокойным, кротким и, сопровождая свои слова грустной усмешкой, произнес: «Увы, так угодно государю, и я не вижу другого выхода».

«Выход», который видел Людендорф и который оставил его «совершенно спокойным и кротким», представлял собой не что иное, как попытку снять с себя и переложить на других ответственность за поражение, на чем впоследствии должна была быть построена легенда об «ударе кинжалом в спину». Встает вопрос: кто же заварил кашу и кому предстояло ее расхлебывать? Если уже 29 сентября поражение Германии было действительно таким неминуемым и полным, как утверждал Людендорф, то в таком случае это было его поражением, ибо *именно он* вплоть до этого дня руководил военными действиями и определял военную политику Германии — он, а не его критики. Однако если поражение еще не было полным, а требование о заключении перемирия явилось преждевременным, то тогда оно тем более было его поражением, ибо он сам вызвал его, настаивая на перемирии. Если противник еще сомневался в победе, а в Германии сомневались в неизбежности поражения и в силу этого в первом случае проявлялась готовность к переговорам, а во втором — готовность к сопротивлению, то просьба о немедленном перемирии должна была свести все на нет. Именно это требование вело к капитуляции. Именно Людендорф настаивал, чтобы она стала фактом. Но он не желал нести за нее ответственность. Напротив,

он хотел взвалить ее на новое правительство парламентского большинства, заставить его «расхлебывать кашу». Такова была плата за то, что он допустил их в правительство.

В момент своего поражения Людендорф оставался все тем же хладнокровным и отчаянно храбрым составителем планов, каким был всю жизнь. Как всегда, он шел ва-банк. Он предложил партиям парламентского большинства то, о чем они не смели мечтать даже во сне: установление в полном объеме парламентской формы правления, всю власть целиком. Устоять перед такой приманкой было невозможно. Но разумеется, приманка была отравленной: на ней висела ответственность за поражение, за тотальное поражение, которого невозможно было более избежать после просьбы о перемирии. Людендорф расставил своим внутриполитическим противникам ловушку, как когда-то русским при Танненберге³², и те подобным же образом полезли в нее, хотя и не без известных опасений и оглядок. Новый рейхсканцлер, либерал принц Макс Баденский, который в прошлом выступал с осторожной критикой военной политики Людендорфа, был ошеломлен, узнав по прибытии в Берлин 1 октября об уготованной ему роли. В течение двух дней он вел отчаянную борьбу против обращения с просьбой о перемирии. Она была направлена лишь 4 октября, а не 1, как того требовал Людендорф. Филипп Шейдеман — в то время второе лицо в СДПГ и еоратор в рейхстаге по внешнеполитическим вопросам, — предчувствуя худое, выступал на заседании парламентской фракции против вступления в «обанкротившееся предприятие» и сумел привлечь на свою сторону значительную часть ее членов.

Самое удивительное заключается в том, что двумя людьми, которым удалось сломить сопротивление принца и социал-демократических депутатов, являлись тогдашний и будущий глава германского государства. Вильгельм II прикрикнул на своего артачившегося царственного собрата в Коронном совете: «Тебя пригласили сюда не для того, чтобы ты создавал трудности Верховному командованию». А Фридрих Эберт, вождь социал-демократов, убеждал членов парламентской фракции СДПГ с помощью следующих аргументов: когда все рухнет, партия не может дать повод для упреков в свой адрес за отказ от участия именно в тот момент, когда ее со всех сторон настойчиво умоляют

об этом. «Наоборот, мы должны броситься в образовавшуюся брешь. Мы должны посмотреть, располагаем ли мы достаточным влиянием для того, чтобы добиться осуществления наших требований и, если это окажется возможным, связать их со спасением родины. В этом состоит наш долг, наша проклятая обязанность». Эберт выиграл и направил артачившегося Шейдемана в качестве статс-секретаря в правительство принца Макса.

Так утром 5 октября Германия узнала, что отныне она парламентская демократия, имеет новое правительство, в котором при либеральном баденском принце, занимающем пост канцлера, тон задают социал-демократы, «шейдемановцы», и что это правительство сразу же, не медля ни минуты, направило американскому президенту просьбу о перемирии и мире. О том, что происходило 29 сентября, никто ничего не узнал. За исключением крайне узкого круга людей, никто в Германии не имел ни малейшего представления, что за предложением о перемирии скрывался Людендорф, что именно он заставил пойти на этот шаг. Подобное подозрение было бы воспринято как совершеннейший абсурд. Ведь Гинденбург и Людендорф были людьми с крепкими нервами и железной волей к победе, людьми, которые сами провозгласили себя гарантами конечной победы. Напротив, Шейдеман и депутат рейхстага от партии Центра Маттиас Эрцбергер, которые теперь неожиданно оказались в правительстве, являлись людьми, чьи имена были связаны с июльской (1917 г.) «мирной» резолюцией рейхстага, «ничтожествами, нытиками, пораженцами, воронами, накликающими беду и квакающими болотными жабами», как обозвала их в своем «приветствии» Партия свободных консерваторов. Теперь, когда дело приняло бурный оборот, чего можно было ожидать от них как не воплей о немедленном мире! «Мир Гинденбурга» или «мир Шейдемана» — под этими лозунгами на протяжении многих лет в стране велись споры о целях, которые Германия преследовала в войне. Стоило только Шейдеману оказаться в правительстве, как сразу пришлось капитулировать. Этого следовало ожидать. Иначе и не могло быть. С приходом этого правительства война оказалась проигранной.

Это страшное известие почти полностью отодвинуло на задний план вторую новость — сообщение о глубоком изменении конституции и установлении парламентской фор-

мы правления. Разумеется, Эберт назвал в рейхстаге 5 октября «поворотным пунктом в истории Германии», «днем рождения германской демократии», но его почти никто не слушал. Пересмотр конституции в этот момент был совершенно безразличен немецким массам, а принц на посту рейхсканцлера с трудом воспринимался как символ демократии. Главным было окончание войны, поражение, капитуляция, конец ужаса и ужасный конец. Эти проблемы, подобно удару молнии, раскололи страну на два лагеря. Одни восприняли это с отчаянием, другие — с облегчением. Измученные войной, голодные массы наконец вздохнули, а распаленные войной, жаждавшие победы буржуа рыдали. Одни восклицали: «наконец-то», другие стонали: «предательство!» И оба лагеря уже с ненавистью начинали смотреть друг на друга. Только в одном они были едины: в том, что наступил конец.

Примечательно, что именно в этом вопросе и те и другие заблуждались: наступление конца заставляло себя ждать. Весь октябрь ушел на это. Предложение о перемирии было направлено американскому президенту Вильсону, который был не единственным, кому надлежало дать ответ, причем Вильсон реагировал на предложение нерешительно, с недоверием и выработывал свои предварительные условия по капле. Между 8 и 23 октября он направил три ноты. В первой он требовал ухода с захваченных территорий, во второй — прекращения подводной войны, в третьей, почти открыто, — отречения кайзера. А война между тем продолжалась: на Западном фронте гибли люди, в Германии — голодали. Даже новые приказы о призыве резервистов продолжали издаваться в октябре 1918 г. в массовом порядке. В армию призывались семнадцатилетние.

По поводу каждого ответа Вильсону в Берлине, а также между Берлином и ставкой, находившейся в Спа, велась многодневная борьба. Самым удивительным было то, что при этом позиции сторон изменились на прямо противоположные.

В течение первой недели октября рейхсканцлер отчаянно сопротивлялся выступлению с предложением о перемирии, а Людендорф властно на нем настаивал. Теперь же, когда оно было сделано, имперское правительство не видело никакой возможности для обратных действий, в то время как Людендорф все больше и больше отходил от

своей первоначальной позиции. Теперь он неожиданно выступил за прекращение обмена нотами и продолжение борьбы — и это несмотря на то, что положение Германии день ото дня становилось все отчаяннее.

Крупный прорыв союзников на Западном фронте, которого в последние дни сентября так опасался Людендорф, не осуществился. Западный фронт дрогнул и подался назад, но не развалился — не развалился он ни в октябре, ни в ноябре. Еще в день заключения перемирия на Западе продолжал существовать, хотя и откатывавшийся назад, лишенный надежды остановиться, но все же сплошной немецкий фронт. Однако последние из оставшихся союзников, Австро-Венгрия и Турция, в течение октября были разгромлены, а с Балкан и из Италии к незащищенным южным границам Германии неудержимо приближались армии стран Антанты. С потерей румынской нефти нетрудно было предвидеть наступление такого дня, когда прекратится снабжение горючим армии, авиации и флота. Если на Западе и можно было бы продержаться в течение зимы, то о ведении весенней кампании не приходилось и думать.

Утверждать, как это пытались делать, будто один лишь Людендорф не замечал происходящего, значило недооценивать его военного опыта и знаний. Как и любому другому, ему во второй половине октября должно было быть ясно, что поражение неотвратимо и что немедленное заключение перемирия является единственной возможностью избавить страну от ужасов вторжения. И тем не менее теперь он стал выступать защитником продолжения безнадежной борьбы до самого конца так, словно событий 29 сентября никогда и не было.

Коренной поворот в позиции Людендорфа нельзя объяснить ни военными, ни внешнеполитическими причинами. Он был вызван исключительно причинами внутриполитического характера. Людендорф никогда не был другом парламентской демократии. Конечно, 29 сентября он сам декретировал введение парламентской формы правления. Но сделал он это вовсе не для того, чтобы превратить ее в прочный, успешно функционирующий институт. Напротив, он поступил так для того, чтобы запятнать ее позором поражения и капитуляции с расчетом, что, после того как она выполнит возложенную на нее работу, с ней можно будет быстро покончить раз и навсегда. Вопреки

всем ожиданиям первый шаг ему удался. Новое парламентское правительство целиком взяло на себя ответственность за просьбу о перемирии, полностью исключив тем самым возможность каких-либо подозрений, что ее автором было Верховное командование. Еще 16 октября на пресс-конференции имперского правительства была оглашена директива: «При всех обстоятельствах следует опровергать мнение, будто наши мирные инициативы исходят от военных. Рейхсканцлер и правительство взяли на себя ответственность и приняли решение об этом шаге. Пресса не должна разрушать такое впечатление». Этот лояльный самоговор правительства парламентского большинства представлял собой патриотический блеф перед лицом враждебного внешнего мира: в Америке, Англии и Франции по возможности до самого последнего момента никто не должен был догадываться, что Верховное командование само признало войну проигранной. Но как раз тем самым парламентское правительство отдало себя на суд и расправу Верховному командованию. Поскольку правительство само заявило, что добровольно подняло белый флаг, Верховное командование снова могло протестовать против столь позорной и трусливой сдачи позиций. И это можно было делать тем безопаснее, чем очевиднее становилась невозможность идти на попятный. С середины октября Людендорф вновь получил шанс играть героическую роль непообежденного, рвущегося в бой солдата, который мужественно выступает против жаждущего мира, капитулянтского правительства безвольных демократов.

Первую ноту Вильсона он еще проглотил. Но после второй громогласно заявил о своем несогласии и отказе нести какую-либо ответственность за положительный ответ на нее. После третьей он 24 октября, не дожидаясь реакции имперского правительства, самовольно издал приказ по армии, в котором говорилось, что нота неприемлема и может служить «для нас, солдат, лишь стимулом к предельному напряжению сил и продолжению сопротивления».

Но здесь Людендорф явно переиграл. Произошло неожиданное. Рейхсканцлер принц Макс Баденский, человек благородный, явно не обладавший характером бойца, скорее мягкий, перешел в наступление. Он поставил кайзера перед выбором: «Людендорф должен уйти, иначе уйду я». На этот раз уйти пришлось Людендорфу.

Еще 17 октября во время заседания кабинета, в котором принимал участие и Людендорф, принц Макс «потерял доверие к Людендорфу как человеку». «Сегодня генерал Людендорф, — сказал он, — ни словом не упомянул ни о предложении перемирия, ни о катастрофических последствиях, которые оно может повлечь за собой в мире и в Германии, а, напротив, заявил, что обсуждение в Берлине вопросов о перемирии ободряет противника и повинно в ухудшении настроения личного состава фронтовых частей». Возможно, принц не до конца распознал игру, которую Людендорф вел с правительством. Однако инстинктом аристократа из царствующего дома он улавливал нечто нелояльное, не внушающее доверия, своего рода самоуправство в том повороте на 180 градусов, который сделал Людендорф. Приказ по армии от 24 октября и предпринятая на следующий день вопреки ясно выраженной воле канцлера повторная поездка Гинденбурга и Людендорфа в Берлин переполнили чашу терпения: «Для меня было ясно: эта поездка должна завершиться только отставкой генерала Людендорфа. Самоуправство явилось лишь поводом. Желание разрядить внутреннюю и внешнюю обстановку диктовало то решение. *Решающую роль сыграла потеря доверия*».

Неожиданно выяснилось, что в нынешнем кризисе, возникшем между имперским правительством и Верховным командованием, Людендорф уже не был сильнейшим. Заставив правительство выступить с предложением о перемирии, он сам подпилил сук, на котором сидел. В течение двух лет основой его неограниченной власти являлись *его собственные заверения о победе*. Как только он прекратил с ними выступать, он стал всего-навсего обычным генералом, как любой другой. До 29 сентября Людендорфу достаточно было лишь пригрозить своим уходом, как любой конфликт решался в его пользу. Когда же теперь он еще раз попытался сделать то же самое, ему пришлось услышать от кайзера: «Ну, если вы непременно желаете уйти, то извольте».

Это произошло 26 октября в десять часов утра, во время аудиенции во дворце Бельвю в Берлине, в ходе которой кайзер оказал Людендорфу и Гинденбургу «очень немилостивый» прием. Неожиданно кайзер стал упрекать Людендорфа за предложение о перемирии, а также за самовольный приказ по армии от 24 октяб-

ря — и категорически заявил ему, что тот утратил его доверие.

У Людендорфа оставалась еще одна, последняя стрела в колчане, или по крайней мере ему могло так казаться. Когда кайзер так пренебрежительно воспринял желание генерала уйти в отставку, «фельдмаршал (Гинденбург. — С. Х.) утратил сдержанность, которую до этого всегда сохранял, и тоже попросил об отставке. Кайзер отклонил ее, коротко бросив: «Вы остаетесь!» Фельдмаршал склонился перед монаршей волей. Едва кайзер покинул комнату, как между Гинденбургом и Людендорфом произошло краткое и резкое объяснение, во время которого последний упрекнул фельдмаршала, что тот бросил его в этот решающий час на произвол судьбы. Когда фельдмаршал, садясь в машину, предложил ему поехать обратно вместе, он отказался и возвратился в Генеральный штаб один». Об этом после аудиенции Людендорф сразу же сообщил полковнику фон Гефтену, который записал его рассказ.

Так плачевно закончилась диктатура генерала Людендорфа.

Как ни удивительно, но событие, которое еще за месяц до этого глубоко потрясло бы немецкую общественность, прошло почти незамеченным. События уже давно перешагнули Людендорфа.

Ибо не только военное положение, но и внутреннее состояние и настроения в Германии в недели, следовавшие вслед за предложением о перемирии, коренным образом изменились. «Два чувства, — сообщал своему министру саксонский посланник в Берлине, — владеют массами. Одно из них — всепоглощающая жажда мира, другое — невиданная горечь по поводу того, что прежние правительства не отдавали себе отчета о пределах возможностей Германии и настолько уверовали в немецкую непобедимость, что сумели внушить чувство ложного успокоения широким кругам общественности». Итак, жажда мира и кризис доверия, связанные с возникшей после 5 октября твердой уверенностью, что война проиграна и все дальнейшие жертвы напрасны. Эти настроения масс создавали взрывоопасную обстановку, развитие которой невозможно было предугадать. Поскольку день проходил за днем, а запоздалое перемирие все не приближалось, к этому добавилось нетерпение, вызывавшее острое раздражение, почти невыносимое нетерпение.

Темы для разговоров давали ноты, в которых президент Вильсон ставил под сомнение проведенную за одну ночь демократизацию Германии и настаивал на дальнейших внутренних изменениях. Обмен нотами между правительством принца Макса и американским президентом был, несомненно, самым удивительным из всех когда-либо предшествовавших заключению перемирия между воюющими державами. Он очень напоминал академический диспут, ведущийся между специалистами в области государственного права, принадлежащими к различным научным школам. В немецких нотах вновь и вновь повторялось, что после проведенной в октябре конституционной реформы германское правительство представляет не автократический режим, а правительство, подотчетное только народу и свободно избранному им парламенту. Президент не желал в это верить, и надо сказать, что его скепсис не был лишен основания. «Как бы значительны и важны ни были изменения конституции, о которых говорит германский статс-секретарь иностранных дел в ноте от 20 октября, — писал Вильсон в своем ответе тремя днями позже, — из этого вовсе не следует со всей ясностью, что принцип ответственности правительства перед немецким народом уже последовательно проводится в жизнь, что имеются или могут быть обеспечены какие-либо гарантии того, что частично осуществленное сейчас изменение принципов и практики будет носить длительный характер... Совершенно очевидно, что немецкий народ не располагает средствами, с помощью которых он мог бы подчинить военные учреждения империи воле народа, что определяющее влияние короля Пруссии на имперскую политику нисколько не ослабело, что решающие инициативы продолжают исходить от тех же людей, которые до этого времени были господами Германии». Все сказанное было не так уж далеко от истины. Вильсон — по специальности профессор-государствовед — возможно, был доктринером, его (совершенно искреннее) восприятие войны как крестового похода за демократию отдавало, пожалуй, донкихотством, но его анализ внутреннего положения Германии тем не менее вскрывал суть дела. Разве вновь испеченная парламентская демократия действительно не существовала исключительно по милости Верховного командования вооруженных сил? Разве она действительно могла крепко держаться в седле, пока вся страна находилась на осадном положении и ею управляли ге-

нералы? Разве не оставалось правительство принца Макса всего лишь тонкой парламентской вуалью, прикрывавшей старую действительность до тех пор, пока оно было обязано своим существованием только «революции сверху»?

Со времени третьей ноты Вильсона у всей Германии на устах были слова, которых за три недели до этого никто не слышал: «вопрос о кайзере» и «революция». Если личность кайзера является препятствием на пути к перемирию, то разве он не обязан принести себя в жертву и отречься от престола? Этот вопрос ставили теперь не только рабочие—социал-демократы, но и убежденные монархисты, его ставил не только народ, но и министры. О вопросе «монархия или республика» еще не было речи. Напротив, многие люди, занимавшие ответственные посты, включая рейхсканцлера, теперь видели в отречении кайзера от престола лучшее, даже единственное, средство спасения монархии. В случае установления регентства и быстрого заключения перемирия — как они считали — еще можно было сохранить государство, конституцию и монархию. Если же заключение перемирия сорвется из-за «вопроса о кайзере», то возникнет реальная угроза революции.

О том, как и откуда грянет революция, еще никто не знал. Но ее приближение уже ощущалось в воздухе, и, казалось, достаточно было одной лишь искры, чтобы она разгорелась. Такой искрой мог послужить вопрос об отречении кайзера. Существовало опасение, что отчаявшиеся массы могут восстать во имя избавления от кайзера, который стоял между ними и миром. А если бы так произошло, то вместе с ним они смели бы все: монархию и государство, армию и флот, правительство и власть, дворянство и крупную буржуазию.

Подобный ход событий следовало предотвратить. Так думал не только принц Макс Баденский, так же думал и Фридрих Эберт. И ему надвигавшаяся революция причиняла немало забот. Предотвратить внешнее поражение было невозможно, и данное обстоятельство само по себе являлось достаточно скверным. Поражение вовне и революция внутри — это было уж слишком, со всем этим можно было не справиться. Подобная перспектива внушала Эберту ужас. Поэтому отныне его программа совпадала с программой правительства, которую он поддерживал изо всех сил: отречение кайзера — немедленное заключение

перемирия — учреждение регентства — спасение монархии.

Со своей стороны кайзер не думал об отречении, но тоже испытывал страх перед революцией. Именно поэтому он жаждал перемирия так же страстно, как и народ и правительство. Если в стране должна вспыхнуть революция, то для ее подавления ему необходима армия. Но для этого должно было быть заключено перемирие. Армия не могла и впредь оставаться связанной боевыми действиями против внешнего врага. Она должна была иметь возможность повернуть фронт и выступить против бунтующего отечества. Поскольку Людендорф не желал этого допустить, он должен был уйти. Военачальником, на которого кайзер решил возложить подавление революции, был генерал Грёнер. От этого рассудительного шваба ждали, что он спокойно воспримет внешнее поражение, которое не являлось его поражением, и сумеет твердой рукой восстановить спокойствие и порядок на родине. 30 октября кайзер тайно покинул Берлин, отстранившись от бестактных дебатов по поводу отречения, которые велись в столице, и заняв боевую позицию в ставке Верховного командования среди своих военных палладинов.

Октябрь 1918 г. представлял собой переходный период, своеобразный промежуток между войной и миром, кайзеровской империей и революцией, военной диктатурой и парламентской демократией. По мере приближения месяца к концу исчезали признаки нормальной политической жизни, словно растворяясь в тумане. Отдельные актеры начинали терять друг друга из виду, удаляясь настолько, что уже не могли слышать друг друга. У каждого были свои страхи и опасения. Кайзер опасался за трон, Верховное командование вооруженных сил — за надежность армии, канцлер — за своевременное заключение перемирия, руководство социал-демократической партии — за терпение масс. В Берлине (и только там) отдельные заговорщики^{32а}, планировавшие революционные акции, условливались выступить сначала 4, потом 11 ноября. Но и они испытывали опасения — за осуществимость своих планов. Ибо, хотя все свидетельствовало о возможности революции, никто не мог с уверенностью сказать, способны ли массы действительно подняться на восстание и готовы ли они к нему. Никто ничего не знал и о силе сопротивления, которое могла оказать старая власть, если бы дело дошло до восстания.

В конечном счете революцию вызвали отнюдь не берлинские заговорщики, строившие планы революции. Она вспыхнула вовсе не в связи с «вопросом о кайзере». Революция разразилась в результате акта отчаяния, совершенного командованием военно-морского флота, которого никто не мог предвидеть.

Чтобы понять его, послушаем еще раз голос Людендорфа. Людендорф отправился с фальшивым паспортом в Швецию, но его дух продолжал жить в штабах сухопутных сил и военно-морского флота. 31 октября Людендорф сделал следующую запись относительно побудительных мотивов, которыми он теперь руководствовался в своих действиях: «Конечно, наше положение не могло уллучиться. На юго-востоке нас продолжал преследовать рок. В этом не было никакого сомнения. Однако крайнее напряжение сил, с которым вел борьбу немецкий народ, отрезвляюще действовало на народы и армии Франции, Англии и даже Америки. Мы могли бы сражаться еще несколько месяцев. Крепость, которая сдается врагу до того, как были полностью исчерпаны последние силы, обрекает себя на проклятие бесчестия. Народ, который, до конца не исчерпав имеющихся у него возможностей, идет на унижение и допускает, чтобы ему навязали условия, которые подрывают основы его существования, обречен на гибель. Если же он пошел на это, исчерпав последние, крайние усилия, то такой народ будет жить».

Многое в этом высказывании звучит нереалистично и нелогично. Но одна содержащаяся в нем мысль верна. Действительно, невозможно пережить подрыв самих условий существования народа, даже если он сопротивлялся до конца. Но условия, выдвинутые Вильсоном, вовсе не таили в себе такой опасности. Утверждение, что Германия сохраняла способность вести войну на протяжении еще нескольких месяцев, возможно, соответствовало обстоятельствам, существовавшим до 29 сентября. Но теперь уже нет. Когда же Людендорф говорит о «проклятии бесчестия», на которое обрекает себя тот, кто прекращает борьбу, полностью не исчерпав всех имеющихся у него возможностей, он затрагивает реальную и важную проблему: понятие чести, вошедшее в плоть и в кровь представителей тогдашнего немецкого офицерского корпуса и вообще высших слоев немецкого общества. Понятие чести, которое можно было бы назвать формальным и закостенелым, которое

сегодня представляется чем-то замшелым, покрытым пылью веков, но которое тем не менее в свое время явилось мощным и вполне реальным психологическим фактором. Оно определяло собой строй мыслей, чувств и образ действия представителей высшего класса немецкого общества, их самосознание, отделяло их от «неблагородных» масс. Это понятие о чести разделяло высшие и низшие классы на два обособленных мира. Удивительно, что 29 сентября Людендорф совершенно забыл и лишь теперь вновь вспомнил о нем.

Другие не забывали о нем даже тогда. Достаточно вспомнить реакцию офицеров его собственного штаба на принятие им решения о капитуляции: «Можно было слышать тихие стоны и рыдания, у многих, пожалуй у большинства, по щекам невольно текли слезы». Они чувствовали себя обесчещенными. Народ в тылу, а также массы простых солдат и матросов могли испытывать облегчение в связи с наметившейся перспективой заключения мира и возможностью сохранить свои жизни, даже когда война была проиграна, а борьба прекращена до того, как были исчерпаны «последние» силы. Но только не офицеры. Для них сдача являлась позором. Позора же они боялись больше, чем смерти. А рядовые должны были покорно умирать с ними вместе.

Но рядовые не желали больше умирать — тем более теперь, после того как война была проиграна, во имя чести, которая носила классовый характер, была им чужда и ровным счетом ничего для них не значила. Именно в связи с этим, а не в связи с вопросом о кайзере произошла вспышка, искры которой фактически разожгли революцию.

Когда офицеры военно-морского флота попытались спасти свою честь, дав «последний бой», матросы восстали, увлекая за собой находившихся в тылу солдат и рабочих. Элементарная воля к жизни вызвала восстание против гипертрофированного представления о чести, которое требовало героической гибели. Три дня спустя после отставки Людендорфа, два дня спустя после принятия последней ноты Вильсона, как раз в то время, когда правительство в Берлине было занято вопросом, как избавиться от кайзера и спасти монархию, а делегация, назначенная для ведения переговоров о перемирии, готовилась к отъезду, земля в Германии заколебалась.

4. Революция

Первый историограф Веймарской республики Артур Розенберг назвал Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии «самой удивительной из всех революций». «Массы, стоявшие на стороне парламентского большинства в рейхстаге, восстали против правительства Макса Баденского, иными словами, против самих себя».

Анализ становления и истории Веймарской республики, данный Розенбергом, остается наиболее глубоким и проникательным вплоть до сегодняшнего дня. Однако в данном вопросе Розенберг ошибался. Массы восстали не против правительства. Как бы странно это ни звучало, но они восстали *за* правительство.

Землетрясение второй недели ноября началось, как известно, с мятежа матросов военно-морского флота против командования флота. Однако причиной, вызвавшей его, которая с тех пор тщательно замалчивалась, был на самом деле другой мятеж — мятеж командного состава флота против правительства и проводимой им политики.

Выступая против мятежных офицеров, рядовые матросы думали, что действуют в интересах правительства. Драматическая проба сил между матросами и морскими офицерами, которая разыгралась 30 октября 1918 г. на рейде Шиллиг перед Вильгельмсхафеном и с которой началась революция, не была пробой сил между правительством и революцией. Она явилась первой пробой сил между революцией и контрреволюцией, причем военные действия открыла контрреволюция.

После того как по требованию Вильсона имперское правительство 20 октября приказало прекратить подводную войну, командование военно-морского флота решило изыскать возможность решающего сражения между немецким и британским океанскими флотами. Это было единоличное решение, имевшее по своей сути характер бунта. Оно было принято за спиной нового правительства и хранилось от него в глубокой тайне. Оно явно предназначалось для торпедирования проводимой им политики. За ним скрывалось не сформулированное четко и, видимо, полусознанное, но и явно просматривающееся желание если не покончить с ней, то полностью проигнорировать «революцию сверху», которая поставила у кормила власти пра-

вительство парламентских «ничтожеств и пораженцев», отнести к ней как к не имевшему места факту.

Позже была предпринята попытка свести значение намеченного тогда выхода всего германского военного флота в открытое море до уровня обычной отвлекающей операции для помощи попавшим в тяжелое положение сухопутным войскам, до уровня обычной военной акции, знать о которой правительству было необязательно. Это было совершенно несостоятельное оправдание, увертка. С моря невозможно было оказать решающее влияние на ход битвы на Западе, критические точки которой находились в глубине суши, на значительном удалении от морского побережья. В то время такая идея никому не приходила в голову, в том числе Верховному командованию. Оно никогда не требовало от флота оказания помощи сухопутным войскам, поскольку с военной точки зрения такая помощь была совершенно бессмысленной. Нет, если немецкий океанский флот теперь решил выйти в открытое море — а он этого ни разу не делал на протяжении последних двух лет, — то это могло иметь лишь одну-единственную цель — ту же, что и в мае 1916 г. при Скагерраке: навязать британскому флоту решающее морское сражение.

Такое сражение на море уже не могло вернуть Германии былое военное счастье, даже в случае победы — что являлось совершенно невероятным — над английским флотом, поскольку за последним стоял теперь американский флот, который мог продолжать блокаду. А кроме того, сейчас, когда исход борьбы на суше был предрешен, блокада уже не имела никакого значения для исхода войны. Однако чудовищные кровавые жертвы, которые предстояло принести в ходе крупного морского сражения независимо от его исхода, должны были еще раз до предела ожесточить державы Антанты и свести на нет всякую надежду на быстрое и снисходительное перемирие, какого настойчиво добивалось германское правительство. Таким образом, решение о морском сражении в большей мере, чем когда бы то ни было, имело политический характер и наносило прямой удар по политике правительства. Коль скоро решение было принято командованием флота самовольно, оно явилось грубейшим нарушением военной дисциплины и субординации, открытым неподчинением, офицерским бунтом. Ответом на него был мятеж рядового состава.

Среди матросов германского океанского флота уже давно зрело недовольство. Еще в 1917 г. имели место случаи нарушения дисциплины по политическим мотивам, которые были подавлены железной рукой и повлекли за собой жесточайшие кары. Однако после состоявшейся расправы ничего подобного больше не повторялось и ничто не давало малейшего повода полагать, что запуганные матросы теперь, в преддверии ставшего совершенно очевидным окончания войны, решались бы рисковать собственными жизнями, участвуя в крупном мятеже. Разумеется, они не собирались жертвовать жизнью и участвуя в морском сражении. Однако, когда они вдруг оказались перед выбором — потерять жизнь в ходе восстания или в сражении, — команды многих (но далеко не всех) крупных кораблей решились на восстание. Конечно, они поступили так не из трусости: участие в восстании в условиях военного времени требует от человека большего личного мужества и презрения к смерти, чем участие в сражении на поле боя, — они поступили так потому, что считали свои действия правильными.

На «Тюрингии» — одном из двух линейных кораблей, которые 30 октября отказались выйти в море, — за пару дней до этого к первому офицеру явился делегат от матросов и заявил, что запланированное выступление флота, пожалуй, не согласуется с политической линией нового правительства. Первый офицер язвительно ответил (согласно более позднему показанию матроса следователю военного суда): «Так ведь это *вашего* правительства!» Этот разговор, словно вспышка молнии, проливает свет на то, где в действительности проходила теперь линия фронта. Она пролегла между офицерами, отныне не признававшими правительство своим, и рядовыми матросами, которые верили, что ведут борьбу в интересах «своего» правительства. Поскольку они рассматривали его как такое, их действия носили характер законной самообороны, предпринятой в интересах защиты государства, защиты высшего права, и если они бунтовали, то бунтовали против мятежников.

Мятеж на рейде Шиллиг — драма, которую тщательно скрывали и о которой в течение нескольких дней не знал никто ни в Берлине, ни в ставке Верховного командования в Спа, — закончился ничем. По прошествии нескольких напряженнейших минут, в течение которых восставшие

корабли и корабли, не примкнувшие к восстанию, стояли под жерлами наведенных друг на друга гигантских орудий, участники восстания сдались. В этом смысле победу одержали офицеры. Но выход флота в открытое море был отменен. Адмиралы не сочли возможным начать морское сражение, имея столь ненадежные команды. В этом смысле победили матросы. Флот, сосредоточенный на рейде Шиллиг, был снова рассредоточен. Перед Вильгельмсхафеном осталась только одна эскадра, вторая была направлена в Брунсбюттель, третья эскадра, *не принимавшая участия* в мятеже, возвратилась в Киль, куда она пришла в пятницу 1 ноября. Арестованные матросы, число которых перевалило за тысячу, были доставлены на сушу в военные тюрьмы. Их ожидали военный суд и расстрел.

Теперь речь шла об их судьбе. Команды кораблей третьей эскадры возвращались в Киль с таким же тяжелым сердцем, с каким они за неделю до этого вышли в Вильгельмсхафен. «Смертный бой», в котором, как они тогда думали, им предстояло принять участие, правда, сорвался, но их товарищам, которые его сорвали, теперь за это грозила смерть. Мысль об этом глубоко бредила сердца и души матросов. Только экипажи «Тюрингии» и «Гельгоlanda» по-настоящему участвовали в мятеже на рейде Шиллиг, но ведь и почти все остальные были близки к тому, чтобы примкнуть к нему. Им лишь не хватило мужества сделать решающий шаг. Теперь это их мучило. Разве можно было позволить, чтобы их товарищи с «Тюрингии» и «Гельгоlanda», нашедшие в себе мужество для такого шага и тем самым спасшие им жизнь, теперь поплачутся за это своими головами? Нет, этого они не могли допустить. Но если они не хотели этого допустить, то тогда им следовало проявить куда больше мужества, чем позавчера, когда оно в последний момент оставило их на рейде Шиллиг. Им следовало совершить неслыханный, беспрецедентный шаг: от простого неподчинения к восстанию, к применению насилия, к захвату власти. А что произойдет дальше? От всего этого голова шла кругом. Но тогда оставалось бросить на произвол судьбы своих товарищей, которым угрожает смерть? Поступить так было невозможно, совершенно невозможно.

Потребовалось три дня, чтобы эти люди, не набравшиеся мужества примкнуть к мятежу в Вильгельмсхафене, нашли в себе мужество поднять восстание в Киле. В пер-

вый день они направили делегацию к местному коменданту с требованием освободить арестованных. Естественно, требование было отклонено. На второй день в Доме профсоюзов Килиа в течение многих часов они обсуждали с солдатами морской пехоты и рабочими доков вопрос о дальнейших действиях, но не пришли ни к какому решению. На третий день, в воскресенье 3 ноября, они хотели продолжить обсуждение, но Дом профсоюзов оказался закрытым, а перед ним стояли вооруженные часовые. Поэтому они собрались на учебном плацу, где к ним присоединились тысячи рабочих, слушали речи, а в завершение организовали мощную демонстрацию. У некоторых с собой было оружие. На одном из перекрестков демонстрантов остановил патруль. Начальник патруля лейтенант Штайнхейзер скомандовал: «Разойдись!» Поскольку никто не подчинился, он приказал открыть огонь. Девять убитых и двадцать девять раненых остались лежать на мостовой. Демонстранты начали разбегаться. В это время какой-то вооруженный матрос выступил вперед и застрелил лейтенанта Штайнхойзера.

Это был стартовый выстрел германской революции. Все вдруг поняли: пути назад нет и также неожиданно поняли, что следует делать дальше. Утром в понедельник 4 ноября все матросы третьей эскадры избрали солдатские Советы, разоружили офицеров, вооружились сами и подняли на кораблях красные флаги. К ним не присоединился один-единственный корабль — «Силезия». Под жерлами угрожавших ему пушек других кораблей он вышел в открытое море. Один-единственный капитан из всех — капитан Венигер с «Кёнига» — оказал вооруженное сопротивление матросам, пытавшимся поднять на мачте красный флаг. Он был застрелен.

Вооруженные матросы теперь под командой солдатских Советов, руководство которыми взял в свои руки некий старший матрос Артельт, высадились на сушу, заняли без сопротивления военную тюрьму и освободили своих товарищей. Другие захватили здания государственных учреждений, третьи — вокзал. После полудня туда прибыла армейская часть, вызванная командованием округа в Альтоне для подавления восстания матросов. Началось братание, и она была разоружена. Комендант военно-морской базы, сразу лишившийся всех средств власти, с зубным скрежетом принял делегацию солдатского Совета и

капитулировал. Морские пехотинцы гарнизона заявили о своей солидарности с матросами. Рабочие доков решили пачать всеобщую забастовку. Вечером 4 ноября Киль находился в руках сорока тысяч восставших матросов и морских пехотинцев.

Матросы не знали, что следует делать с завоеванной властью. Когда вечером 4 ноября из Берлина прибыли два посланца встревоженного имперского правительства, депутат рейхстага от социал-демократической партии Густав Носке и буржуазный деятель — статс-секретарь Гаусман, их приняли с ликованием и чувством облегчения. Носке сразу же был избран «губернатором» — еще одно свидетельство, что восставшие выступали *не против* правительства, а *за* правительство и считали, что действуют в его интересах. Но одно они чувствовали инстинктивно: после того как они отважились выступить в Киле, сбросить местную власть и захватить в свои руки город, движение не должно было ограничиться только Килем, иначе они оказались бы в нем, как в ловушке.

Им оставалась единственная возможность: вырваться за его пределы, распространить движение на другие районы. В противном случае их успех грозил обернуться самоубийством, подобно тому как это произошло неделей раньше с участниками восстания на рейде Шиллиг, сотни которых продолжали томиться в тюрьмах Вильгельмсхафена и Брунсбюттеля. Они должны были быть освобождены. И тогда повсеместно должно будет произойти то, что случилось в Киле. Иначе всем им грозила гибель. Подобно тому как мятеж перерос в восстание, восстание должно было перерасти в революцию. Это означало, что восставшим следовало как в Киле, так и по всей стране захватить власть в свои руки, если только они не желали оказаться окруженными в нем, не желали подвергнуться разгрому и зверской расправе. Им было необходимо разжечь пламя революции по всей стране. И они разожгли его. Притом сделали это с таким успехом, о котором не смели и мечтать.

Всюду, куда прибывали матросы, к ним тотчас присоединялись солдаты гарнизонов и рабочие фабрик так, словно бы их только и ждали. Практически нигде не было оказано серьезного сопротивления. Повсюду существующий порядок рассыпался, словно древесная труха. 5 ноября революция распространилась на Любек и Брунсбюттель-

коог, 6-го — охватила Гамбург, Бремен и Вильгельмсхафен, 7-го — Ганновер, Ольденбург и Кёльн, 8-го под ее властью уже были все крупные западногерманские города, а в Лейпциге и Магдебурге она перешагнула за Эльбу. Начиная с третьего дня уже не было нужды в матросах, чтобы вспыхнула революция. Подобно лесному пожару, она понеслась дальше, сама прокладывая себе путь. Повсюду, словно по молчаливому уговору, происходило одно и то же. Солдаты гарнизонов избирали солдатские Советы, рабочие — рабочие Советы, военные власти капитулировали, сдавались или бежали, гражданские власти в страхе и испуге признавали главенство рабочих и солдатских Советов. Внешне картина повсюду была одинаковой: движение бесконечных колонн демонстрантов на улицах, массовые митинги на рыночных площадях, сцены братания между моряками, солдатами и изголодавшимся гражданским населением. Повсюду сразу же выпускались на свободу политзаключенные, вслед за тюрьмами захватывались ратуши, вокзалы, штабы военных округов, а иногда и редакции газет.

При этом нельзя представлять себе выборы в рабочие и солдатские Советы как некую проводившуюся по строгим правилам процедуру выборов мирного времени. Зачастую в казармах просто выкликались фамилии наиболее любимых и авторитетных солдат. Выборы рабочих Советов на предприятиях проводились крайне редко, причем подобным же образом. Чаще всего в состав рабочих Советов делегировались члены правлений местных партийных организаций обеих социалистических партий — СДПГ и «независимых», — которые потом утверждались одобрительными возгласами участников массовых митингов, проходивших нередко под открытым небом на центральной площади. В большинстве случаев рабочие советы формировались из представителей обеих партий на паритетных началах. Совершенно очевидным было стремление масс к воссоединению обеих враждовавших между собой братских партий, которые раскололись во время войны. Они должны были вместе — таково было неоспоримое общее желание — сформировать новое революционное правительство.

Случаи сопротивления, применения насилия и кровопролития были весьма редки. Наиболее характерным чувством, господствовавшим в эти революционные дни, было

удивление: удивление властей в связи с совершенно неожиданной утратой ими всякой власти, удивление революционеров, совершенно неожиданно ее получивших. И та и другая сторона действовали как во сне. Для первых это был кошмарный сон, для вторых — один из тех, когда вдруг ощущаешь способность летать. Революция была великодушна. Не было случаев самосуда, революционных трибуналов. На свободу было выпущено много политических заключенных, но никто не был арестован. Ни разу даже не был избит ни один из наиболее ненавистных офицеров или фельдфебелей. Довольствовались тем, что срывали с офицеров кокарды и знаки различия — это составляло такую же неотъемлемую часть революционного церемониала, как и подъем красного флага. Разумеется, многие из тех, кого это коснулось, считали, что им нанесено смертельное оскорбление. Великодушные мало помогают победившим массам. Побежденные господа никогда не прощают им победы.

Именно потерпевшими тогда поражение господами позже писалась история Ноябрьской революции в Германии. Поэтому нет ничего удивительного, что в их исторических трудах мало добрых слов о событиях, разыгравшихся в течение недели с 4 по 10 ноября 1918 г. Им даже отказывают в праве именоваться почетным словом «революция». В них хотят видеть только беспорядки, неповиновение, мятеж, предательство, бунт черни, хаос. В действительности события, разыгравшиеся на той неделе, были подлинной революцией. То, что произошло 30 октября в Вильгельмсхафене, и в самом деле было всего лишь мятежом — неповиновением начальству без каких-либо планов или намерений действительно свергнуть его. События, разыгравшиеся в Киле 4 ноября, представляли собой уже нечто большее, чем простой мятеж, а именно восстание. Там матросы свергли власть, хотя и не имели представления, что же должно прийти ей на смену. Между 4 и 10 ноября по территории Германии, расположенной к западу от Эльбы, прокатилась уже настоящая революция, а именно свержение старой власти и замена ее новой.

В течение этой недели западная часть Германии из страны военной диктатуры превратилась в Республику Советов. Поднявшиеся массы не создавали хаоса, они повсеместно закладывали пока еще грубые, несовершенные, но четко различимые элементы нового порядка. Упразд-

нялись штабы военных округов, верховные органы военной власти, которые на протяжении всей войны в условиях осадного положения управляли каждым немецким городом, сельским районом страны. Они заменялись новой революционной властью рабочих и солдатских Советов. Органы гражданской администрации сохранялись и продолжали работать под наблюдением и руководством Советов точно так же, как в период войны они функционировали под наблюдением и руководством военных властей. Революция не затронула частной собственности. На предприятиях все оставалось по-старому. Одновременно с всемогущими военными властями были сметены монархи, от имени которых военные управляли, была ликвидирована военная власть офицеров в воинских частях, ее место заняли солдатские Советы. Революция не носила социалистического или коммунистического характера. Она была — об этом не говорили, но это подразумевалось само собой — республиканской и пацифистской, но прежде всего — и притом совершенно осознанно — антимилитаристской. Создавая рабочие и солдатские Советы, она уничтожала и заменяла дисциплинарную власть офицерского корпуса в армии и на флоте и диктаторскую исполнительную власть военных учреждений, существовавшую в стране с 1914 г.

Массы, создавшие в лице рабочих и солдатских Советов новые руководящие и государственные органы, не были ни спартаковцами, ни большевиками. Они были социал-демократами. Сторонники «Союза Спартака», предшественника коммунистической партии, не дали революции ни вождей, ни «зачинщика». Большинство из них лишь революция освободила из тюрем. Так, Роза Люксембург, сгорая от нетерпения, провела всю эту неделю в тюрьме Бреслау и только 9 ноября, после многолетнего заключения, вновь очутилась на свободе. Карл Либкнехт, выпущенный из каторжной тюрьмы 23 октября, остановился в Берлине и только из газет узнал, что происходило в империи в течение революционной недели³³.

Русский пример мог оказать внешнее, зажигающее воздействие, но русских эмиссаров, которые могли бы направлять ход революции, не существовало. Вообще эта революция, за исключением Мюнхена, не имела ни вождей, ни организации, ни генерального штаба, ни оперативного плана. Она была стихийным творчеством масс, рабочих и рядовых солдат. В этом заключалась ее слабость,

которая проявилась очень скоро. Но в этом состояло и ее величие³⁴.

Ибо независимо от отношения к целям революции нельзя не признать, что события той недели отнюдь не были лишены величия. Они были ознаменованы массовым проявлением и воплощением в действия таких высоких и благородных качеств, как мужество, решимость, самоотверженность, единоклюшие, порыв, инициатива, даже вдохновение и инстинктивное понимание цели, — всем тем, что придает революции величие. И все эти качества были проявлены массами, лишенными руководства, притом немецкими массами! Поскольку всегда повторялось мнение о неспособности немцев совершить революцию — известно, например, ироническое высказывание Ленина, что немецкие революционеры не займут здание вокзала, если окажется закрытым окошко перронной кассы³⁵, — события этой ноябрьской недели вполне могли бы служить ему опровержением. В течение недели немецкими массами было захвачено множество вокзалов и иных зданий. В одном городе за другим они тысячами не только рисковали жизнями, но совершали прыжок в неизвестное, неведомое, непредвиденное, который требует еще большего мужества, чем просто смертельный риск, требует не обычного солдатского, а революционного мужества. Революционные действия, совершенные немецкими массами в эту ноябрьскую неделю, сравнимы с солдатскими действиями, характерными для предшествующих четырех лет войны, и не уступают революционным делам народных масс России в ходе Февральской революции 1917 г. Взрыв и порыв этой недели увлекли даже представителей буржуазных кругов.

Например, Райнер Мария Рильке, отнюдь не революционер, скорее сноб, писал 7 ноября жене после одного из революционных собраний в Мюнхене: «Хотя за пивными столиками и между ними люди сидели так плотно, что кельнершам приходилось буквально прогрызать себе путь сквозь человеческую массу, подобно жукам-древоточцам, не было ничего гнетущего и вполне можно было дышать. Запах пива, табачного дыма и пота никого не беспокоил. Его почти не замечали, настолько важным казалось происходящее. Было ясно, что теперь речь пойдет о таких вопросах, которые волновали всех, что простейшие и наиболее жгучие из них, в той мере, в какой они поднимались мало-мальски доступно, воспринимались огромной массой

людей с суровым единодушным одобрением. Неожиданно поднялся бледный молодой рабочий и совершенно просто сказал: «Разве предложение о перемирии исходило от вас или от вас или от всех нас? И тем не менее это должны были сделать мы, а не эти господа там, наверху. Если мы захватим в свои руки радиостанцию и обратимся как простые люди к простым людям на той стороне, тогда сразу наступит мир». Я повторяю его слова далеко не так выразительно, как он их говорил сам. Неожиданно, после того как он произнес их, он замялся и, трогательно жестикулируя, продолжал, обращаясь к стоявшим с ним рядом на трибуне Веберу, Кедде и другим профессорам: «Находящиеся здесь господа профессора знают французский язык. Они помогут нам правильно выразить наши мысли». Подобные моменты удивительны, но почему-то именно в Германии их недоставало. Нельзя не согласиться с тем, что время право, когда пытается двигаться гигантскими шагами».

Приведенная цитата является важным свидетельством очевидца не только потому, что через обостренное восприятие поэта в ней передана атмосфера германской революции, представлявшая собой удивительное смешение мужества, серьезности и трогательной беспомощности, но и потому, что ее автор, того не сознавая, разъясняет нам отношение революции к правительству. Революционеры в Мюнхене, подобно участникам мятежа, поднятого за десять дней до этого на рейде Шиллиг, выступали не *против* правительства. Наоборот, и те и другие стремились к одному и тому же. Они считали, что должны помочь и помогают правительству. По их убеждению, мир должен был быть не только делом «господ там, наверху». Массы стремились сами добиться его заключения, довести до конца дело, которое, по их убеждению, начало правительство и с которым ему не удавалось справиться. «Революция снизу» вовсе не хотела отменить «революции сверху». Она стремилась лишь дополнить, оживить, продвинуть ее вперед и, по сути дела, превратить ее в подлинную революцию. Она направлялась не против парламентского имперского правительства, а против военной диктатуры, продолжавшей в качестве теневого кабинета действовать методами осадного положения, цензуры и превентивных арестов. Внутренний инстинкт совершенно верно подсказывал массам, что эта военная власть противостоит как «революции сверху»,

так и «революции снизу», что она в действительности не хочет ни мира, ни демократии, что по природе своей она глубоко, непримиримо контрреволюционна и должна быть сметена с пути со всеми ее орудиями, символами и атрибутами, чтобы открыть дорогу новому, о котором все мечтали, — новому народному, миролюбивому государству. Думавшие так и совершившие революцию социал-демократические массы верили, что в этом они едины со своими вождями. Именно в этом они заблуждались. И заблуждение обернулось для них трагедией.

На протяжении этой революционной недели никто не догадывался о надвигавшейся трагедии. Тем не менее ее первый акт разыгрался уже тогда. В то время как революция стремительно расширялась — и именно в ту ночь, когда Рильке восторженно писал о ней, она победила в Мюнхене, — она уже угасла там, где началась: в Киле. Еще в понедельник вечером туда прибыл депутат рейхстага от СДПГ Густав Носке. Матросы оказали ему восторженный прием, считая «своим человеком». Но уже вечером следующего дня он сообщил в Берлин по телефону, что у него «остается только одна надежда — на добровольное восстановление порядка под руководством социал-демократов. Тогда мятеж прекратился бы сам собой...» Повсюду, так гласило его сообщение, он чувствует пробуждение у рабочих и матросов присущего немцу от рождения стремления к порядку. Рейхсканцлер принц Макс Баденский, записавший это сообщение, в тот же день провел в кабинете министров следующее решение: «Предоставить Носке полную свободу действий для удушения местной вспышки». Пару дней спустя он мог с удовлетворением констатировать, что Носке в Киле от имени революции успешно потушил революцию, восстановил авторитет испывавших унижение и вновь воспрянувших духом офицеров до такой степени, что даже наладил морское патрулирование. Те матросы, которые остались в Киле, снова нормально несли службу. «Они не желают прихода англичан», — удовлетворенно сообщал Носке по телефону в Берлин. А принц Макс был в полном восторге от того, что удалось осуществить Носке в Киле: «Этот человек сумел добиться невозможного». Позже он писал в мемуарах о мыслях, которые уже тогда приходили ему в голову: «Судьба Германии зависела от того, сможет ли Эберт повторить в большом масштабе сделанное его товарищем по

партии, иными словами, «повернуть вспять» движение по всей стране».

Повернуть вспять движение — этим, и только этим, были озабочены на протяжении революционной недели три центра власти, еще сохранившиеся в тот момент в германской империи и чувствовавшие, что почва уходит у них из-под ног: кайзер и Верховное командование во главе с Гинденбургом и Грёнером в Спа, имперское правительство во главе с принцем Максом Баденским в Берлине и находившееся там же, в Берлине, руководство СДПГ во главе с Эбертом, которое это правительство поддерживало и защищало, но теперь столкнулось с необходимостью самому выйти на авансцену и взять на себя управление, чтобы, спасая правительство, продолжить его политику. В том, что революция должна быть «задушена» или «повернута вспять», они были едины. День от дня это все больше становилось их главной заботой.

Они были едины также и в том, что первой необходимостью являлось немедленное заключение перемирия. Они понимали, что, чем дольше будет продолжаться война, тем дальше пойдет революция.

Глубокий вздох облегчения вызвало и в Спа, и в Берлине полученное в среду 6 ноября сообщение президента Вильсона, что Верховный командующий войсками Антанты генерал Фош готов принять в своей ставке в Компьене германскую делегацию по вопросам перемирия. В тот же день статс-секретарь Эрцбергер вопреки его воле отправился через Спа в Компьен. (Правительство до последней минуты продолжало придерживаться ошибочного убеждения, будто предложение о перемирии исходило от него, а не от Верховного командования. Отсюда в высшей степени необычное возложение обязанностей главы делегации по перемирию на гражданского политического деятеля, а не на одного из генералов.) В пятницу 8 ноября в десять часов утра Эрцбергер в сопровождении военной свиты, которую он собрал проезжая через Спа, стоял в Компьене перед Фошем, встретившим его словами: «Что привело вас сюда, господа? Чего вы от меня хотите?» В ответ на выраженное главой делегации желание получить предложения относительно условий перемирия Фош сухо заявил: «У меня нет никаких предложений». И действительно, он не сделал каких-либо «предложений». Он представил готовый перечень условий перемирия, которые на протяжении де-

сяти дней разрабатывались правительствами Антанты, а также ультиматум, предоставлявший семьдесят два часа для их принятия или отклонения. Уже в тот момент было ясно, что ультиматум будет принят.

Но оставался открытым вопрос, как действовать дальше, после заключения перемирия. Здесь пути напуганных обладателей власти в Spa и Берлине расходились. Все они: и кайзер, и Верховное командование, и канцлер, и руководство СДПГ — были едины в том, что ближайшая задача — остановить революцию и спасти существующее государство, по крайней мере то, что к тому моменту от него сохранилось. Все они сходились также на том, что решающую роль в решении этой задачи должны сыграть войска Западного фронта. Они оставались единственным инструментом власти, еще не зараженным революционным брожением и сохранявшим повиновение, а заключение перемирия высвобождало их для использования в стране. Однако в вопросе, во имя кого или во имя чего следовало использовать западные армии, мнения расходились.

Кайзер был убежден, что западные армии выступят под его началом как Верховного командующего против «внутреннего врага», подобно тому как до этого они сражались против врага внешнего. Поэтому он был полон решимости отдать им после заключения перемирия приказ «кругом, марш!» и двинуть против охваченной революцией родины.

Первый генерал-квартирмейстер Грёнер и рейхсканцлер принц Макс не разделяли этой убежденности. Оба тайне считали, что личность кайзера стала камнем преткновения, который надлежало убрать с пути, чтобы армия осталась в руках офицеров и могла быть использована для борьбы против революции. Принц Макс видел выход в отречении кайзера от престола и назначении заместителя или регента. Генерал Грёнер полагал, что кайзеру следовало теперь искать смерти на фронте. Однако ни тот ни другой не осмеливались лично высказать кайзеру свою точку зрения. Они говорили об этом с коллегами по кабинету или с другими генералами, но не с кайзером. Коллеги по кабинету и другие генералы либо с тяжелым сердцем соглашались, либо в ужасе отвергали сказанное. Никто из них тоже не хотел говорить об этом с кайзером. Так проходил день за днем, и все оставалось по-прежнему.

Кое-что сделать пришлось руководству СДПГ, и осо-

бенно его председателю Фридриху Эберту, который теперь день ото дня все больше выдвигался на передний план развертывавшихся событий. Он не был противником правительства, которое помог создать и поддерживал с первого часа его существования, не являлся он принципиальным противником монархии, а тем более государственного порядка. Себя и свою партию он считал силой, охраняющей государство, последним резервом существующего государства. Поэтому для него, точно так же как для Грёнера и принца Макса, задача сводилась к тому, чтобы спасти государство и остановить революцию. Однако куда более отчетливо, чем Грёнер и принц Макс, он сознавал, какую силу уже успела набрать революция и что нельзя терять больше буквально ни дня, если действительно хотят покончить с ней. Кроме того, у него была еще одна забота. Если для Грёнера и принца Макса дело сводилось только к тому, как удержать в своих руках западные армии, то Эберту надо было еще удержать в руках СДПГ. Ежедневно он видел, как ее рядовые члены и функционеры в провинции переходили на сторону революции.

В среду 6 ноября Эберт в сопровождении коллег из правления СДПГ появился в имперской канцелярии, где оказался также генерал Грёнер, и в ультимативном тоне потребовал отречения кайзера. Оно стало теперь совершенно необходимым, «если мы действительно желаем помешать переходу масс в лагерь революционеров». В этом «последняя возможность спасения монархии».

Генерал Грёнер с негодованием отклонил предложение как «совершенно не подлежащее обсуждению». В ответ Эберт произнес трагическим тоном: «Тогда пусть события развиваются своим путем. Отныне наши пути расходятся. Кто знает, встретимся ли мы еще когда-нибудь».

Однако, хотя Грёнер все еще не желал ничего слышать об отречении, канцлера Эберту удалось убедить. Принц Макс пригласил его продолжить беседу с глазу на глаз в имперской канцелярии на следующее утро, в четверг 7 ноября. Она состоялась в расцвеченном осенними красками саду имперской канцелярии, где два политика вели ее, прохаживаясь под кронами старых деревьев, покрытых увядающей листвой. Позже принц Макс дословно воспроизвел важнейшие места состоявшегося разговора. Он сообщил Эберту о своем решении лично поехать в ставку и предложить кайзеру отречься от престола. «Если мне

удастся убедить кайзера, будете ли вы на моей стороне в борьбе против социальной революции?» Принц Макс продолжает:

«Ответ Эберта последовал без промедления и был совершенно недвусмысленным: «Если кайзер не отречется, социальная революция станет неизбежной. Но я не желаю ее, я ненавижу ее как грех».

Он рассчитывал, что *после* отречения кайзера ему удастся привлечь партию и массы на сторону правительства. Мы затронули вопрос о регентстве. Я назвал принца Эителя Фридриха в качестве лица, которое в соответствии с конституцией должно было выполнять обязанности регента Пруссии и всей империи. Эберт заявил, что ни он лично, ни его партия не намерены создавать трудности правительству при решении этих конституционных вопросов.

Затем он растроганно пожелал мне успеха в моей поездке».

Однако было слишком поздно! Поездка не состоялась, а договор, заключенный между принцем Максом и Эбертом, был в тот же день сорван, ибо в течение дня стало очевидным, что революция уже достигла Берлина, и для поездки в Спа больше не оставалось времени. «Независимые», являвшиеся конкурентами СДПГ слева, назначили на вечер проведение в Берлине двадцати шести собраний. Правительство хотело собрания запретить. Напротив, СДПГ была убеждена, что запрещение собраний вызовет революционный взрыв в столице. Она все больше склонялась к тому, чтобы перехватить инициативу их проведения и притупить их остроту. В пять часов пополудни она предъявила правительству новый ультиматум, потребовав отмены запрета собраний и отречения кайзера не позднее середины дня в пятницу. На возмущенные упреки канцлера Эберт ответил: «Сегодня вечером мы обязаны объявить об ультиматуме с каждой трибуны, иначе все люди перебегут от нас к «независимым». Кайзер должен немедленно отречься, иначе у нас будет революция». Казалось, что принц Макс и Эберт, желавшие одного и того же — а именно избавиться от кайзера и задуть революцию, — неожиданно превратились в противостоящих друг другу врагов.

Однако за путаницей, метаниями из осторожности в сторону и паникой, характерными для этих последних дней существования кайзеровской империи, скрывалось нечто

более глубокое, невысказанное. Все, на ком лежала ответственность: Грёнер и принц Макс, с одной стороны, Эберт — с другой, — чувствовали, что на них надвигается нечто, о чем они не могли думать без содрогания. Все трое сознавали, что им придется стать предателями, поскольку они стремились осуществить именно то, что являлось их общей целью: спасение существующего общества и государства. Во имя этой цели Грёнеру и принцу Максу предстояло предать своего кайзера и господина, которому они присягали в верности, Эберту — революцию, которая доверчиво вручила ему руководство собой. При этом все трое еще надеялись, что предательство одного из них соответственно избавит других от необходимости самим стать предателями. За внешним диалогом между ними проходил другой, скрытый, не формулируемый четко диалог, звучавший примерно так: «Если вы предадите кайзера, мне не придется предавать революцию». «Нет, это тебе следует для вида примкнуть к революции и предать ее. Тогда нам не придется предавать кайзера». Но никто из них не хотел прислушаться к тайному зову о помощи, исходившему с противоположной стороны. Так прошло время и струйка песка иссякла.

В итоге ни одному из этих трех людей не удалось избежать великого предательства, совершить которое каждый из них пытался заставить другого. Час истины пробил для них в один и тот же день, в субботу 9 ноября. То был роковой день и для германской монархии, и для германской революции. В этот день кайзер пал от руки своих паладинов, а революция в тот день вручила свою судьбу человеку, который был полон решимости задуть ее.

5. 9 ноября

Вечером в пятницу 8 ноября во время заседания Совета министров прусский министр внутренних дел Древе вынул часы и сказал: «Сейчас уже половина десятого, мы хотели бы отложить заседание. Завтра состоится всеобщая забастовка и можно ожидать кровавых беспорядков. Все будет зависеть от того, устоят ли военные или не устоят. Если не устоят, то прусского правительства завтра больше не будет».

Военный министр фон Шеух задал язвительный вопрос: «Каким образом Ваше превосходительство пришло к заключению, что военные могли бы не устоять?»

Примерно в это же время Рихард Мюллер, руководитель подпольной группы заговорщиков, уже в течение нескольких дней подготавливавших путч, который должен был произойти в ближайший понедельник³⁶, стоял у Галлешетор. «Мимо меня бесконечным потоком в город входили колонны тяжеловооруженной пехоты, пулеметные роты и легкая полевая артиллерия. Солдаты имели бравый вид. Меня охватило гнетущее чувство». Оно возникло у Мюллера при виде четвертого егерского полка, на который как раз возлагал свои надежды фон Шеух как на особо надежную воинскую часть, неоднократно с успехом использовавшуюся прошлым летом на Востоке для борьбы против русской революции. Теперь полку предстояла борьба против немецких революционеров в Берлине. Накануне днем его двинули из Наумбурга в Берлин на подкрепление столичному гарнизону. Поздно вечером 8 ноября он вошел в Александровские казармы. В ту же ночь солдатам были розданы ручные гранаты. При этом не обошлось без инцидента.

Некий ефрейтор проявил неповиновение. Он был тотчас же арестован и уведен. Это не вызвало сопротивления солдат. Однако вслед за происшествием они, к ужасу офицеров, неожиданно начали роптать и громко задавать вопросы. Эти «бравые вояки» стали вдруг вести необычные речи. А что, собственно, случилось? Зачем их послали в Берлин? Разве все не говорит об окончании войны и отречении кайзера? Разве социал-демократы не сидят в правительстве? Может быть, их хотят бросить в бой против правительства? Они больше ничего не понимали. Прежде чем швырять гранаты в своих соотечественников, немцев, им по крайней мере следовало узнать, что же происходит. Офицерам в известной мере удалось их успокоить, пообещав, что утром они получат разъяснения по всем вопросам. Солдаты отправились спать; ведь они изрядно устали, целый день находясь на марше. Однако в субботу утром после подъема они быстро сошлись на том, что им следует самим найти объяснение происходящему. Делегация солдат отправилась на грузовике в редакцию газеты СДПГ «Форвертс». Остается неясным, были ли поставлены об этом в известность и дали ли согласие офицеры.

В редакции «Форвертс» уже с семи часов утра находились доверенные СДПГ с предприятий. Они ждали сообщения, отрекся ли наконец кайзер или «начнется дело».

Ждали с нетерпением. Они больше не были уверены в своем влиянии на предприятиях. Теперь там слушали людей, настроенных более радикально, чем они³⁷. Если в ближайшее время ничего не произойдет, то на предприятиях «дело» могло «начаться и без них». В помещении редакции царил нервозность. И в это время туда явились солдаты. Уж не явились ли они затем, чтобы арестовать собравшихся? Все могло быть. Они стояли в дверях увешанные оружием, самоуверенные, вызывающие. Кто-нибудь должен немедленно отправиться вместе с ними, чтобы разъяснить личному составу части сложившуюся обстановку. Что бы это могло значить? Депутат СДПГ Отто Вельс решил отправиться в «логово льва». Это был коренастый, крепкий мужчина с манерами простолюдина. В сопровождении вооруженных до зубов молчаливых солдат он отправился на том же грузовике в казармы, не зная, что его ожидает.

Во дворе Александровских казарм был выстроен весь полк в военном порядке с офицерами перед строем. Вельс не знал их настроений. Взобравшись на обозную фуру, он начал речь. Он говорил осторожно, спокойно, избегая всего, что могло накалить обстановку. Печально и чистосердечно он рассказал о проигранной войне, жестких условиях, предъявленных Вильсоном, о безрассудстве кайзера, надеждах на заключение мира. Чем дольше он говорил, осторожно развивая свои мысли, тем явственнее улавливал растущее одобрение солдат и замешательство офицеров. Это продолжалось до тех пор, пока он не рискнул бросить клич: «Ваш долг — предотвратить гражданскую войну! Да здравствует свободное народное государство!» При этих словах словно порыв ветра пронесся по шеренгам. Он выиграл. Строй распался. Солдаты бросились вперед и окружили повозку. А он продолжал стоять во весь рост. Если бы в тот момент кто-нибудь решил в него выстрелить, то трудно было бы найти более подходящую мишень. Но никто из офицеров не выстрелил. Вельс возвратился в редакцию «Форвертс» как триумфатор в сопровождении шестидесяти солдат, выделенных для охраны редакционных помещений. Затем он отправился в другие казармы берлинского гарнизона. Теперь он знал, как действовать, как подступиться к солдатам. Наумбургские егеря помогли ему найти главную мысль.

Было девять часов утра. Берлин был еще спокоен. Рабочие находились на предприятиях. Революция в столице

еще не началась, но ее судьба была уже предрешена. Вооруженная власть в Берлине отныне находилась в руках СДПГ. Это означало в тот день конец кайзеровской империи, и уже на следующий день это должно было означать конец революции.

В тот самый час, когда Вельс в сопровождении солдат вновь появился в редакции «Форвертс», в ставке Верховного командования в Спа Гинденбург и Грёнер явились к кайзеру и заявили, что действующая армия более ему не повинуетя. Накануне вечером — почти в то самое время, когда исполненный предчувствий прусский министр внутренних дел произнес слова «Все зависит от того, устоят ли военные», — они получили ошеломляющее известие: вторая гвардейская дивизия, в состав которой входили полки прусской королевской лейб-гвардии, получив приказ сняться с фронта и двигаться на Аахен, с тем чтобы захватить революционный Кёльн и таким образом обеспечить важнейшие пути снабжения и отхода действующей армии, «отказалась повиноваться офицерам и вопреки четкому приказу последних двинулась на родину». И это вторая гвардейская дивизия! Если даже на нее нельзя было больше положиться, значит, все пошло прахом.

В это утро с фронта в ставку были вызваны тридцать девять командиров войсковых частей и соединений, которые должны были доложить о готовности вверенных им войск вступить на стороне кайзера в бой против революции. Их мнение, с которым Гинденбург и Грёнер отправились к кайзеру, поручив более подробно опросить офицеров начальнику оперативного отдела полковнику Гейе, подтвердило опыт второй гвардейской дивизии: войска были непригодны для использования в гражданской войне.

За день до этого во время утреннего доклада кайзер заявил о своем намерении сразу же после заключения перемирия двинуться во главе армий на родину, чтобы восстановить там порядок, и отдал генералу Грёнеру по всей форме приказ подготовить эту операцию. Теперь Грёнеру предстояло разъяснить ему, что выполнить приказ невозможно. Он сделал это обстоятельно, сухо, по-деловому, с большим количеством технических деталей. Его доклад венчали слова: «Армия под командой своих офицеров и генералов в полном порядке возвратится на родину. Но не под руководством Вашего Величества». Ставшие знаменитыми слова: «Военная присяга отныне только фра-

за» — не были произнесены в ходе этого разговора. Грёнер сказал их не прямо кайзеру, а позднее, в беседе с офицерами. Вскоре после этого полковник Гейе, который тем временем узнал мнение каждого из тридцати девяти фронтовых командиров, подтвердил кайзеру: «Армия двинется домой и во главе с одними генералами. Но если Ваше Величество отправится с ней вместе на родину — это будет для нее радостью. Однако армия не желает больше сражаться ни на внешнем фронте, ни на внутреннем»³⁸.

Таким образом, и в Спа пришли к решению, что для подавления революции уже нельзя использовать не только берлинский гарнизон, но и фронтовые части. Кайзеровская империя не обладала более инструментом власти ни на фронте, ни в тылу, чтобы защитить свое существование.

Сообщения о переходе войсковых частей на сторону революции начали поступать в имперскую канцелярию еще с утра, и именно тогда принц Макс Баденский ясно понял то, что позднее он выразил в словах: «Подавить революцию мы уже не можем, остается лишь удушить ее». Возможно, тем же утром нечто подобное пришло в голову и генералу Грёнеру. В данном случае «удушить революцию» означало создать иллюзию ее победы, оставить «первую линию обороны» и, отойдя на заранее подготовленные позиции, остановить ее. Конкретно говоря, кайзер должен был отречься от престола, правительство, наполовину состоявшее из социал-демократов, следовало заменить целиком социал-демократическим кабинетом во главе с рейхсканцлером Фридрихом Эбертом. После этого Эберту предстояло бы отправить восвояси внешне победоносную, но ошеломленную легкостью достигнутого успеха и сбитую с толку революцию и восстановить порядок. Иными словами, как выразился Макс Баденский, совершить в большом масштабе то, что уже удалось сделать Носке в Киле.

Эберт был к этому вполне готов, и принц Макс Баденский знал это точно, а генерал Грёнер по меньшей мере догадывался. Самое позднее с утра 9 ноября все трое делали общее дело. Они действовали по единому плану.

Однако «по одному плану» еще не означало «по одному расписанию». Это обстоятельство и привело к драме, разыгравшейся 9 ноября, — драме, не лишенной комических черт, несмотря на пафос и нервотрепку. Грёнер утром 9 ноября надеялся протянуть еще пару дней до пере-

мирия, принц Баденский рассчитывал хотя бы на пару часов: в Берлине внешне еще царило спокойствие. Но Эберту нельзя было терять более ни минуты: в утренний перерыв рабочие чуть ли не всех берлинских заводов начали выходить на улицы и строиться в колонны. Если бы СДПГ тотчас же не влилась в демонстрацию и для виду не возглавила ее, она потеряла бы контроль над событиями.

По этой причине Эберт вынужден был действовать, не дожидаясь Макса Баденского, а тому в свою очередь приходилось действовать, не дожидаясь Грёнера. Драма с отречением растянулась в ставку в Спа на целый день, тогда как события в Берлине давно уже лишили ее всякого значения. После долгих часов мучительных колебаний Макс Баденский объявил об отречении кайзера, хотя оно еще не состоялось, но и этот запоздалый обман не мог уже задержать дальнейшего развития событий.

Почти все вопросы, над которыми в тот день ломали себе головы взбудораженные сановники кайзеровской империи, в действительности не играли уже никакой роли. В Спа и в имперской канцелярии с драматическим пафосом был доигран последний акт трагедии кайзеровской империи, хотя он не имел уже никакого значения. Как будто актеры на имперской государственной сцене продолжали декламировать, устрашающе вращая глазами и жестикулируя, когда занавес уже опустился.

Утром, в начале десятого, ставка (по тайному телефону, которому еще предстояло сыграть важную роль) сообщила в имперскую канцелярию, что Верховное командование готово теперь доложить кайзеру, что армия более его не поддерживает. Из имперской канцелярии это сообщение по телефону тут же было передано Эберту, которому при этом дали понять, что революция-де излишня, поскольку вот-вот последует отречение кайзера. «Поздно! — ответил Эберт. — Лавина пришла в движение, рабочие одного из заводов уже вышли на улицу. — И после короткой паузы добавил: — Посмотрим, что еще можно будет сделать».

Но если для Эберта, к его великому сожалению, «было уже поздно», ставка еще не была готова принять окончательные решения. В одиннадцать часов утра кайзер, беседуя с одним из своих личных советников в раздраженно пренебрежительном тоне, впервые прямо сказал об отре-

чении: «Я достаточно долго правил страной, чтобы видеть, какое это неблагоприятное дело. Я вовсе не цепляюсь за власть!» Но до окончательного решения было еще далеко. Действительно, не прошло и часа, как кайзеру пришла в голову новая идея: сложить с себя лишь титул кайзера, но остаться королем Пруссии. В полдень в ставку прибыл кронпринц, наивный и, как всегда, молодцеватый. «Что же, эту кучку матросов до сих пор еще не поставили к стенке?» Отец и сын беседовали в парке наедине, без свидетелей. О чем они говорили, никто не знал. Все вроде вновь оказалось под вопросом. Тем временем из Берлина непрерывно шли настойчивые требования немедленно объявить об отречении кайзера, ибо в противном случае оно уже не даст никакого эффекта, дорога каждая минута. Из ставки тоном оскорбленного достоинства отвечали, что столь ответственные решения не принимаются очертя голову и что решение, принятое Его Величеством, надо еще сформулировать, а посему пусть в Берлине соизволят набраться терпения.

Но в полдень, когда в имперскую канцелярию одно за другим стали поступать сообщения, что рабочие бесконечными колоннами движутся из заводских кварталов к центру города, терпение рейхсканцлера лопнуло. Еще за несколько часов до этого по его указанию было подготовлено официальное сообщение об отречении кайзера; теперь рейхсканцлер распорядился опубликовать его, отлично зная, что оно ложно. Правительственное агентство сообщило:

«Германский император и прусский король принял решение отречься от престола. Рейхсканцлер останется на своем посту до тех пор, пока не будут урегулированы вопросы, связанные с отречением кайзера, с отказом кронпринца Германской империи и Пруссии от права на престол и с установлением регентства. Рейхсканцлер намерен предложить регенту назначить рейхсканцлером депутата Эберта, разработать и представить законопроект о безотлагательном проведении выборов в германское Учредительное национальное собрание. Его задачей будет окончательно определить форму будущего государственного строя для немецкого народа, включая и те его части, которые захотели бы войти в состав империи».

У Макса Баденского было чувство, что, предвосхищая решение кайзера и сообщая народу о его еще не состояв-

шемся отречении, он совершает нечто чудовищное. Прежде чем заставить себя пойти на этот шаг, он долгие часы боролся с собой. И действительно, для человека его происхождения и положения все это выглядело как гигантская афера. Однако дело было в том, что его шаг не имел больше ровным счетом никакого значения. То был жест принца-рейхсканцлера, напоминавший ужимки циркового клоуна, ведущего себя так, будто именно он командует представлением. Впрочем, не меньшей комедией была и история с приказом об открытии огня, разыгравшаяся сразу после этого. Командующий войсками берлинского гарнизона генерал фон Линсинген запросил, имеет ли вообще смысл отдавать приказ о применении огнестрельного оружия, учитывая, что подавляющее большинство частей стрелять все равно не будет. Проведя экстренное совещание со своим штабом, рейхсканцлер нехотя ответил: «Оружие применять только для защиты жизни и безопасности граждан, а также при охране правительственных зданий». Ответ был лишь пустым звуком, поскольку Линсинген, которого обстоятельства вынуждали действовать без промедления, уже отдал приказ войскам «оружия не применять ни при каких условиях, включая охрану правительственных зданий». Но и этот приказ опоздал: когда он дошел до частей, солдаты уже братались с подходившими рабочими и не стали бы стрелять в них.

Между тем в начале первого Эберт во главе делегации правления СДПГ явился в имперскую канцелярию и потребовал передать ему и его партии правительственную власть «ради обеспечения спокойствия и порядка». Принц Баденский не воспротивился этому, хотя только что возвестил, что будет исполнять обязанности канцлера до тех пор, пока не решится вопрос о регентстве. Ведь в сущности, и он и Эберт стремились к одной цели, а готовность Эберта немедленно взять на себя всю ответственность принесла принцу огромное облегчение. Он тут же и передал Эберту полномочия канцлера, то есть главы кайзеровского правительства, хотя незадолго до этого он объявил (пусть ложно) об отречении кайзера. Но и не сделай он этого, подобная процедура передачи власти находилась в вопиющем противоречии с конституцией: ни один канцлер не имеет права назначать другого канцлера. Как бы то ни было, но правительство, которое с этой минуты возглавил Эберт, оставалось прежним правительством, все статс-сек-

ретари сохранили в нем свои посты (в том числе и военный министр Пруссии фон Шеух), и только рейхсканцлером вместо Макса Баденского стал Эберт. Он начал свою официальную деятельность следующим призывом к маршировавшим по улицам рабочим Берлина:

«Сограждане! Прежний рейхсканцлер с согласия всех статс-секретарей передал мне исполнение обязанностей рейхсканцлера... Сограждане! Я настоятельно прошу вас: покиньте улицы! Позаботьтесь о спокойствии и порядке!» Но было уже поздно. Призыв Эберта точно так же не нашел отклика, как до этого лживое извещение Макса Баденского об отречении кайзера и его же половинчатый «приказ» о применении оружия. В это время (было около часа дня) сотни тысяч берлинцев уже заполнили центр города. Листовки с воззванием Эберта отбрасывали, не читая.

Наступило время обеда, и как раз тогда разыгрались последующие три сцены этой пустой трагикомедии.

Первая разыгралась в рейхстаге, где Эберт и Шейдеман, каждый за своим столиком (оба лидера СДПГ недолюбливали друг друга), хлебали жиденький картофельный суп, который подавали в тот день парламентариям. Пока они ели, массовое шествие докатилось до рейхстага. В толпе скандировали: «Долой кайзера! Долой войну!» — и вслед за этим: «Да здравствует республика!» Депутаты, ворвавшись в столовую, обступили Эберта и Шейдемана, упрашивая их выступить перед собравшейся у здания толпой. Эберт лишь отрицательно покачал головой и продолжал доедать свой суп. Напротив, Шейдеман, прирожденный трибун, немало гордившийся своим умением говорить с народом, отодвинул тарелку, встал и окрыленный зашагал по великолепным коридорам рейхстага. Проходя мимо группы парламентариев и высокопоставленных чиновников и услышав, что они обсуждают кандидатуры будущего регента, Шейдеман про себя усмехнулся. Подойдя к окну и распахнув его, он увидел внизу огромную толпу, затихшую при его появлении, лес красных знамен, тысячи обращенных к нему исхудалых, изможденных лиц, веривших в него, застывших в трепетном ожидании. Какое мгновение! Он хотел быть достойным его. Ведь он славился умением импровизировать, зажигая сердца, — в этом таланте и была его сила. Нужные слова сами пришли ему на язык. «Народ победил по всей линии! — восклик-

нул он и, перекрывая нарастающую бурю ликования, провозгласил: — Да здравствует Германская республика!»

Шейдеман решил, что неплохо сделал свое дело, и весьма довольный собой вернулся в столовую доедать остывший суп. Но тут у его столика возник побагровевший от ярости Эберт.

«Стукнув кулаком по столу, он закричал на меня: «Это правда?» Я ответил, что «это» не только правда, но, по моему, само собой разумеющееся. Тогда Эберт устроил сцену, которая меня весьма озадачила. «Ты не имеешь никакого права провозглашать республику! — кричал он. — Будет Германия республикой или чем-то еще, может решить только Учредительное собрание!» Так рассказал об этом эпизоде сам Шейдеман в «Воспоминаниях социал-демократа».

В действительности Эберт и не придавал столь большого значения Учредительному собранию. Всего несколько часов спустя он просил Макса Баденского, который нанес ему прощальный визит, остаться у власти в качестве имперского наместника. Как и Шейдеман, он был готов упредить созыв Учредительного собрания, но только в «обратном смысле»: Эберт не хотел республики, он все еще хотел спасти монархию. Но у принца Баденского не было больше ни малейшего желания продолжать игру; он уже упаковал чемоданы и в тот же день после обеда уехал домой, в Южную Германию, покинув взбудораженный, бушующий Берлин, а вместе с ним и историческую сцену.

Кайзер отобедал в Спа в своем салон-вагоне в те же часы, что и Эберт с Шейдеманом в столовой рейхстага. Во время еды ему принесли только что принятую телефонограмму из Берлина, в которой сообщалось, что принц Макс Баденский объявил об отречении Его Величества от престола.

Кайзер в силу своего положения привык владеть собой. Какое-то время он машинально продолжал есть. Но потом, медленно бледнея, произнес: «Что баденский принц низлагает короля Пруссии...» Кайзер не закончил фразу, голос его пресекся.

Ведь только перед обедом он подписал декларацию, что, отрекаясь как кайзер, остается королем Пруссии, и только начал вживаться в эту новую для него роль. И вот на тебе! После обеда, за кофе в узком кругу кайзер дал

наконец волю своему темпераменту и возмущению. «Измена, подлое возмутительное предательство!» — повторял он и, приказав принести телеграфные бланки, принялся наскоро исписывать их один за другим заявлениями протеста, все более резкими по тону. Ни одно из них так и не было отправлено; впрочем, они все равно не застали бы уже адресата.

В Берлине же, в имперской канцелярии, полученная в то же обеденное время телефонограмма из ставки, в которой сообщалось о «полуотречении» кайзера, пожелавшего остаться королем Пруссии, вызвала не меньше возмущения, чем поступок принца Баденского у самого кайзера. «Что, что? — прокричал в телефонную трубку унтер-статс-секретарь Ваншаффе. — Что вы говорите? Отрекается от титула кайзера, но не от прусского престола? Это же бесполезно, да и невозможно с государственно-правовой точки зрения!» Последнее, впрочем, едва ли можно было принять всерьез: решительно все происшедшее в последние часы было «невозможно с государственно-правовой точки зрения». Однако еще больше возмутило господ в имперской канцелярии, что никто и не подумал хотя бы уведомить их о существовании подобного плана. Тут они были правы: эта дикая идея родилась экспромтом. В Берлине и не придали ей никакого значения; сообщение сдали в архив. Оно не было опубликовано, и, таким образом, «частичное отречение» кайзера так и не вступило в силу.

В самом деле, кайзер не отрекся от престола 9 ноября 1918 г. (он сделал это лишь три недели спустя, будучи уже в Голландии), а германская империя еще не стала республикой. То, что Шейдеман провозгласил республику из окна рейхстага, в государственно-правовом смысле было пустым звуком. Сообщение принца Макса Баденского об отречении кайзера было целиком ложным. Заявление самого кайзера о своем намерении ограничиться троном короля Пруссии так и осталось никем не завизированным, не имеющим силы и погребенным в архивах имперской канцелярии. Эберт, занявший теперь (против всех и всяких правил) пост рейхсканцлера, по-прежнему чувствовал себя именно императорским канцлером и старался, как мог, спасти монархию.

Но спасти ее было уже нельзя. В сознании всей Германии, в том числе и монархистов, империя в этот день испустила дух, притом добил ее сам кайзер и не тем, что

отрекся от престола (об этом даже не было и речи), а тем, что покинул страну.

Кто навел его на мысль об отъезде, осталось невыясненным. Не так-то просто было до этого додуматься: ведь кайзеру лично ничего не грозило. В Спа он сохранил полную свободу передвижения между своей резиденцией, ставкой и салон-вагоном. Часовые при его появлении по-прежнему брали «на караул». В Спа не было революции. Фронтовые командиры всего несколько часов тому назад заверили полковника фон Гейе, что вверенные им части с удовлетворением и «радостью» восприняли бы решение кайзера мирно возвратиться на родину вместе с ними. Но уже после обеда все вдруг заговорили о безопасности августейшей особы и ее будущем местопребывании. Все вроде бы согласилось, что кайзеру грозит опасность и ему надо уехать. Только генерал Грёнер был против этого.

«Хочу обратить внимание на следующее, — сказал он, — если кайзер отрекся от престола, он может ехать куда захочет, если же не отрекся, то покидать армию он не имеет права. Бросить армию, не отрекшись от престола, невозможно!»

Все смущенно промолчали, никто, казалось, не хотел понять, о чем идет речь. После недолгой паузы дискуссия о возможном отъезде возобновилась, будто Грёнер ничего и не говорил. Сам Гинденбург, в тот день подчеркнуто сдержанный, повторил несколько раз: «В крайнем случае возможен переход через голландскую границу». Кто-то из придворных в этой связи заметил, что, если кайзер пожелает выехать в Голландию, соответствующее решение должно быть принято заблаговременно и доведено до сведения голландского правительства. Хотя формально никакого решения принято не было, вскоре в ставке все повисло на телефонах. В пять часов кайзер, до тех пор отсутствовавший, внезапно пригласил к себе командующих войсками на прощальную аудиенцию, в ходе которой он не протянул руки лишь генералу Грёнеру, сказав ему:

«Теперь, когда я сложил с себя полномочия Верховного командующего, у меня нет больше с вами дел. Вы — вюртембергский генерал».

Очевидно, кайзера лично задело дерзкое, по его мнению, требование Грёнера оставаться в расположении войск до тех пор, пока не подписано отречение. Он, судя по всему,

все еще считал себя королем Пруссии, но теперь покидал армию.

При дворе еще немного поколебались: снова «мы не едем», но потом «все же едем». В конце концов кайзер переночевал со сложными чемоданами в своем салон-вагоне, а на следующее утро в 5 часов его поезд отошел от вокзала в Спа и покатил к голландской границе. Теперь и кайзер, так же как за двенадцать часов до этого принц Баденский, «выехал из истории», а вместе с ним покинула историю и германская монархия. После этого отъезда, смахивавшего на бегство, никто и ничто уже не могло ее спасти. Она «не отреклась», она сама себя изжила.

Для более отдаленного будущего этот крадущийся уход кайзера, означавший бесшумное крушение германской монархии, был событием огромного значения: германские правящие классы лишились своей опоры и своих традиций, а грядущая контрреволюция обрела черты отчаяния и нигилизма, которые вряд ли были бы присущи движению за реставрацию монархии. Так образовался вакуум, который в конечном счете заполнил Гитлер. Но для драмы, разыгравшейся 9—10 ноября, что бы кайзер ни предпринимал, уже не играло никакой роли. Отрекся бы он или нет, уехал в Голландию или остался бы в Спа — все это уже никак не могло повлиять на развитие событий после того, как с утра 9 ноября берлинские рабочие вышли на улицы, а войсковые части перешли на сторону СДПГ. Защитником старого строя с этого утра был уже не кайзер, а Эберт. У него 9 ноября пополудни уже не было времени заниматься кайзером, что мог себе позволить до обеда Макс Баденский; у Эберта были совсем другие заботы: в эти часы волны революции уже грозили захлестнуть его самого.

6. Час Эберта

Фридрих Эберт, ставший 9 ноября 1918 г. роковой для Германии фигурой, был неказист с виду: низенький толстяк, коротконогий, с короткой шеей, голова грушей на грушевидном же туловище. Не обладал он и ораторскими способностями, говорил гортанным голосом, речи свои читал. Эберт не был ни интеллигентом, ни пролетарием. Его отец (как и отец Вальтера Ульбрихта) был портным, а сам он выучился на седельщика. С малых лет его тайной

страстью были лошади, и позже, став президентом, он любил по утрам регулярно ездить верхом по аллеям Тиргартена.

Эберт был типичный немецкий мастер-ремесленник. Сolidный, добросовестный, с ограниченным кругозором, но в самой своей ограниченности — тоже мастер; с богатыми клиентами — скромно почтительный, в своей мастерской — властный и немногословный. Партийные функционеры СДПГ немного побаивались его, как побаиваются ученики и подмастерья строгого хозяина. В партии его недолюбливали, зато глубоко уважали. В больших дискуссиях, сотрясавших партию в предвоенные годы, — в спорах о революционном или реформистском пути, о массовых выступлениях или парламентаризме — он не играл роли, но, как только его избрали в правление, он первым делом добился установки телефонов, позаботился о пишущих машинках и упорядочил делопроизводство. При Эберте царил порядок. Когда разразилась война, именно его тут же отослали с партийной кассой в Цюрих — на всякий случай. На этого человека можно было положиться, он всегда знал, чего хочет.

Чего же он хотел? Совершенно точно — никакой революции! Ведь, по собственным словам, он ненавидел ее как «смертный грех». Пожалуй, только отсутствие дисциплины в партии могло вызвать у него еще более лютую ненависть. «Отказ от дисциплины и взаимного доверия приводит к развалу партии, к разрушению ее организационных основ, — заявил он в 1916 г. — Это крайне опасно для партии! Подобным проискам надо положить конец».

Но именно эта его установка и привела затем партию к расколу. В 1917 г. все критически настроенные умы в СДПГ, не желавшие более терпеть Эбертову муштру, окончательно откололись от партии и основали Независимую социал-демократическую партию (НСДПГ). У Эберта эта новая левая партия вызывала не только неудовольствие, но и презрение: жалкий сброд, ни порядка, ни дисциплины.

Своей партии он желал лишь добра, ни на минуту не сомневаясь, что именно для нее добро: больше прав рейхстагу, всеобщее избирательное право и в Пруссии. Тогда СДПГ в один прекрасный день автоматически войдет в правительство, возможно, даже станет сильнейшей партией правительственного большинства. Тогда она сможет

Верховный главнокомандующий кайзер Вильгельм II со своими влиятельными советниками генерал-фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом (слева) и первым генерал-квартирмейстером Эрихом Людендорфом (справа) обсуждают положение на фронте в ставке Верховного командования. С лета 1918 г. война стала для Германии бесперспективной. И хотя официально еще продолжали твердить о ее продолжении до победного конца, парламентарии в Берлине обсуждали вопрос, не пора ли сменить правительство и начать поиск путей к заключению мира по соглашению.

Гинденбург и Людендорф среди офицеров Генерального штаба. С осени 1916 г. подлинным правительством Германской империи стало Верховное командование сухопутных сил во главе с Гинденбургом. Однако большим влиянием пользовался Людендорф. Это проявилось 29 сентября 1918 г., когда он потребовал немедленной капитуляции и смены правительства. Тем самым он привел к власти СДПГ, но одновременно возложил на нее ответственность за поражение, что в дальнейшем явилось основой легенды об "ударе кинжалом в спину".

Кайзер и его новый канцлер. План Людендорфа предусматривал передачу поста рейхсканцлера либералу принцу Макс Баденскому. Его правительство должно было состоять из представителей партий парламентского большинства, в которое тогда входили три партии: Центра, прогрессисты и социал-демократы. Конституционная монархия должна была стать парламентарной, однако поначалу об отречении кайзера не было речи.

Начало революции. Приказ командования военно-морского флота, отданный 30 октября без ведома правительства Макса Баденского, о выходе в море океанского флота вызвал мятеж матросов. 3 ноября вместе с тысячами рабочих Килия они провели крупную демонстрацию. На следующий день были избраны солдатские Советы. Матросы вовсе не собирались бунтовать против правительства, напротив, они верили, что действуют в духе его политики. Свидетельство тому – восторженный прием, оказанный депутату рейхстага от СДПГ Густаву Носке, прибывшему в Киль в качестве посланца имперского правительства и тотчас избранному "губернатором". Правительство, однако, не ответило на эти проявления симпатий.

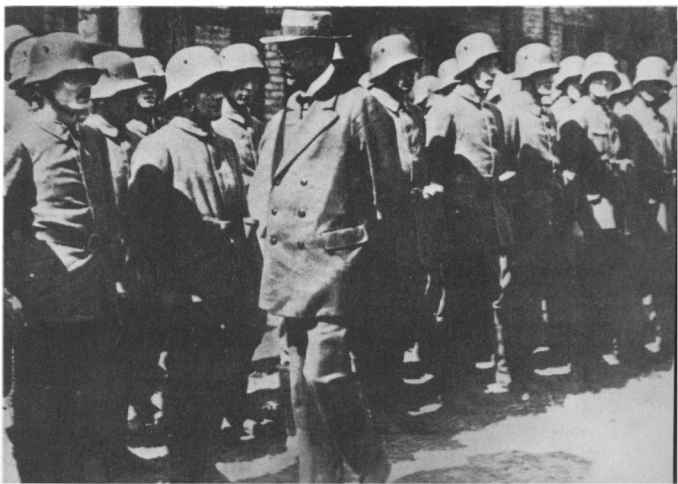

Демонстрация революционных матросов в Киле.

Команды революционных кораблей.

”Губернатор” Носке инспектирует войска в Киле.

Фридрих Эберт.

Вильгельм Грёнер.

Этим четверем людям суждено было стать роковыми фигурами революции. Хотя им отчасти и пришлось возглавлять революцию, они всегда были полны решимости ее обуздать. Фридрих Эберт в качестве рейхсканцлера заключил "союз" с генералом Грёнером об использовании против революции возвращавшихся с фронта на родину войск. Тем самым он отдал се-

Филипп Шейдеман.

Густав Носке.

бя и молодое государство в руки представителей свергнутой власти. Филипп Шейдеман, который первоначально был против того, чтобы СДПГ ввязывалась в "заведомо проигранное дело", несколькими неделями позже самовольно провозгласил республику. Густав Носке возглавил окончательный разгром революции. Он сказал: "Кто-то ведь должен быть кровавой собакой"

9 ноября в Берлине: революционные матросы движутся через Бранденбургские ворота. Как и повсюду в Германии, к ним и здесь присоединяются рабочие.

Революционные части нигде не встречали сопротивления. Их автомашины (снимок вверху) свободно разъезжали по улицам, а ворота казарм добровольно открывались перед ними. На нижнем снимке запечатлен момент сдачи казарм гвардейских улан.

“Да здравствует Германская Республика!” 9 ноября во второй половине дня Филипп Шейдеман из окна рейхстага провозгласил республику. Он полагал, что иначе революция полностью выйдет из-под контроля. С государственно-правовой точки зрения этот акт не имел, однако, значения, поскольку кайзер отрекся от престола лишь три недели спустя.

Сверху: несмотря на провозглашение республики, революция в Берлине продолжалась. На снимке: спартаковцы на проверке.

Внизу: Карл Либкнехт на митинге. 9 ноября он также провозгласил республику, но социалистическую.

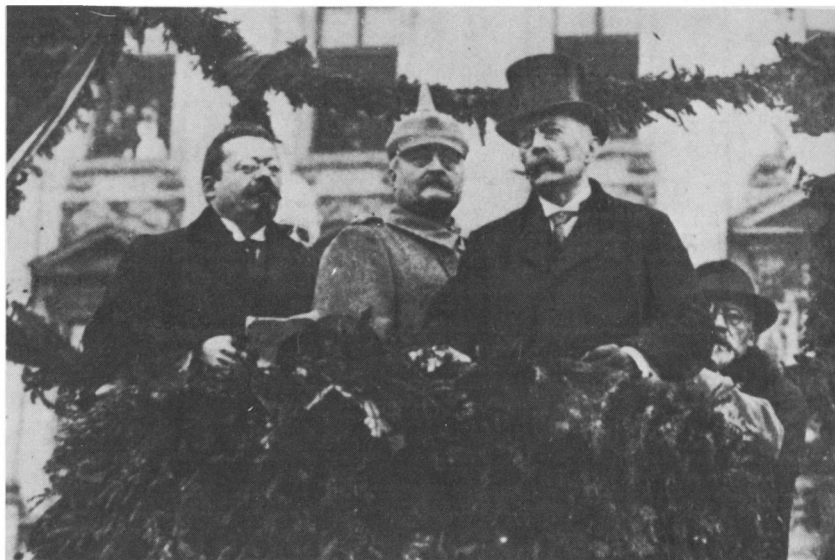

Сверху: на собрании в цирке Буша Эберт скрепя сердце принял предложение встать во главе революции. Отныне правительство называлось "Совет народных уполномоченных".

Внизу: демонстрация унтер-офицеров в поддержку правительства Эберта, которое, однако, по-прежнему считало революцию угрозой своему существованию.

Фридрих Эберт, генерал Леки и обер-бургомистр Берлина Вермут приветствуют на Паризерплац возвращающихся фронтови-ков. Союз Эберта с Грёнером предусматривал, что фронтовые части подавят революцию. Но план провалился: сразу же после приветственной речи рейхсканцлера солдаты стали расходиться по домам.

"Кровавое рождество" Эберта. Вверху: правительственные войска осаждают 24 декабря 1918 г. императорский дворец, в котором в те ноябрьские дни размещалась Народная морская дивизия, гвардия революции (на нижнем снимке). Предлогом для столкновения был отказ правительства выплатить жалованье революционным солдатам. В действительности правительство хотело покончить, наконец, с "бесчинством Советов".

Карл Либкнехт. Руководитель "Союза Спартака". 30 декабря Либкнехт и "Союз Спартака" вышли из Независимой социал-демократической партии Германии и основали Коммунистическую партию Германии (КПГ). Во время январских вооруженных столкновений, которые без всяких оснований именуется "спартаковским восстанием", он был убит по приказу свыше.

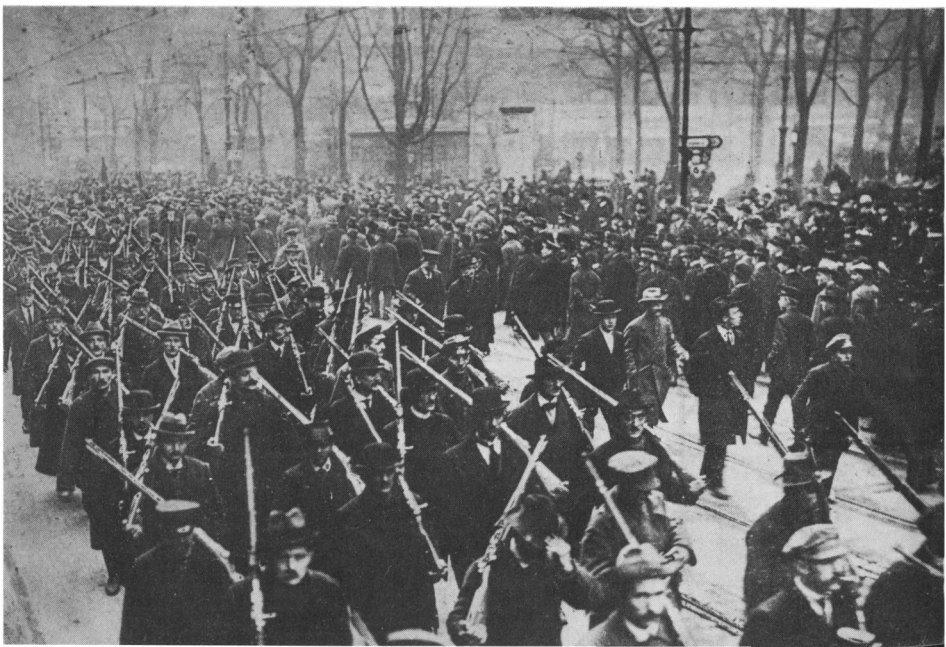

Роза Люксембург. Почти все годы войны провела в тюрьме и была освобождена лишь 9 ноября 1918 г. Жить ей тогда оставалось лишь два месяца. Вместе с Карлом Либкнехтом основала Коммунистическую партию Германии, составила проект ее программы, выступала с передовыми статьями в газете "Роте фане". 15 января 1919 г. ее вместе с Либкнехтом выследили на конспиративной квартире и застрелили. Труп Розы Люксембург убийцы бросили в Ландвер-канал.

В январе 1919 г. в Берлине происходили ожесточенные уличные бои между революционерами и контрреволюционными силами. На снимке сверху: бой в северной части города.

Внизу: вооруженные берлинские рабочие. Вначале они вышли на улицы в знак протеста против контрреволюционной акции правительства 24 декабря, которую считали предательством.

провести социальные реформы и улучшить условия жизни рабочих. К большому Эберт и не стремился: на это у него просто не хватало кругозора.

Германская империя, какой она была, в общем и целом не вызвала у Эберта возражений. В годы войны он, разумеется, был патриотом, но поражение не слишком переживал. «Спокойно и твердо мы ждем результатов нашей мирной инициативы, — говорил он в рейхстаге 22 октября. — Мы можем лишиться имущества, но творческой силы, создающей новое, у нас никто не отберет. Что бы ни случилось с нами, мы останемся жить в центре Европы — многочисленный трудолюбивый народ, хранящий свою честь».

Для Эберта в октябре 1918 г. в принципе уже осуществилось все, к чему он стремился, и его партия уже заняла, как он считал, подобающее ей положение; то обстоятельство, что она до поры до времени делила власть с другими уважаемыми буржуазными партнерами, его вполне устраивало, точно так же как устраивал его и кайзер, по-прежнему паривший над всем этим и внушавший должное почтение. И надо же было случиться, что именно в этот момент началась революция! А к тому же его собственные сторонники участвовали в ней! Для Эберта революция была страшной бедой, ужасным недоразумением. Но он был уверен, что сумеет с ней справиться.

Теперь он стал рейхсканцлером, и за ним стояло государство со всем своим административным аппаратом, чиновничеством и, наконец, вооруженные силы, точнее, то, что от них осталось. Он, Эберт, олицетворял порядок. И разве это ничего не значило? Можно ли без законного правительства заключить соглашение о перемирии и прийти к миру, которого все так жаждут? Можно ли предотвратить катастрофу — грозящий голод, — не установив порядок в стране? Эберт *хотел* установить порядок, он сам был его живым воплощением. И чтобы немцев не удалось бы в два счета вернуть к порядку? Да это же курам на смех!

К тому же Эберт мог разыграть еще один козырь: ведь он был не только рейхсканцлером, но и председателем СДПГ. Он олицетворял не просто порядок, а новый порядок. Кого же еще могли бы революционеры, в большинстве своем социал-демократы, поставить во главе империи, если не его, председателя своей партии? Правда, среди них были еще смутьяны из НСДПГ, был еще и неприятный

Карл Либкнехт, ставший теперь столь популярным благодаря ореолу мученика, протестовавшего с самого начала против войны. Ну что ж, и бога ради, можно включить в правительство цару-тройку «независимых» социал-демократов, чтобы заткнуть глотку революции! Много вреда они, судя по всему, причинить не смогут. В тот же день, 9 ноября, перед обедом Эберт принял в рейхсканцелярии депутацию НСДПГ и предложил ей выдвинуть трех кандидатов на министерские посты. Кто-то из пришедших спросил, могут ли они сделать это по своему усмотрению.

«Безусловно, — отвечивал Эберт, — персональные вопросы для нас не имеют значения». — «И Либкнехта тоже можно?» — «Если угодно, приведите и Либкнехта. Мы примем и его»³⁹.

После этого все направились в рейхстаг: Эберт — в столовую молча хлебать в одиночестве свой картофельный суп, а представители НСДПГ — в свою фракцию решать вопрос об участии в правительстве. Но, прозаседав до вечера, «независимые» его так и не решили. Это ведь было «недисциплинированное собрание», где каждый отстаивал собственную точку зрения. Со второй половины дня рейхстаг стал все больше напоминать военный лагерь. Фракции СДПГ и НСДПГ заседали беспрерывно. То и дело кто-либо из социал-демократов заглядывал к «независимым», чтобы узнать, пришли ли те наконец к решению. На заседания фракции НСДПГ приходили и другие люди. Зашел сюда и Карл Либкнехт. Осведомившись, о чем идет речь, он торжественно продиктовал в протокол слова, прозвучавшие почти как приказ: «Вся исполнительная, вся законодательная, вся судебная власть — рабочим и солдатским Советам!» По этому поводу тут же разгорелась бурная дискуссия. В рейхстаг тем временем вторгались и другие — незваные и никому не ведомые — гости, порой целые колонны с красными знаменами. Уходили одни, приходили другие... Центральные улицы Берлина походили в тот день на волнующийся людской океан, и волны его прибоя вновь и вновь вкатывались в рейхстаг...

Никто не считал людей, массами хлынувших в центр с берлинских окраин. Но очевидцы в один голос говорят о сотнях тысяч. Все эти люди испытали невиданный, необычный душевный перелом: с утра каждый из них готов был идти на смерть. Никто ведь не знал, что на воинские части «уже нельзя было положиться», все ждали, что ка-

зармы и правительственные здания встретят их пулеметными очередями. В первых рядах бесконечных колонн, медленно, в гнетущем молчании двигавшихся со всех сторон к центру города, несли транспаранты с надписями: «Братья! Не стреляйте!» В задних рядах многие были вооружены. Все были готовы к трагическому исходу — смертному бою за казармы. День выдался пасмурный, необычно мягкий для этого времени года, безветренный, почти душный. Недобрый, роковой день — в такие дни самое время умереть.

И вот — ничего не случилось! «Братья» действительно не стали стрелять, они сами открыли ворота казарм, сами помогли вывесить красные знамена. Одни примкнули к массам, другие, как, например, служба охраны порядка полиции-президиума на Александерплац, оставили оружие и поскорее разбежались. Толпа была этим так ошарашена, что тут же образовала живые коридоры, пропустившие расходившихся по домам полицейских. Им даже не улюлюкали вслед. Революция в Берлине была столь же великодушной и мирной, как и повсеместно в Германии. Если кое-где и пролилась кровь, то лишь по вине ее противников. Так, в гвардейских казармах несколько офицеров, забаррикадировавшиеся в одной из комнат, внезапно начали стрелять в проем распахнувшейся двери. Три человека погибли, были жертвы в сходных инцидентах, происшедших позднее, в манеже и на территории университета, всего пятнадцать убитых. Но в огромных людских массах это не оставило следа, большинство ничего об этом и не узнало. К полудню, когда стало окончательно ясно, что тревожное напряжение и страх перед грозившей бойней оказались беспочвенными, всеми овладело чувство огромного облегчения, можно сказать избавления, готовность к всеобщему ликованию. Но в то же время люди испытывали и нечто похожее на разочарование, растерянность. Что же еще надо было делать? Колонны, двигавшиеся к цели, превратились в толпы, которые заполнили, загрохотали все улицы. В начавшейся толчее люди братались, все это отдаленно напоминало праздничные народные гулянья — отдаленно, потому что праздновать, собственно говоря, было нечего, а готовность умереть, уже непушкая и бесцельная, все еще держала людей в каком-то странном оцепенении.

Впрочем, кое-где в толпе инициативу брали на себя отважные люди — прирожденные организаторы, способные

быстро припимать решения. Они формировали вооруженные отряды, сажали их на грузовики и начинали действовать: прежде всего, как и повсюду в Германии, захватили тюрьмы и освободили политических заключенных — только политических, строго по документам! — потом — вокзалы, почтамты, запыли и редакции нескольких газет (занять редакцию «Форвертс» помешали солдаты Наумбургского егерского полка, с утра охранявшие здание).

Правительственные учреждения, где охрана не была выставлена, оставили в покое: там, как говорили, заседало новое, народное правительство. Но в четыре часа пополудни в толпе прозвучал чей-то призыв: «К дворцу!» Полчаса спустя королевский дворец был в руках народа, и Карл Либкнехт, выйдя на балкон, с которого свисало красное полотнище, провозгласил второй раз за этот день республику, но теперь уже социалистическую. Слова его, произнесенные торжественным голосом, напевно, как проповедь, прозвучали над переполненной площадью, на которой люди стояли буквально плечом к плечу. «Кто из вас за свободную социалистическую республику Германии, за мировую революцию, тот пусть поднимет руку для клятвы!» — закончил Либкнехт. Поклялись все. Многие ли сдержали клятву — кто знает?

Имя Карла Либкнехта было в те дни известным, пожалуй самым известным, именем в Германии. Его знали все, и никого оно не оставляло равнодушным: оно вызвало самую горячую любовь у одних и самую жгучую ненависть — у других. Но он был лишь символической фигурой, не имел какой-либо реальной силы. Всего за четырнадцать дней до этих событий Либкнехта выпустили из каторжной тюрьмы, куда его посадили два с половиной года назад за то, что он один заявил протест против войны. Он не принадлежал теперь ни к одной партии — НСДПГ образовалась, когда он был в каторжной тюрьме, — не мог опереться на какую-либо организацию (и к тому же не обладал и организаторскими способностями). В революционных событиях последней недели он вообще не играл роли, да и в этот день, 9 ноября, в Берлине роль его была, так сказать, демонстративной. Вождем революции он не был, и выступление его с балкона императорского дворца было лишь сенсационной интермедией, эпизодом, не повлиявшим на развитие событий⁴⁰.

Но была и другая группа людей, считавших, что им вполне по плечу руководить революцией, что их вмешательство в события этого бурного дня самым драматическим образом повлияет на ход развития. Речь идет о «революционных старостах» крупнейших берлинских заводов. Они составляли группу человек в сто, с руководящим ядром из дюжины лидеров. Это были квалифицированные кадровые рабочие и подлинные рабочие вожжаки. Никто в Германии за пределами заводов, на которых они работали, не знал их имен (в отличие от громкого имени Либкнехта), но зато (опять же в отличие от Либкнехта) за ними стояла организованная реальная сила: рабочие их предприятий, давно уже привыкшие идти за ними.

Группа «революционных старост» сложилась во время больших забастовок минувшей зимы. Они и были подлинными руководителями этих забастовок. С тех пор они поддерживали между собой конспиративные связи и несколько недель разрабатывали план революционного переворота. Еще 4 ноября, ничего не зная о событиях в Киле, начавшихся в тот день, они приняли решение совершить 11 ноября переворот в Берлине, раздобыли для этой цели оружие, роздали его своим людям и разработали план внезапного захвата главных правительственных учреждений. Хотя затем развитие событий и опередило «революционных старост», они и далее не были намерены оставаться в стороне. Во второй половине дня 9 ноября — в то самое время, когда охваченные энтузиазмом массы народа, бесцельно и несколько уже устав, волнами перекатывались по берлинским улицам, когда Эберт, сидя в имперской канцелярии, пытался управлять страной, а фракции СДПГ и НСДПГ бесконечно заседали в рейхстаге, не будучи в состоянии договориться об условиях вступления «независимых» в кабинет Эберта, — «революционные старосты», проведя короткое совещание, приступили к делу.

Они не были крупными теоретиками, не составляли программ, а мыслили практически, ясно представляя себе, что нужно делать в первую очередь: поставить во главе масс дееспособное руководство, иными словами, создать орган, способный проводить политику, революционное правительство, которое отодвинуло бы в сторону и Эберта, и политические партии. «Революционные старосты» быстро собрали сотню-другую надежных людей и тем же днем с наступлением темноты, когда толпы на улицах

стали медленно разбредаться, заняли здание рейхстага⁴¹.

В рейхстаге, напоминавшем в тот день проходной двор, не проверяли беспрестанно приходивших и уходивших посетителей. Никто вначале не обратил внимания на внезапно вторгнувшуюся в здание около 9 ч. вечера группу людей, такую же, кстати сказать, разношерстную, как и другие необычные группы, побывавшие здесь днем. Пропуска в рейхстаг не выдавались, и к отряду «революционных старост» примкнуло множество любопытных или жаждавших активности людей, военных и штатских. Но вдруг обнаружилось, что пришедшие вроде бы соблюдают определенный порядок, осуществляют какой-то план и действиями их кто-то руководит. Отряд численностью в несколько сот человек занял сначала комнату № 17, а затем и зал пленарных заседаний, который тут же был обтянут принесенными красными полотнищами. Кто-то из пришедших занял место председательствующего, зазвонил в колокольчик, остальные расселись в депутатских креслах; шумное, беспорядочное вначале собрание приняло упорядоченный характер, был выдвинут и избран президиум. Из пленарного зала доносились обрывки речей, аплодисменты, казалось, идет заседание рейхстага с его обычным ритуалом. Всполошившиеся депутаты сбежали сюда из своих фракционных залов посмотреть, что происходит, и были ошарашены, увидев вдруг революционный парламент, развивший бурную деятельность.

Это был буйный, никем не избранный, не отфильтрованный, но явно дееспособный парламент. Группа его руководителей, занявших места на скамьях правительства, довольно уверенно вела заседание. Это были вожаки «революционных старост», среди них и знакомые лица: Рихард Мюллер, Эмиль Барт. Они решительно прерывали некоторых не в меру расхорившихся ораторов, предоставляли слово друг другу, говорили коротко, убедительно и по существу дела. Судя по всему, они отлично знали, чего хотели. Дальше — больше: вносились предложения, которые тут же ставились на голосование. В одиннадцатом часу несколько социал-демократов, сидевших в пленарном зале, вышли из рейхстага и, быстро дошагав до имперской канцелярии — благо идти было недалеко, — растерянно доложили Эберту о случившемся: только что некое собрание в рейхстаге приняло решение провести следующим утром на всех заводах и во всех казармах выборы

рабочих и солдатских Советов — по одному представителю от батальона и от тысячи рабочих. Было решено также, что эти избранные делегаты Советов соберутся завтра в пять часов пополудни в цирке Буша для создания временного правительства — «Совета народных уполномоченных». О правительстве Эберта не было и речи, делали вид, будто никакого правительства более не существует: его явно хотят просто-напросто оттеснить. Надо полагать, в этот момент собрание в рейхстаге уже направило в казармы и на заводы своих представителей, которым поручено созвать рабочих и солдат на завтрашние выборы. Видимо, речь идет о государственном перевороте, совершаемом «революционными старостами». В СДПГ примерно представляли себе, кто такие эти старосты и каким влиянием на предприятиях они обладают.

Эберт в мрачном молчании выслушал эту черную весть. Внешне он оставался спокоен, только страшно побледнел и крепко сжал губы. «Хорошо, — сказал он наконец, — подождите здесь, в приемной».

Все слова и поступки Эберта совершенно ясно показывают, чего он хотел в тот день: он хотел в последнюю минуту предотвратить революцию, превратить массовое выступление рабочих в обычную демонстрацию, спасти основы старого строя и вести дела по-старому, сменив лишь вывеску. Программа Эберта полностью совпадала с программой, выдвинутой принцем Максом Баденским: отречение кайзера — регентство — перемирие — Учредительное собрание. Эберт лишь полагал, что его личные качества и политическое положение позволят осуществить ее лучше, чем это смог бы сделать принц. Побеседовав с Эбертом на прощальной аудиенции, принц Баденский отметил, что тот «все еще старается не нарушить органической связи между прошлым и настоящим».

В полдень Эберт, только что занявший пост рейхсканцлера, еще не сомневался, что так или иначе все это у него получится. Он возглавил готовый, давно уже сработавшийся кабинет, не меняя поначалу его личный состав. Что касается чиновников, то в одном из первых своих воззваний Эберт обращался к ним почти вповорот, как проситель. «Я знаю, — писал он, — что многим из вас будет нелегко работать с новыми людьми, но взываю к вашей любви к своему народу!» К тому же чиновники бастовать не привыкли. Руководство СДПГ он крепко держал в

руках; части берлинского гарнизона, как это выяснилось еще утром, также поддерживали его. Для успокоения рабочих масс он готов был включить в свое правительство некоторых «независимых социал-демократов». «Независимых» он хорошо знал и несколько их не боялся. В ходе войны они под его председательством долго еще были исправными социал-демократами, и, хотя потом и начали друг за другом откалываться от партии, революционных смутьянов и радикалов среди них почти не было. В составе кабинета «независимые» останутся под его контролем, а само их участие в правительстве будет для него своего рода алиби, притом весьма полезным. Предложив им коалицию как бы проходя, по дороге в столовую рейхстага, где уже дымился его картофельный суп, Эберт, по свидетельству очевидцев, говорил «довольно резко» и «свысока». В тот момент, в полдень, он еще полагал, что все козыри у него на руках.

Но к концу дня все пошло наперекосяк. Первым срывом было провозглашение Шейдеманом республики. Вторым, и худшим,— отказ принца Баденского стать имперским наместником и его поспешный отъезд из Берлина. С мыслью о республике Эберту пришлось волей-неволей мириться просто потому, что воплощать монархию было уже некому. Но и с «независимыми», против ожидания, все оказалось не так просто. Сначала они никак не могли договориться о предложенной им коалиции, а под конец выдвинули неприемлемо радикальные условия. Вечером все еще не удалось сформировать коалицию, и Эберту пришлось довольствоваться дополнительным назначением нескольких статс-секретарей из числа социал-демократов. Его призыв покинуть улицы и разойтись по домам пропал зря. Хорошо еще, что демонстрации прошли почти бескровно, и Эберт надеялся, что в воскресенье опьяненные революцией люди захотят выспаться и останутся дома.

Но и этого не получилось. Стало ясно, что революция завтра продолжится и притом будет гораздо опаснее, организованнее и целеустремленнее. Объявилась противостоящая ему сила, которая оспаривала руководство и в отличие от него не собиралась давать отбой, а была намерена продвинуть революцию дальше. Как же ему справиться с ней?

Запасных позиций, на которые он мог бы отойти, у него не было. Эберт стоял на крайнем левом фланге тогдашнего истеблишмента, он был последним резервом старого

порядка, олицетворявшего для него порядок вообще. За Эбертом не было никого, кроме него самого, и, если бы он вышел из игры, заменить его было бы нечем и нечем.

Значит, открытая борьба? Запретить выборы в Советы и собрание в цирке Буша и, если не останется другого выхода, отдать приказ о расстреле его участников? На такое Эберт решиться не мог. Конечно, с сегодняшнего утра части берлинского гарнизона поддерживали его. Но готовы ли они выполнять *любые* его приказы? Да и можно ли их еще считать настоящими воинскими частями, слепо повинующимися своим командирам? Всего несколько часов тому назад Вельс уговорил их *не стрелять*. Удастся ли теперь ни с того ни с чего снова уговорить их стрелять? А если бы и удалось — есть ли на это право? Чтобы первый социал-демократ на посту рейхсканцлера, да еще в первый день правления устроил кровавую баню рабочим--социал-демократам? Нет, это невозможно!

В этом случае Эберту оставалось только одно: отказаться от «органической связи между прошлым и настоящим», живым воплощением которой был он сам. Ему предстояло превратиться из рейхсканцлера в первого председателя этого самого — как его называли? — «Совета народных уполномоченных». Его должны были как бы второй раз официально назначить на занимаемый им пост главы правительства. Правда, принц Баденский назначил его и в первый раз не по правилам, а о собрании в цирке Буша и говорить нечего. Невозможно? Нет, возможно! В конце концов, среди берлинских рабочих еще достаточно верных социал-демократов; их нужно только своевременно мобилизовать. Прежде всего необходимо во что бы то ни стало договориться с «независимыми», хотя бы ценой уступок. Рабочих и солдат в цирке Буша следовало поставить перед совершившимся фактом создания правительства, представляющего всех социалистов. Лозунгом дня должно стать примирение, единство. Никакой братоубийственной борьбы! Эберт, достаточно хорошо знавший своих рабочих, был уверен, что такой лозунг вызовет энтузиазм и, более того, окажет на них просто неотразимое воздействие.

Но, кроме рабочих, были еще и солдаты! Ведь солдаты *тоже* будут участвовать в выборах, а их-то революционно настроенными никак не назовешь! Ведь еще утром никто не был уверен, что они не расстреляют революцию. Они

этого, впрочем, не сделали, и тем более нельзя этого требовать от них сейчас. Но *проголосовать* против революции они вполне способны. Надо снова напустить на них Вельса. Утром он превосходно справился со своей задачей, сумел найти верный тон с солдатами. Пусть снова отправляется в казармы и обработает солдат так, чтобы назавтра они проголосовали за тех, кого надо.

И после того, как все это будет сделано, он, Эберт, выступит в цирке Буша как лидер коалиции обеих социалистических партий и разрешит выбрать себя вождем революции. Видит бог, ему придется часок-другой повить с волками по-волчьи, пичего не поделаешь! Другого пути не дано. Будущему председателю «Совета народных уполномоченных» Эберту предстояло сыграть для Эберт-рейхсканцлера ту же роль, которую он сам в этом качестве сыграл для бывшего рейхсканцлера — принца Баденского. Чтобы сорвать революцию ему на первых порах нужно было для виду самому ее возглавить. Иного способа не было, а так еще могло получиться.

Эберт пригласил к себе все еще сидевших в приемной товарищей по партии. Он принял решение и дал им соответствующие инструкции. Той же ночью его люди во главе с гордившимся своим успехом неутомимым Отто Вельсом взялись за дело. Но и доверенные «революционных старост» тоже работали всю ночь напролет. Так работают обычно в ночь пред решающим сражением штабы двух враждующих армий.

День 9 ноября 1918 г. завершился. Он принес крушение монархии, но еще не принес победы революции. Судьба революции в ночь с 9 на 10 ноября еще не была решена, она висела в воздухе и могла решиться лишь на следующий день.

7. 10 ноября 1918 г. : революция проигрывает свою «битву на Марне»⁴²

Профессор Эрнст Трельч, теолог и историк с философским уклоном, с 1914 г. — гордость Берлинского университета, в ноябре 1918 г. описал, как берлинская буржуазия пережила день 10 ноября:

«В воскресенье утром, после тревожной ночи, мы узнали обо всем из утренних газет. Картина была ясна: кайзер в Голландии, революция победила в большинстве центров

страны, правящие князя Германского союза отрекаются от своих престолов. Ни один человек не отдал жизнь за кайзера и империю! Чиновники перешли на службу к новому правительству! Все финансовые и деловые обязательства сохраняют силу, и громить банки никто не собирается.

В воскресенье 10 ноября стояла чудесная осенняя погода. Берлинские обыватели массами хлынули в парк Груневальд — обычное место их прогулок. Модных туалеров что-то не видно, сплошь бургеры, некоторые подчеркнута скромно одеты! Все притихшие, как и подобает людям, чьи судьбы решаются где-то далеко отсюда, но в то же время успокоенные и довольные тем, что все хорошо обошлось. Ходят трамваи, работает метро, словно подтверждая, что все в порядке и самое необходимое для жизни имеется. На всех физиономиях словно написано: «Выплату жалованья не отменили!»

Берлинские бургеры, прогуливавшиеся в то воскресенье после обеда в парке Груневальд, успокоенные и довольные тем, «что все так хорошо обошлось», и не подозревали, что в действительности их судьба решалась именно в эти часы и не где-то «далеко», а в восточной части их родного города, в переполненном цирке Буша, где проходило бурное многолюдное собрание. Именно там во второй половине дня 10 ноября революция проиграла свое первое большое сражение, первое и решающее. Для германской революции собрание в цирке Буша стало ее «битвой на Марне».

Суббота 9 ноября была апогеем спонтанной, никем не руководимой революции, начавшейся в понедельник в Киле. Воскресенье 10 ноября стало началом ее крушения. И как ни парадоксально, события, озпачавшие поражение революции, внешне выглядели как величайший и окончательный ее триумф.

В то воскресное утро ничего еще не было решено. Центральные улицы Берлина, по которым еще вчера перекачивались волны людского моря, были по-воскресному пустыни. По всей Унтер-ден-Линден еще развевались на флагштоках красные флаги, но радоваться или огорчаться этому было некому, кроме редких одиночных прохожих. Рабочие, еще вчера в те же утренние часы начавшие массовую революционную демонстрацию, сегодня почти поголовно пошли к себе на заводы (это в воскресенье!) выбирать своих депутатов, которые, собравшись после обеда

в цирке Буша, должны были в свою очередь избрать новое правительство — правительство победоносной революции. «Революционные старосты», принявшие накануне вечером соответствующее решение, добились блестящего организационного успеха. Лозунг дня передавался из уст в уста, и на всех заводах рабочие приплыли на выборы почти поголовно.

Но выбирали они не так, как того хотели «революционные старосты». СДПГ той ночью тоже не теряла времени даром. Наскоро были составлены, напечатаны и розданы тысячи листовок. Очередной номер партийной газеты «Форвертс» в то утро ходил по заводам по рукам. Его зачитывали и вслух. Рабочие, собравшись группами, сосредоточенно слушали, одобрительно кивая. Передовая газеты была озаглавлена «Нет — братоубийственной борьбе!». Авторы заголовка безошибочно, можно сказать, с гениальным инстинктом, уловили и выразили общее настроение.

А настроение у рабочих было уже совсем не такое, как прошлым утром, — этого «революционные старосты» не учли. Еще вчера рабочие были полны ожесточения, нетерпения, мрачной решимости: ими владело чувство гнева, давно уже накопившегося и готового вырваться наружу. Это и было революционное настроение! Но сегодня — 10 ноября — настроение было спокойным, великодушным, примирительным. Так настроены обычно победители, но не упоенные своей победой, а благодарные. Все и испытывали нечто вроде благодарности судьбе за то, что победа досталась так легко — без борьбы, без жертв, без кровопролития. Людями, еще вчера шагавшими по улицам города навстречу смерти, овладело такое чувство, словно им подарили жизнь. По свидетельству Рихарда Мюллера, одного из руководителей «революционных старост», рабочие на некоторых заводах избрали в свои Советы тех самых функционеров СДПГ, которых еще прошлым утром вытолкали взаперть из цехов за их нежелание присоединиться к массовому выступлению.

Эта волна братского примирения оказалась неодолимой. Правда, кандидаты, выдвинутые «революционными старостами», в большинстве своем тоже были избраны. Но уже к обеду «старосты» со скрежетом зубным убедились, что значительную часть депутатов вновь избранных Советов составляют сторонники Эберта.

Но, если выборы на заводах были поражением лишь наполовину, выборы в казармах окончились полным поражением. Здесь «революционные старосты» не имели ни малейшего влияния, здесь их никто не знал. В казармах слушали Отто Вельса, а уж он-то выложил все начистоту. О примирении и братстве не было и речи! Прежде всего необходимо ликвидировать преступный заговор, организаторы которого намеревались застигнуть врасплох СДПГ и отстранить ее от власти! Разве сами солдаты независимо от их партийной принадлежности не встали вчера на сторону народа? Превосходно! И теперь они обязаны защищать права народа! Поэтому им надлежит поступить в распоряжение правительства Эберта—Шейдемана, так, как вчера уже сделали наумбургские егеря, подавшие всем пример!

Вельсу устроили бурную овацию. Тут же было решено создать Комитет действия частей берлинского гарнизона. Во дворе здания редакции «Форвертс» днем состоялась массовая сходка солдат, в которой приняли участие не только избранные депутаты Советов, но и неизбранные. Были определены руководители и ораторы, роздано продовольствие, после обеда во главе с Вельсом все строем двинулись к цирку Буша. Придя туда задолго до начала собрания, солдаты расселись в первых рядах, поближе к манежу. Герман Мюллер, впоследствии социал-демократический канцлер, рассказал об одном эпизоде, отражавшем настроение солдат в колонне, двигавшейся к цирку Буша: «Какой-то спартаковец на Линденштрассе присоединился к колонне солдатских депутатов, как видно, из чистого любопытства и, быстро разобравшись, что к чему, подскочил к Вельсу и, наставив на него револьвер, бешено закричал: «Ты, собака! Хочешь нам все погубить!» Он не выстрелил, а не то его бы растерзали».

Так, 10 ноября утром и днем на заводах и в казармах уже готовились поражение революции и победа Эберта. Но сам Эберт еще ничего об этом не знал. Перед собранием в цирке Буша он чувствовал себя как укротитель, в первый раз входящий в клетку со львами, и считал, что сможет решить дело в свою пользу только в том случае, если представит им коалицию с «независимыми социал-демократами», правительство воссоединившихся социалистов. Пока на заводах и в казармах велась агитация и проходили выборы в Советы, в имперской канцелярии под

председательством Эберта шло заседание кабинета — все того же старого, полубуржуазного имперского правительства принца Баденского. Одновременно в рейхстаге вновь собралась фракция «независимых». На обоих заседаниях шла речь о реорганизации правительства.

На повестке дня заседания кабинета стоял и еще один вопрос: принять или отвергнуть условия перемирия. Однако он почти не обсуждался: принятие условий было заранее предрешиено. Эти крайне жесткие условия начисто исключали для Германии какую-либо возможность продолжать сопротивление. Но после 29 сентября и без того было ясно, что Германия не в состоянии продолжать борьбу. Верховное командование в своей телеграмме рекомендовало постараться добиться смягчения условий, но если ничего не выйдет — подписать перемирие: «Прошу правительство как можно скорее принять соответствующее решение. Фон Гинденбург». Так и было решено. Эрцбергер, который провел весь этот день в Компьене в тревожном ожидании, вспоминал потом, что лишь поздним вечером он получил незашифрованную телеграмму, уполномочившую его подписать перемирие, и что «это явилось для него весьма неприятным сюрпризом, поскольку передавая открытым текстом депеша в значительной степени обезценила результаты двухдневных переговоров». Впрочем, Эрцбергеру удалось все же добиться смягчения некоторых условий. «Текст телеграммы, — вспоминает Эрцбергер, — оканчивался словами: «рейхсканцлер шлюсс» (конец — *нем.*). — *Перев.*); француз-переводчик спросил меня, означает ли слово «шлюсс» фамилию нового рейхсканцлера и кто этот господин, о котором не слышали ни французское командование, ни правительство в Париже. Я разъяснил офицеру, что слово это в данном случае означает «точка».

Но все это происходило как бы между прочим: принятие союзнических условий перемирия уже не было серьезным вопросом. В первой половине дня 10 ноября по-настоящему Эберта занимал совсем другой вопрос: предстоявшее решение «независимых» о коалиции. В его нынешнем положении он готов был принять условия, на которых те согласились бы войти в правительство, почти столь же безоговорочно, как и условия перемирия. Эберт *не мог обойтись* без «независимых» в правительстве. Они нужны были ему так же настоятельно, как Германии — оконча-

ние войны. Во всяком случае, в те часы он еще был в этом уверен. Во главе правительства социалистического единения он стал бы хозяином положения, напротив, без такого правительства он не представлял себе, как совладать с революционным собранием сегодня после обеда.

В половине второго пришла наконец спасительная весть: «независимые» после долгих колебаний согласились ввести в кабинет Эберта трех своих «народных уполномоченных». При этом они выдвинули жесткие условия. Еще вчера Эберт их бы не принял. Но теперь он лишь пробежал резолюцию независимых: вся политическая власть рабочим и солдатским Советам; отсрочка решения о созыве Национального Собрания; равноправие всех «народных уполномоченных». Ну ничего, все как-нибудь образуется! Пока самое главное — ввести «независимых» в правительство. Названные ими кандидаты не из худших — это утешительно. Первый — Гаазе, председатель партии, мягкий меланхолик, привыкший, жалуясь, уступать, второй — Дитман, нуль, а третий — Эмиль Барт, один из вожakov «революционных старост». Быть может, и совсем недурная идея: взять его в правительство в качестве заложника! Эберт без возражения и споров принял как условия, так и кандидатов. Наскоро пообедав, он принялся писать текст речи на собрании в цирке Буша. Он снова прочно сидел в седле.

Но в эти часы перед решающей схваткой в цирке Буша состоялось еще одно — третье по счету — совещание. «Революционные старосты» собрались ненадолго для того, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать новую тактику. В отличие от Эберта и Гаазе старосты уже знали, как окончились утренние выборы, в которых они принимали участие: результаты выборов не сулили им ничего хорошего. Чтобы спасти дело, нужно было срочно что-то предпринять, и на сей раз им это удалось.

Рихард Мюллер вспоминал:

«Результаты выборов ясно показали, что... большинство получили правые социал-демократы вместе с правым крылом «независимых». Создать правительство без участия правых социалистов теперь было уже невозможно. С этим фактом приходилось считаться. Также всем было ясно, что правые социал-демократы попытаются сокрушить власть рабочих и солдатских Советов и, добившись созыва Национального собрания, создать буржуазно-демо-

кратическую республику. Если им это удастся — революция погибла!»

Что же делать? Кому-то — нигде не зафиксировано, кому именно, — пришла в голову спасительная идея: коль скоро предотвратить образование нового правительства во главе с Эбертом невозможно, нужно выбрать еще один руководящий орган под каким-либо названием, из которого может создаться своего рода контрправительство. Собрание в цирке как-никак созвано «революционными старостами», которые составят президиум и определяют порядок ведения собрания. Если умело этим воспользоваться, то, пожалуй, можно будет добиться наряду с Советом народных уполномоченных создания другого Совета, в котором сидели бы свои люди. Рихард Мюллер пишет: «Было решено внести на собрании предложение избрать «Комитет действия рабочих и солдатских Советов». О задачах этого органа говорить не следует, его надо создать без дебатов, используя момент неожиданности».

Итак, мины и контрмины были подведены. В пять часов пополудни, когда Берлин уже окутали ранние ноябрьские сумерки, а обыватели стали возвращаться с послеобеденной прогулки в парке Груневальд в свои плохо отапливаемые квартиры, в цирке Буша, где собралось две-три тысячи человек и кипели страсти, началась битва между революцией и буржуазной парламентской республикой. И та и другая сражались под чужой личиной. Эберт выступал в роли революционера, а сами революционеры выдавали себя за парламентариев. Но кто из них победит, а кто потерпит поражение, решало массовое собрание, подобный которому в истории Германии не было ни до, ни после этого. Нижние ряды заполнили серые полевые мундиры: около тысячи солдат — единый блок, спаянный воинской дисциплиной. В верхних рядах, ближе к куполу, — тысяча или две рабочих и работниц, словно сошедших с рисунков Цилле, — их разгоряченные, изможденные нищетой черты неясно проступали в полумраке. В манеже за сколоченными наспех дощатыми столами — президиум собрания и вся верхушка социалистических партий — от Эберта до Либкнехта.

Собрание вел Эмиль Барт, один из руководителей «революционных старост», а теперь назначенный «народным уполномоченным» в правительстве Эберта. Это был человек столь же энергичный и деятельный, сколь и тщеслав-

ный. Он воображал себя Наполеоном германской революции и слишком любил слушать самого себя. В тот день последнее обстоятельство оказалось роковым как для его дела, так и для него самого.

Первым выступил Эберт, который сразу же расположил к себе собравшихся, заявив о достигнутом согласии между обеими социалистическими партиями. Это было то, что они хотели слышать. Да и вся его речь — как обычно, по-отечески строгая и сдержанная по тону — отвечала настроению в зале. Эберт много говорил о спокойствии и порядке, но порядок этот, по его словам, был нужен «для окончательной победы революции». На его фоне лидер «независимых» Гаазе, выступавший вторым, выглядел бледно. Ему оставалось лишь присоединиться к Эберту. Возможно, собравшиеся почувствовали, что в душе Гаазе против коалиции с СДПГ. Такова уж была его участь: и в этот день, точно так же как и 4 августа 1914 г., ему пришлось публично обосновывать партийные решения, принятые против его воли. Третьим говорил Либкнехт, пытавшийся плыть против течения. В своем выступлении он напомнил СДПГ о ее грехах военных лет. Но в тот светлый миг победы и примирения никто не хотел об этом слышать. Из зала раздались выкрики, особенно шумели солдаты в нижних рядах, у манежа. «Единство! Единство!» — скандировали они хором.

Перешли к голосованию; тут и настал самый подходящий момент, чтобы словно между прочим, как нечто само собой разумеющееся и прежде, чем кто-либо поймет, в чем дело, провести выборы в Комитет действия, список которого у президиума, иными словами у «революционных старост», был наготове. Но именно в этот момент Эмиль Барт и допустил серьезную ошибку: вместо того чтобы просто призвать к голосованию, он произнес длинную речь — уже четвертую за тот день. То ли он хотел исправить «ошибку» Либкнехта, то ли ему просто захотелось еще раз послушать самого себя. Его друг и соперник Рихард Мюллер, сидевший рядом с ним в президиуме, боясь выдать себя, беспокойно заерзал на стуле. Позже он вспоминал: «Внимательный слушатель понял бы, что за словами Барта скрываются определенные намерения». Эберт понял это сразу. Попросив слова, он коротко и строго заявил, что подобный комитет вообще «не нужен, но уж если хотят создать его, то обе партии должны быть

представлены в нем на паритетных началах, как и в правительстве». Однако в только что оглашенном списке членов комитета СДПГ не была представлена вовсе. И здесь-то Барт окончательно погубил все дело. «Правым социал-демократам не место в этом комитете!» — выкрикнул он возбужденно, бросив этим горящий фитиль в пороховую бочку.

«После этого заявления, — пишет Рихард Мюллер, — в зале началось нечто невообразимое. Солдаты орали вразнобой: «Единство! Равенство! Равенство!» Капитан фон Беерфельде передал в президиум список членов комитета от солдат. Правый социал-демократ Бюхель огласил список от своей партии (как написал другой Мюллер — Герман, — Барт при этом пытался помешать Бюхелю говорить, толкая его в спину председательским колокольчиком). Рихард Мюллер и Карл Либкнехт выступили было против равного представительства в комитете. Им не дали говорить. Общее возбуждение переросло в неистовство. Солдаты вскочили с мест и бросились на манеж, к трибуне президиума. Они грозили, что доведут революцию до конца своими силами — без рабочих и без политических партий, — установив в стране военную диктатуру. Стоял такой шум, что продолжение собрания стало невозможным».

В перерыве, пока солдаты бушевали в нижних рядах, а в верхних сбитые с толку рабочие принялись спорить друг с другом, на манеже велись лихорадочные переговоры. Взбудораженные массы видели это, но не слышали, о чем шла речь: ведь микрофонов тогда еще не было. Обе стороны, внезапно перепугавшись, вносили непродуманные, сумбурные предложения. Какой-то момент СДПГ готова была довольствоваться двумя местами в комитете из намеченных одиннадцати, спустя короткое время «старосты» решили вообще отказаться от создания Комитета действия. Но тут СДПГ неожиданно сама выступила против: как это будет выглядеть? Комитет должен быть создан на паритетных началах, но надо тогда согласовать кандидатуры. Кто-то предложил избрать Либкнехта, но тот категорически отказался: никогда он не сядет за один стол с людьми Эберта! Когда же наконец соглашение было почти достигнуто, солдаты выдвинули новые требования, настаивая теперь уже на двойном паритете: равном представительстве в комитете не только для обеих партий,

СДПГ и НСДПГ, но также для рабочих и солдат. Солдатам пошли навстречу — собрание и так затянулось, пора было принимать решение. Но теперь солдаты никак не могли договориться между собой о списке своих кандидатов. Наконец собрание возобновило работу. Когда в зале постепенно воцарилась тишина, Барт внес предложение учредить Исполнительный комитет рабочих и солдатских Советов в составе двадцати человек — по десять от солдат и рабочих, — причем одну половину последних должны были составить члены СДПГ, а другую — кандидаты от «старост». Представителей от солдат должны были избрать на следующий день. Собрание приняло это предложение. К этому времени оно уже готово было проголосовать за что угодно. Было уже поздно, время ужина прошло, люди хотели есть (в Германии тогда все постоянно хотели есть), многим к тому же было далеко до дому. И все вдруг пошло как по маслу. Утвердили состав нового германского правительства, которое отныне именовалось «Совет народных уполномоченных», одобрили и подготовленную заранее резолюцию, полную красивых и высоких слов о социалистической республике и мировой революции. (На следующий день буржуазные газеты напечатали ее текст, «Форвертс» — нет.) Потом пропели «Интернационал», и наконец-то (на дворе была уже ночь) цирк Буша опустел.

Все главные участники спектакля расходились по домам недовольные. «Старосты» понимали, что проиграли сражение: контрреволюционное правительство во главе с Эбертом отныне было узаконено революцией, Исполнительный комитет в его нынешнем виде едва ли сможет с ним соперничать. Но и Эберт был подавлен: да, конечно, он одержал победу, удержавшись у власти, но какой ценой! «Независимые» вошли в правительство, создан этот в высшей степени сомнительный «Исполком» как некий «теневой кабинет», да и он сам уже теперь не рейхсканцлер, а «народный уполномоченный», вождь революции против своей воли! Та самая революция, которую он хотел застопорить и прекратить, так сказать, захватила его самого! Будут ли после этого доверять ему буржуазные коллеги в парламенте и в кабинете, не говоря уже о Верховном командовании в Сиа? Эберту было не по себе в этой не свойственной ему и, по его мнению, фальшивой роли. Он всегда ненавидел революцию, теперь же возненавидел ее вдвойне за то, что она вынудила его, честного человека,

стать лжецом и предателем. Именно предателем, поскольку Эберт ни на минуту не сомневался, что, если он еще хочет сделать революцию недействительной — а он хотел этого и ничего другого, — ему остается лишь одно: предать ее. По воле судьбы он обречен был вести двойную игру. Но под силу ли ему это после всего, что произошло сегодня? Не откажутся ли теперь государство и общество, которые он собирался спасти, от такого спасителя?

Но поздним вечером неожиданный телефонный звонок успокоил Эберта по крайней мере на этот счет. Ему позвонили из ставки по секретному проводу, о существовании которого он до тех пор и не подозревал. У аппарата в Спа был представитель Верховного командования генерал Грёнер. Наконец-то Эберт мог вновь разумно поговорить с порядочным человеком!

Полное содержание этого легендарного разговора по телефону осталось неизвестным: в то время еще не было магнитофонных лент, а свидетели отсутствовали. Но более поздние свидетельства Грёнера (Эберт об этом никогда не упоминал) позволяют представить себе, о чем примерно шла речь. Генерал предложил Эберту лояльное сотрудничество на определенных условиях и сформулировал требования: борьба против радикализма и большевизма, как можно скорее покончить с «бесчинствами Советов», Национальное собрание, восстановление «спокойствия и порядка». Эти требования Эберт мог лишь от всего сердца поддержать: это было именно то, чего он сам хотел! Надо полагать, он излил душу Грёнеру, который позже записал, что, судя по этому разговору, Эберт «лишь с трудом держался тогда у власти: «независимые» и группа Либкнехта могли в любой момент опрокинуть его». Очевидно, Эберт еще находился под впечатлением бурного собрания в цирке Буша, откуда только что вернулся. Прощаясь, он поблагодарил генерала. Рейхскапцлер — генерала, а не наоборот!

Впоследствии Грёнер говорил, что в тот вечер он заключил с Эбертом «союз». Это был союз борьбы против революции, которая всего несколько часов назад подняла Эберта на щит с его собственного согласия. «Эберт принял мое предложение о союзе, — писал Грёнер, — и с тех пор мы с ним каждый вечер, пользуясь секретной телефонной связью между имперской канцелярией и Ставкой, обсуждали необходимые меры. Союз этот оправдал себя».

8. Между революцией и контрреволюцией

Теодор Вольф, один из самых известных немецких публицистов того времени, писал 10 ноября в газете «Берлинер тагеблат»: «Величайшая из революций, словно внезапно разыгравшаяся буря, сокрушила кайзеровский режим со всеми его атрибутами сверху донизу. Эту революцию воистину можно назвать величайшей, ибо до тех пор никогда еще не удавалось с первого же приступа взять такую прочную Бастилию, окруженную такими надежными стенами. Всего лишь неделю тому назад существовал административный аппарат, военный и гражданский, столь разветвленный, столь тесно переплетенный и пустивший столь глубокие корни, что, казалось, его господство может противостоять любым переменам. По берлинским улицам проносились серые машины с офицерами, на перекрестках, словно столпы власти, торчали полицейские, гигантская военная организация, казалось бы, охватывала все и вся, в ведомствах и министерствах восседала, казалось бы, непобедимая бюрократия. Еще вчера поутру все это было — по крайней мере в Берлине. Вчера пополудни все это прекратило свое существование».

Неверно! Возможно, 10 ноября все так и выглядело, но на самом деле это было неверно. В действительности государство было едва ли затронуто. В понедельник, после «революционного уик-энда», те же чиновники направились в те же ведомства, а спустя пару дней на перекрестках вновь появились те же шудманы (которые в субботу вечером, правда, еще благодарили бога за то, что их отпустили домой целыми и невредимыми). Фронтowymi частями на западе и востоке командовали все те же офицеры и генералы, и даже имперское правительство осталось в основном то же, только во главе его стоял теперь не кайзеровский рейхсканцлер, а шестиглавая коллегия «народных уполномоченных», один из которых — Эберт — в действительности все еще был рейхсканцлером. Все консервативно настроенные администраторы-лаандраты, регирунг-президенты, министерские чиновники, так же как и раньше, корпели над своими бумагами. Никого из них не выгнали, а лишь поставили над ними, что привело их в крайнее раздражение, пару членов рабочих Советов.

Настроения чиновников, которые разделяла в большинстве своем и консервативная буржуазия, выразил другой

публицист — Пауль Беккер. В тот же день, 10 ноября, он писал в консервативной «Дойче тагесцайтунг»:

«Нет слов, чтобы выразить боль и возмущение... Дело наших отцов, добытое их кровью, загублено предателями, которые нашлись в рядах собственного народа! Германия, вчера еще непобежденная, отдана на расправу врагу людям, посящими немецкие имена, она сокрушена ими, вероломно предана, обречена на стыд и позор!

Немецкие социалисты отлично знали, что мир уже близок и нужно продержаться всего несколько недель, быть может, даже дней, противопоставив врагу единый, сомкнутый фронт, чтобы добиться от него мира на приемлемых условиях. И в этот момент они подняли белый флаг!

Это вина, которой нет и не будет прощения. Преданы не только монархия и армия на фронте, предан немецкий народ, которому придется расплачиваться за это веками упадка и нищеты».

Это было так же далеко от истины, как и сочиненный Теодором Вольфом панегирик «величайшей из революций». Не социалисты подняли белый флаг — его выкинул Людендорф; никакие проволочки уже не могли улучшить условий перемирия, напротив, они могли сделать их только более тяжелыми. Ни о каком предательстве не могло быть и речи, как и о предстоявших якобы «веках упадка и нищеты». Но без сомнения, Пауль Беккер искренне верил в то, что говорил при этом от имени миллионов: офицеров, с которых сорвали погоны, консервативных чиновников, которым пришлось вдруг пререкаться с рабочими Советами, всей буржуазии, для которой рухнул ее привычный мир, да и немалою числа маленьких людей строго «национального» образа мысли вроде некоего ефрейтора Гитлера, который в те дни рыдал на своей койке в лазарете в Пазевальке и в слезах бессильной ярости решил стать политиком. Вместе с революцией родилась и коптреволюция, а процитированная выше статья была ее подлинным голосом. Весьма примечательно, что подобная статья могла беспрепятственно появиться в Берлине 10 ноября 1918 г. Ни одна революция в истории, кроме германской революции 1918 г., не предоставляла с самого начала своим врагам столь неограниченной свободы вести против нее агитацию и шельмовать ее.

Нельзя сказать, что враги революции были ей за это благодарны. Тогдашняя жена Людендорфа (первая, Мар-

гарита, а не вторая, Матильда, ставшая впоследствии известной) вспоминала: «После революции Людендорф не раз повторял: «Самая большая глупость, сделанная революционерами, — это то, что они всех нас оставили в живых. Ну если уж я вернусь к власти снова, им пощады не будет! Со спокойной совестью прикажу тогда вздернуть Эберта, Шейдемана и прочих товарищей».

Заметьте, Эберта, Шейдемана и товарищей, а не, скажем, только Либкнехта и Розу Люксембург, которые по крайней мере действительно хотели революции. Ведь Эберт и Шейдеман ее вовсе не желали; напротив, они до последнего момента пытались помешать революции, а после ее победы, не теряя ни минуты, только и делали, что старались ее застопорить, отбросить и по возможности восстановить все, как было. Но для Людендорфа, как и для многих ожесточившихся представителей прежней высшей касты, reagировавших точно так же, они были революционерами, предателями, «ноябрьскими преступниками»; и в самом деле революция вынесла их на гребень волны, поставила у власти; они были теперь «народными уполномоченными» и, хотели они того или нет, воплощением революции. С самого начала своего правления они оказались между революцией и контрреволюцией.

Их трагедия, вернее, трагикомедия в том и состояла, что они этого не видели. Они не видели или не хотели видеть, что 9 ноября обрели миллионы смертельных врагов справа, и по-прежнему видели лишь своих старых, близких врагов слева. Шейдеман, к примеру, заявил на решающем заседании кабинета 28 декабря 1918 г.: «Найдется, конечно, десяток-другой офицеров, способных выкинуть безумные номера. Но действительная опасность грозит революции с другой стороны. Там враги, с которыми мы должны бороться». А третий «народный уполномоченный» от СДПГ, Отто Ландсберг, на том же заседании сказал: «Сейчас только и говорят о грозящей контрреволюции... Но наша революция весьма существенно отличается от всех предыдущих именно тем, что все формы господства свергнутого класса сокрушены и ликвидированы без остатка. Поэтому опасность контрреволюции может стать по-настоящему острой только в том случае, если представителям крайне левых сил удастся довести народные массы до полного отчаяния». Наконец, социал-демократ Герман Мюллер, будущий рейхсканцлер, признался:

«Скажу вам откровенно, начиная с 9 ноября я ни одного дня не испытывал страха перед контрреволюцией».

Действительно, Эберт и его политические сторонники как бы отставали от жизни: душой они все еще были в минувшем октябре, когда шатавшаяся, уже готовая рухнуть кайзеровская империя любезно обняла их, «не помнящих отечества», прижала к груди, переложила на них бремя понесенного ею поражения и приветствовала как своих спасителей в беде. Они честно сделали все, чтобы помочь в беде. Правда, спасти монархию им не удалось. Но все прочее они продолжали спасать. Революция была для них недоразумением или досадным происшествием, последствия которого они все еще надеялись ликвидировать.

Но это было уже невозможно; невозможно даже после удушения и подавления революции. Все, что произошло в Германии между 4 и 9 ноября, безусловно, против воли социал-демократического руководства, рассеяло октябрьскую дымовую завесу и привело к созданию противостоящих друг другу, четко очерченных политических фронтов. Нечестный, мнимый мир между Верховным командованием и большинством рейхстага, между милитаризмом и парламентаризмом; хитроумный план Людендорфа, стремившегося подсунуть социал-демократам и их буржуазным союзникам мнимую власть только для того, чтобы переложить на них ответственность за поражение, сохранив в то же время реальную власть в руках военного руководства, остающегося в тени, — все это было сметено в первую неделю революции спонтанным действием рабочих и солдатских масс, поддерживавших социал-демократию.

Революция, совершенная массами, впервые открыла социал-демократическому руководству путь к подлинной власти, вступив на который они должны были, правда, расстаться с отравленной властью, полученной взаимы от Людендорфа 29 сентября. После того как с офицеров сорвали погоны, а рабочие и солдатские Советы оттеснили военные власти, примирение, даже чисто внешнее, стало невозможным: на повестку был поставлен вопрос о власти, и 9 ноября в какой-то момент могло показаться, что вопрос этот уже решен. Военная диктатура, до того дня правившая Германией, фухнула, почти не оказав сопротивления.

Если бы социал-демократическое правительство, используя победу своих сторонников и отказавшись от «октябрьского примирения» с Верховным командованием, теперь понесло окончательное поражение прежнему военному руководству и создало бы собственные революционные вооруженные силы, то ему не пришлось бы более опасаться мести отстраненных от власти генералов и офицеров. Но коль скоро оно позволило им вновь встать на ноги и оправиться от понесенного ими в ноябре поражения, столь же сокрушительного, сколь и постыдного, ему не приходилось ждать пощады. — ни для своих сторонников-революционеров, осмелившихся «бунтовать», ни также для себя самого. Ведь Эберт, Шейдеман и Ландсберг, согласившись стать «народными уполномоченными», которыми сделала их революция, являлись теперь в глазах уязвленного офицерства ее олицетворением.

Отныне они начали вести двойную игру, не замечая, что играют против самих себя. На словах они остались революционерами, и все их соответствующие слова фиксировались и позднее были обращены против них же. На деле они были контрреволюционерами, однако истинная контрреволюция не поставила им это в заслугу. Зато массы, оказавшие им доверие и 9—10 ноября поддержавшие их, постепенно разобрались в этой игре и повернули против них. Двойная игра, которую в течение двух месяцев вели Эберт и СДПГ, привела к гражданской войне.

О чем шла речь в течение этих двух месяцев? Послушать тогдашних социал-демократических политиков и более поздних историков социал-демократов, то вопрос стоял так: диктатура Советов или парламентская демократия; отражение натиска большевизма и проведение выборов в Учредительное национальное собрание. Но все это было тогда и остается донныне пропагандистским тезисом. Но истина была в другом. В действительности решался один-единственный вопрос: революция или контрреволюция⁴³.

В 1918 г. Германии ни минуты не грозила большевистская диктатура уже по той простой причине, что здесь не было необходимого для ее установления инструмента — большевистской партии, способной осуществлять такую диктатуру. Карл Либкнехт и Роза Люксембург вообще не

располагали до 30 декабря 1918 г. какой-либо организацией, а созданная ими после этого партия была очень слабой и не шла ни в какое сравнение с ленинским отрядом профессиональных революционеров, закаленных четырнадцатью годами борьбы⁴⁴. Карл Либкнехт и Роза Люксембург оставались бессильными одиночками, которые могли лишь агитировать и призывать к демонстрациям. Берлинские «революционные старосты» пренебрежительно называли это «революционной гимнастикой», объявив всякие демонстрации бесцельными, проводимыми лишь для того, чтобы подогреть революционный дух их участников. «Большевистская опасность» была в Германии осенью 1918 г. пугалом, а не реальностью.

Что касается выборов в Национальное собрание, то сами по себе они никогда не были предметом сколько-нибудь серьезных разногласий. Спор шел только о том, когда их проводить, что, впрочем, было немаловажно. «Независимые» хотели их по возможности отсрочить, отложить до весны 1919 г., рассчитывая, что за это время революция консолидируется. СДПГ, напротив, хотела провести выборы как можно скорее, чтобы Национальное собрание стало своего рода продолжением прежнего рейхстага, словно революции вообще не было. Но уже в конце ноября стороны пришли к компромиссу о проведении выборов 16 февраля 1919 г. В середине декабря, однако, день выборов был перенесен на более раннюю дату — 19 января, — и, сколь ни парадоксально, это решение принял сам съезд Советов — высший орган революции! Это лучше всего доказывает, что Советы сами не хотели устанавливать свою диктатуру и альтернативы — диктатура Советов или парламентская демократия — вообще не было.

В действительности суть дела заключалась в другом. Создание рабочих и солдатских Советов, собственно, и было революцией, контрреволюция же считала своей первой целью их ликвидацию. Советы, однако, ничего не имели против парламентской демократии. Они рассматривали себя не как замену парламента, а как эффективный инструмент революционной перестройки и демократизации исполнительной власти, иными словами, государственного аппарата как такового, администрации и особенно вооруженных сил. Старая реакционная бюрократия и старый консервативный офицерский корпус — вот что Советы действительно с самого начала стремились взять под кон-

троль, а затем перетрясти сверху донизу и радикально изменить⁴⁵.

Рабочие и солдаты, совершившие революцию, инстинктивно чувствовали, что, пока у власти остаются старая бюрократия и старое офицерство, революция будет обречена на гибель, и ее не спасут ни самая лучшая конституция, ни самый лучший парламент. Центрами реальной власти были ведомства, полицейские управления, военные командования, а также судебные палаты. И если оставить их в целостности и неприкосновенности, старые власти воспользуются первой же возможностью отомстить революции. Здесь решался вопрос кто кого, кто победит: революция или контрреволюция.

И как раз в этом вопросе Эберт и все руководство СДПГ совершенно однозначно встали на сторону контрреволюции. Они стремились спасти именно то, что революция хотела сокрушить: старое государство и старое общество, воплощением которого были бюрократия и офицерский корпус. Они лишь хотели придать старому государству парламентские формы, интегрироваться в него, чтобы в дальнейшем участвовать в управлении. Беспорядок, который, разумеется, возник бы в результате подлинно революционной перестройки государства и общества, внушал им ужас. Вот почему они хотели как можно скорее снова избавиться от Советов. Вот почему они (вопреки воле большинства в самих Советах) изображали их как некую альтернативу Национальному собранию. Вот почему они в своей пропаганде с такой охотой подхватили буржуазный тезис, что власть Советов и есть большевизм.

На самом деле в Советах почти не было спартаковцев. Либкнехт, например, тщетно добивался делегатского мандата на съезд Советов. Напротив, СДПГ с самого начала получила большинство чуть ли не во всех местных Советах, а в провинциальных и земельных Советах, избранных в начале декабря, большинство это было еще внушительнее. Вполне можно сказать, что депутаты Советов были плоть от плоти СДПГ, ее активные члены и функционеры (члены НСДПГ составляли в Советах меньшинство; кое-где, особенно среди членов солдатских Советов, попадались и представители буржуазии). Социал-демократы в Советах считали себя надежными помощниками правительства, которое в их глазах все еще было революционным.

В этом и заключалось трагическое недоразумение. Правительство Эберта не было революционным. Оно считало себя, как позднее заметил сам Эберт, лишь опекуном обанкротившейся кайзеровской империи. Оно верно служило тем, кто с 9 ноября стал его лютыми врагами, и беспощадно подавляло тех, кто чувствовал себя его оруженосцами. Советы в свою очередь повернули фронт против своих лучших друзей: они не желали слушать спартаковцев, требовавших установления власти Советов, и хотели только создать для социал-демократического государства социал-демократические исполнительные органы.

Никто не понимал этого лучше, чем Либкнехт и Роза Люксембург. Либкнехт, к примеру, писал 20 ноября: «Избранные в Советы рабочие часто недостаточно просвещены, их классовое сознание развито очень слабо... Поэтому рабочие Советы подчас не имеют революционного характера»⁴⁶. Роза Люксембург писала десять дней спустя: «Если бы революция развивалась лишь в рамках созданных ею в первые дни революционных органов власти — рабочих и солдатских Советов, — дела ее были бы плохи... Революция проживет и без Советов, Советы же без революции мертвы»⁴⁷.

Для социал-демократических лидеров не было секретом, что в Советах сидят их люди, а не спартаковцы. Но несмотря на это, с самого начала Советы были для них бельмом на глазу. Они не были предусмотрены, не укладывались в их программу, препятствовали союзу СДПГ с буржуазными партиями и с Верховным командованием. От них надо было избавиться. С момента их возникновения Эберт и Шейдеман относились к ним не только с недоверием и враждебностью, но даже с раздражением и ненавистью. Выступая на съезде Советов, Шейдеман заявил: «По моему глубокому убеждению, превращение рабочих и солдатских Советов в постоянное учреждение означало бы — я говорю это по зрелом размышлении — неминуемую гибель государства».

Конечно, придаться к Советам было нетрудно. Их члены не обладали ни административным опытом старых чиновников, ни военной выучкой офицеров генштаба. Да и откуда? Их действия поначалу были беспорядочны, но была ли где-нибудь революция без беспорядка? Озлобленные контрреволюционеры много вопили тогда о хаосе, вызванном-де «хозяйничанием Советов». Но эти обвине-

ния, которые руководство СДПГ тотчас усердно подхватывало, были сильно преувеличены. Советы вовсе не были разложившейся и жаждавшей сладкой жизни «революционной богемой», они в большинстве своем состояли из надежных, трезвомыслящих интеллигентных рабочих, партийных и профсоюзных функционеров, которые по-своему любили порядок ничуть не меньше, чем прежние чиновники, которых они хотели поставить под контроль, а затем заменить. За четыре недели Советам в основном удалось преодолеть хаос первых дней и создать на всех уровнях неплохо функционировавший аппарат, не зависевший от старой администрации. Это было внушительным достижением. Кольб в своей монографии «Рабочие советы во внутренней политике Германии 1918—1919 гг.» констатировал, что в начале декабря организация Советов «вполне могла стать в политическом смысле надежным и пригодным инструментом в руках нового правительства и руководства СДПГ, если бы те действительно решились заново строить государство».

Но правители и лидеры СДПГ приняли другое, совершенно противоположное решение. Они хотели «навести порядок», то есть восстановить старый порядок, воспользовавшись для этого тем самым инструментом, с помощью которого кайзер еще 8 ноября рассчитывал достигнуть той же цели. Этим инструментом должны были стать войска Западного фронта, возвращавшиеся после перемирия на родину. Ради этого Эберт и генерал Грёнер и заключили союз.

Позднее, на процессе «об ударе кинжалом в спину» в Мюнхене в 1925 г., Грёнер рассказал об этом с полной откровенностью. Вот его свидетельство: «Первая задача состояла в том, чтобы вырвать в Берлине власть из рук рабочих и солдатских Советов. Для достижения этой цели планировалось военное вступление в Берлин десяти дивизий. Народный уполномоченный Эберт был с этим вполне согласен. В Берлин был послан офицер с поручением обсудить операцию во всех деталях с представителями правительства, в том числе и с прусским военным министром, с которым нельзя было не считаться. (Этот пост, как и до 9 ноября, занимал фон Шеух.) Возник ряд трудностей. Хотел бы в этой связи упомянуть лишь о том, что входившие в правительство так называемые «народные уполномоченные» от «независимых» социал-демократов, а также,

если не ошибаюсь, некоторые члены солдатских Советов — подробностей я с ходу не могу припомнить — потребовали, чтобы воинские части вступали в город без боеприпасов. Разумеется, мы сразу же отвергли это требование, и г-н Эберт, само собой разумеется, согласился с тем, чтобы войска вступили в Берлин в полном боевом снаряжении.

Ввод войск в Берлин был спланирован как военная операция, которая должна была также обеспечить восстановление в Берлине твердого правительства. Я заявляю это здесь, отвечая на соответствующий вопрос суда, под присягой, именем Бога, чего раньше по веским причинам ни разу не делал. Все было в этом плане размечено по дням и по часам: разоружение населения Берлина, очищение города от спартаковцев и т. д. Каждая дивизия получала ежедневное боевое задание».

Этот «план», опубликованный много позднее, в 1940 г., был разработан по всем правилам искусства генерального штаба. Он содержал такие, например, пункты:

каждый, кто после приказа сдать оружие сохранит его без особого на то разрешения, будет расстрелян;

лица, отказывающиеся сдать воинское снаряжение, включая автомашины, будут наказаны по законам военного времени;

дезертирам и матросам в течение десяти дней надлежит незамедлительно явиться в ближайшие резервные подразделения или в штабы соответствующих военных округов;

лица, незаконно осуществляющие административные функции, будут расстреляны;

в беспокойных районах города провести обыски и облавы. Издать постановление о привлечении безработных к принудительным работам;

восстановить в полном объеме все права офицеров (знаки различия, обязательное воинское приветствие, ношение орденов и оружия, фронтовые знаки и нашивки);

учреждения и воинские подразделения будут выполнять свои предусмотренные законом обязанности и полномочия. Все нерегулярные вооруженные формирования будут немедленно распущены.

В свидетельских показаниях Грёпер затем заявил: «Направленный мною в Берлин офицер обсудил эти вопросы с г-ном Эбертом. Я особенно благодарен за это г-ну Эберту и, зная о его безграничной любви к отечеству и о

его полной преданности делу, выступал в его защиту всякий раз, когда он подвергался нападкам. Упомянутый план был разработан в тесном контакте с г-ном Эбертом и полностью с ним согласован».

Эберт и Грёнер намеревались осуществить совместный план с 10 по 15 декабря. На 16 декабря было назначено открытие в Берлине Всегерманского съезда Советов. Таким образом, его явно хотели упредить «восстановлением порядка» с помощью десяти дивизий, возвращавшихся с фронта.

Но из этого ничего не вышло. Контрреволюция в те дни еще не состоялась, и съезд Советов собрался в назначенный срок, даже не подозревая, какой участи он избежал.

Началось с того, что некоторые части берлинского гарнизона, с первого дня революции игравшие двусмысленную роль и теперь, судя по всему, почуявшие куда дует ветер, выступили преждевременно. В пятницу 6 декабря произошли события, которые Шейдеман позднее назвал «безумством», а Рихард Мюллер — «фарсом». Отряд солдат гвардейского полка занял берлинскую палату депутатов⁴⁸ и арестовал Исполком рабочих и солдатских Советов Берлина, который после своего избрания 10 ноября в цирке Буша разместился здесь и пытался с грехом пополам выполнять свои функции. На углу Ипсвалден- и Шоссештрассе отряд гвардейских стрелков преградил путь демонстрации спартаковцев и без предупреждения открыл по ней пулеметный огонь. Шестнадцать человек было убито, многие — ранены. Другой отряд гвардейского полка подошел к имперской канцелярии. Солдаты вызвали на балкон Эберта (который, надо сказать, вышел к ним с гораздо большей охотой, чем обычно в подобных случаях) и провозгласили его рейхспрезидентом. От имени солдат выступил некий фельдфебель Шпиро, закончивший речь следующими словами: «Да здравствует Германская республика! Да здравствует великий Фриц Эберт, которого я от вашего имени, опираясь на вооруженную силу и будучи уверен, что выражаю волю всей нации, провозглашаю президентом Германии!»

Эберт не сказал ни да ни нет, пообещав посоветоваться по этому вопросу с друзьями в правительстве. Речь об этом больше не заходила, пока два месяца спустя, 11 февраля 1919 г., Веймарское Национальное собрание и в самом деле не провозгласило Эберта рейхспрезидентом. Но в

тот момент это выглядело явно преждевременным, и вся затея лопнула как мыльный пузырь. Знал ли Эберт о ней заранее, установить так и не удалось. Никого не привлекли к ответственности за эту попытку совершить государственный переворот. Солдаты вернулись в казармы, организаторы акции остались в тени, члены Исполкома были освобождены. Все пошло своим чередом, будто ничего и не было. Не воскресли только убитые на Шоссештрассе.

Четыре дня спустя, 10 декабря, в Берлин, как и было намечено, вступили возвращавшиеся на родину фронтовые дивизии. Они прошли по улицам города, хотя и не парадным маршем, но держа походный строй и в полном боевом снаряжении. Эберт (ни разу не показавшийся перед рабочими массами в день революции 9 ноября) приветствовал фронтовые части у Бранденбургских ворот, обратившись к ним с напыщенной речью. «Врагу не удалось одолеть вас в бою! — говорил он. — Единство Германии отныне в ваших руках!»

Но за этим решительно ничего не последовало. План «восстановления порядка и создания «твердого» правительства» в Берлине не был выполнен, и долгие годы никто не знал о существовании подобного плана.

Все объяснялось предельно просто: сразу же после приветственной речи Эберта фронтовые части начали разбегаться стихийно, неудержимо, вопреки воинской дисциплине. Ни Эберт, ни Грёнер не учли душевного состояния солдат: война окончилась, люди были несказанно рады тому, что уцелели, и теперь, в канун рождества, все хотели домой. Удержать их было невозможно. Многих не до считались уже тем же вечером, когда вошедшие в Берлин части развели по их казармам. На следующий день солдат стало еще меньше, а через две недели от десяти дивизий осталось всего человек восемьсот. По словам Грёнера, «солдаты так рвались домой, что все десять дивизий уже никуда не годились. В результате было уже вообще невозможно выполнить намеченный план: очистить Берлин от большевистских элементов, изъять оружие у гражданского населения и т. п.». Контрреволюция на первых порах проиграла.

Вместо этого 16 декабря, как и было предусмотрено, в прусской палате депутатов на Лейпцигерплац в Берлине

открылся Всегерманский съезд Советов. Съезд этот выглядел совсем не так, как буйное революционное собрание рабочих и солдатских депутатов в цирке Бупа 10 ноября. Заседания собравшегося в Берлине съезда проходили в полном порядке и сильно смахивали на парламентскую сессию. Очевидцы-журналисты не могли избавиться от впечатления, что они каким-то чудом вновь оказались на одном из предвоенных съездов СДПГ: того же типа люди, много знакомых лиц, та же атмосфера, та же строгая процедура собрания, продиктованная чувством собственного достоинства, да и руководство то же самое. Только место левого меньшинства тех времен заняли теперь «независимые» — вот и вся разница! Правление СДПГ могло твердо рассчитывать на поддержку большинства делегатов.

Большинство съезда приняло решение в духе Эберта — перенести на более ранний срок выборы в Национальное собрание — и решительно отклонило предложение «независимых» объявить съезд высшим органом законодательной и исполнительной власти в стране. Взамен берлинского Исполкома был избран Центральный Совет из шестнадцати человек, но он не получил даже временных законодательных прав на период до созыва Национального собрания. Обиженные «независимые» вообще отказались участвовать в Центральном Совете, и он оказался полностью в руках СДПГ. Что и говорить, первый съезд Советов оказался на редкость доверчивым и добродушным.

И все же этот съезд, такой ручной и покладистый, положил начало большому расколу в СДПГ между партийными низами и руководством партии, кризису революции и гражданской войне, разразившейся в январе 1919 г. Ибо в одном пункте съезд остался непреклонен: к свергнутой революцией воцарившейся диктатуре нет возврата; власть генералитета и офицерства должна быть сломлена раз и навсегда! Съезд внушительным большинством проголосовал за предложение гамбургской делегации о коренной перестройке вооруженных сил, известное как «гамбургские пункты» и требовавшее, чтобы верховная командная власть принадлежала «народным уполномоченным» под контролем Центрального совета; ответственность за соблюдение воинской дисциплины возлагалась на солдатские Советы; командный состав выбирался; были отменены знаки различия и подчинение командирам вне службы⁴⁹.

Все это явилось новым подтверждением принципиально антимилитаристского характера германской революции. Пусть во всех других областях ее цели и впрямь были умеренными или неясными, но в этом единственном пункте она действовала всерьез. Большинство делегатов знало из собственного опыта, что угроза контрреволюции исходит прежде всего от офицерского корпуса. Некоторые рассказали на съезде о тревожных инцидентах в западногерманских городах, лежавших на пути частей, которые возвращались на родину: об арестах и избиениях депутатов рабочих Советов, о сожженных красных флагах, о тайных приказах, о сформировании добровольческих отрядов на случай гражданской войны. Но сам Эберт еще не вызывал подозрений — о его союзе с Грёнером ничего не знали.

«Гамбургские пункты», принятые съездом, нанесли чувствительный удар по этому союзу и создали кризисную ситуацию. Гинденбург тут же протелеграфировал, что «не признает» решения съезда. Грёнер прибыл в Берлин и пригрозил отставкой, если «гамбургские пункты» будут осуществляться. В свою очередь трое «народных уполномоченных» от НСДПГ пригрозили отставкой — на тот случай, если «гамбургские пункты» *не будут* осуществлены. Эберт пытался выиграть время. Он успокаивал, что ведь инструкции о проведении в жизнь «гамбургских пунктов» еще не выработаны. («Мало кто мог сравниться с Эбертом в искусстве увеливания», — заметил Грёнер.)

Тем временем Верховное командование начало формировать на полигонах в окрестностях Берлина добровольческие подразделения — надежные и боеспособные ударные отряды контрреволюции, которые не разбегутся по домам, как десять вернувшихся с фронта дивизий. Началось брожение и в частях берлинского гарнизона, до тех пор поддерживавших революцию, хотя подчас довольно сомнительным способом.

Пока берлинцы готовились, хотя и бедно, отпраздновать первое мирное рождество (ни рождественских гусей, ни рождественского печенья не было и в помине, не было и елочных свечей, вместо них на елках зажигали купленные на черном рынке начиненные карбидом патронные гильзы, тускло светившие и испускавшие зловоние), политическая атмосфера в Берлине вновь стала сгущаться подобно тому, как было накануне революционной суббо-

ты 9 ноября. Гроза разразилась под самый сочельник: утром 24 декабря 1918 г. берлинцев разбудил грохот капо-нады.

9. Рождественский кризис

Утром 24 декабря 1918 г. на площади у императорского дворца в Берлине произошло кровавое сражение между революцией и контрреволюцией. Революция одержала верх, но затем подарила свою победу, можно сказать, преподнесла ее контрреволюции как рождественский подарок.

Для любой революции решающее значение имеет поддержка вооруженных сил. Неясная ситуация в последние недели 1918 г. объяснялась не только двойной игрой социал-демократических «народных уполномоченных», но в гораздо большей степени тем, что каждую неделю — и чуть ли не каждый день — заново возникал вопрос, на который никто не мог ответить: на чьей стороне вооруженные силы и, более того, *что они собой представляли*. После подписания перемирия начался стихийный, никем не контролируемый процесс демобилизации. Сразу же разбежались по домам не только возвратившиеся на родину фронтовики, руками которых Эберт и Грёнер в середине декабря хотели удушить революцию, не удалось удержать в казармах и солдат тыловых частей, совершивших революцию в начале ноября: они тоже хотели под рождество вернуться домой. В этих частях остались лишь офицеры, а из нижних чинов только те, кого военная служба вполне устраивала. Но революцию делали другие солдаты — те, кого она вовсе не устраивала. Что касается, в частности, берлинского гарнизона, который по-прежнему играл главную роль, то события 6 декабря достаточно ясно показали, что в его нынешнем составе он скорее был за контрреволюцию, чем за революцию. Во всяком случае, гарнизон под влиянием Отто Вельса, успешно обработавшего берлинских солдат 9 и 10 ноября и назначенного затем комендантом города, стал величиной, не поддающейся измерению.

Впрочем, было и исключение: Пародная морская дивизия, которая 9 ноября еще не существовала, по потом прослыла гвардией революции. Ее ядро составили несколько сот матросов, прибывших в первую неделю революции из Кипля в Берлин, здесь поначалу арестованных и освобожд-

денных 9 ноября. К ним присоединились еще несколько сот матросов-берлинцев, вернувшихся с флота, и, наконец, еще две тысячи моряков, которых Вельс 12 ноября сам затребовал из Киля. Народная морская дивизия, численность которой временами достигала трех тысяч человек, и стала в ноябре революционной гвардией. 15 ноября по приказу коменданта города дивизия взяла на себя охрану императорского дворца, где до этого уже начались грабежи. С того дня там и размещался штаб дивизии, а ее подразделения были расквартированы напротив дворца — в манеже.

Целый месяц дивизия была гордостью берлинской комендатуры, но потом вдруг все изменилось. Начиная с середины декабря Вельс по собственной ли инициативе или по указанию свыше стал явно вести дело к ее расформированию — то ли потому, что дивизия отказалась участвовать в путче 6 декабря и даже сместила тогда своего командира, впутавшегося в эту историю, то ли потому, что она явно мешала осуществлению грёнерского плана «восстановления порядка в Берлине», а быть может, просто потому, что ветер переменился, и дивизия теперь пришлось не ко двору.

«Кто решил утопить свою собаку, говорит, что она взбесилась» — гласит французская поговорка. Народная морская дивизия ни с того ни с сего попала под подозрение как спартаковская, более того, ее обвинили в грабежах в королевском дворце, которым она же положила конец. Было принято решение вывести дивизию из дворца и сократить ее состав до шестисот человек (к тому времени она сама уже провела частичную демобилизацию и сократилась до тысячи человек). Комендант города Вельс снял дивизию с денежного довольствия, надеясь таким путем оказать на нее давление. А рождество приближалось.

Гротескная, казалось бы, ситуация: только из-за того, что воинской части численностью всего в тысячу человек было отказано в выплате рождественского жалованья, в Берлине завязались кровопролитные уличные бои, начался правительственный кризис, окончательно определились фронты надвигающейся гражданской войны, а сама революция получила свой последний шанс, который тут же упустила. Но за этим комическим фасадом скрывались совершенно серьезные дела. В действительности морская дивизия не просто требовала выплаты рождественского

жалованья — она боролась за свое существование, а в сложившемся положении фактически и за спасение самой революции. Рождественская хроника 1918 г. — это действительно история, это глава германской истории, читая которую не знаешь — смеяться или плакать.

Всю неделю перед рождеством представители матросов вели в городской комендатуре переговоры с Вельсом, требуя выплаты жалованья. Вельс в ответ настаивал, чтобы дивизия сначала покинула дворец. Тогда матросы требовали, чтобы штабу предоставили другое помещение. Удалось ли им об этом договориться, остается невыясненным. Так или иначе, ничего не произошло: новой штаб-квартиры матросы не получили, жалованье им не выплатили и из дворца они не ушли. А сочельник был уже на носу.

23 декабря терпение матросов иссякло. В полдень их командиры и представители отправились уже не в комендатуру, а в имперскую канцелярию.

Обстановка там в тот момент была крайне напряженной. Коалиция социалистического единства, созданная 10 ноября, готова была вот-вот развалиться. Трое «народных уполномоченных» от СДПГ и трое их коллег от НСДПГ относились друг к другу с нескрываемым недоверием и неприязнью. Дело доходило и до открытых конфликтов. От матросов не укрылось, что «независимые» социалисты приняли их как друзей, а социал-демократы — как врагов. В конце концов их отослали обратно, пообещав выплатить жалованье, если они сдадут ключи от дворца. О новой штаб-квартире речи больше не было. Кому сдавать ключи, матросам не сказали.

В четыре часа пополудни матросские командиры вновь пришли в имперскую канцелярию с ключами и на сей раз в сопровождении вооруженного отряда. Выставив у входа караул, представители дивизии во главе с лейтенантом Дорренбахом явились к Эмилю Барту, одному из трех «народных уполномоченных» от НСДПГ, и вручили ему ключи. Барт позвонил Вельсу, сказал, что ключи у него и надо выплатить матросам жалованье. Вельс отказался, заявив, что подчиняется только Эберту. Тогда Барт послал матросов к Эберту, тем сказали, что его нет на месте.

Тут у матросов окончательно лопнуло терпение. По приказу Дорренбаха они заблокировали все выходы из имперской канцелярии, заняли телефонный узел и перереза-

ли провода. «Народные уполномоченные» оказались, таким образом, в имперской канцелярии под арестом. Матросы могли, если бы захотели, ликвидировать правительство, арестовать и поставить к стенке «народных уполномоченных». Но Дорренбах и его люди об этом не помышляли. Они хотели всего-навсего получить свое жалованье! Впрочем, они вдобавок и не на шутку разъярились. Они решили, что ими помыкают, и не собирались больше этого терпеть.

У кого в руках оружие? Кто здесь сильнее? И наконец, кто же совершил революцию? Кому обязаны своими постами господа Эберт и Вельс? Надо проучить этих господ, чтобы им впредь неповадно было не платить жалованья матросам революции!

Одна группа матросов осталась караулить запертых в имперской канцелярии «народных уполномоченных», а другая, более многочисленная, двинулась к комендатуре. Здесь матросы натолкнулись на сопротивление: часовые не пускали их в здание. У входа началась рукопашная. И тут подъехавший к комендатуре броневик обстрелял матросов из пулемета, трое были убиты.

После этого матросы взяли здание штурмом, арестовали Вельса и двух его помощников и доставили их в манеж, надавав им по дороге хороших тумаков и угрожая пристрелить на месте. Тщетно Вельс еще в комендатуре предлагал матросам их жалованье: деньги они, правда, взяли, но заодно прихватили с собой и его. «Народные уполномоченные» тем временем все еще сидели под арестом в имперской канцелярии. Было пять часов пополудни: надвигалась ранняя декабрьская ночь.

Матросы, занявшие телефонный узел имперской канцелярии, не знали одного: того, что Эберт из своего кабинета по прямому проводу мог связаться со ставкой Верховного командования, находившейся теперь в Касселе. Позвонив туда, Эберт запросил помощи. В ставке к аппарату подошел майор Курт фон Шлейхер — человек, которому еще предстояло сыграть важную роль⁵⁰. В этот день он впервые появился на исторической арене. «Я немедленно дам распоряжение направить вам на подмогу верные правительству части, расквартированные в окрестностях Берлина, — сказал фон Шлейхер Эберту и с надеждой в голосе добавил: — Возможно, что после стольких упущенных возможностей нам представляется последний шанс нанести удар по радикалам».

В тот самый час, когда матросы, выбив наконец силой свое злополучное жалованье, вели к себе в манеж арестованного ими Вельса, из Бабельсберга и Потсдама по телефонному приказу Верховного командования на Берлин двинулись воинские части. То были последние боеспособные подразделения из состава тех самых десяти фронтовых дивизий, которые должны были «восстановить порядок» в городе еще 10—15 декабря. Эта группа насчитывала, правда, не более восьмисот человек, но зато имела несколько батарей полевой артиллерии. Им противостояло чуть более тысячи матросов, вооруженных лишь винтовками и пулеметами.

Картина дальнейшего туманна. Свидетельства очевидцев о том, что произошло во второй половине дня 23 декабря, крайне противоречивы, и разобраться в последовавших событиях нелегко. Не ясно, например, были ли освобождены «народные уполномоченные» в эти часы из-под ареста. Так или иначе, между пятью и семью часами вечера состоялось заседание кабинета, в ходе которого Эберт ничего не сказал трем «независимым» о подходивших к Берлину воинских частях. После заседания «независимые», беспрепятственно и ничего не подозревая, покинули имперскую канцелярию. Эберт и его коллеги социал-демократы остались в здании.

Не ясно также, как матросы узнали о воинских частях, подходивших к Берлину. Но каким-то образом они узнали об этом заранее, ибо вечером, в половине девятого, когда занавес вновь поднимается, перед зрителем предстает уже батальная сцена; с двух сторон к имперской канцелярии с шумом подходят воинские колонны в полном боевом снаряжении: с запада, от Тиргартена, — части из Бабельсберга и Потсдама с винтовками на плече и с артиллерийскими упряжками, с востока, от манежа, — вся народная морская дивизия в походном порядке. Матросы подошли чуть раньше солдат. Доррепбах уже в третий раз за тот день явился к Эберту и осведомился, что за части заняли боевые позиции в районе Тиргартена. Если они не будут немедленно отведены, здесь тотчас же начнется бой.

В этот момент в кабинет Эберта входят командиры вышестоящих им частей, отдают рапорт и просят дать им приказ открыть огонь. Командиры обоих отрядов, готовых вступить в бой друг с другом, стоят перед Эбертом лицом

к лицу. И те и другие — правда, не без недоверия — считают Эберта, как-никак, своим: матросы потому, что для них он все еще «народный уполномоченный» их революции, офицеры потому, что он сам призвал их «освободить» его.

Цены бы не было магнитофонной записи этого разговора! К сожалению, никто так и не узнал ни единого слова из сказанного тем вечером в кабинете Эберта. Известен только результат: обе стороны отошли на исходные рубежи — солдаты вернулись в Тиргартен, матросы — в манеж. Известно также, что Эберт пообещал урегулировать конфликт, решив все связанные с ним вопросы на завтрашнем заседании кабинета. Главное не доводить дело до кровопролития!

Известно, однако, и то, что Эберт около двух часов ночи все же приказал частям, стоявшим биваком в Тиргартене, атаковать поутру манеж и рассеять Народную морскую дивизию.

О причинах, побудивших его отдать этот приказ, спорят по сей день. Как говорил на следующий день сам Эберт, ему позвонили ночью из манежа и сообщили, что жизнь Вельса в опасности. Но это звучит крайне неубедительно: если жизни Вельса действительно грозила опасность, то штурм здания, в котором он находился, означал бы для него верную смерть. К тому же, по свидетельству Шейдемана, перед рассветом, часа в три ночи (то есть час спустя после того, как Эберт отдал приказ атаковать манеж, но все же задолго до утренней атаки), Вельс собственной персоной объявился в имперской канцелярии, правда изрядно помятый, но целый и невредимый. Этот эпизод — еще одно свидетельство того своеобразного добродушия немецких революционеров 1918 г., которое не покидало их даже в ярости. Без сомнения, с Вельсом обошлись не лучшим образом, а на Эберта и его коллег намеренно нагнали страху. Но этим все и ограничилось — к крайним мерам революционеры прибегнуть не решились. Убивать они не хотели, даже в гневе. Напротив, контрреволюция в сходных случаях не церемонилась.

Более правдоподобно выглядит другая версия, согласно которой около полуночи состоялся «крупный разговор» по телефону между генералом Грёнером и Эбертом. Грёнер пригрозил разорвать союз с Эбертом, если тот не возьмется наконец за дело всерьез.

Впрочем, надо полагать, генералу не пришлось долго уламывать Эберта: тот, начиная с полудня и до самого вечера, уже натерпелся страху, а страх легко и самым естественным образом переходит в злобу. Как бы то ни было, в два часа почти воинские части получили из имперской канцелярии приказ наступать, и утром, без четверти восемь, на площади перед дворцом загремели орудия.

Бой с перерывами продолжался до полудня и закончился победой матросов. Это не подлежит сомнению. Но о ходе боя дают представление лишь отрывочные и противоречивые свидетельства. С уверенностью можно сказать, что артиллерийский обстрел, которым верные Эберту части начали боевые действия, успеха им не принес. Они вели артиллерийский и пулеметный огонь сразу с нескольких направлений. Уже в первый час боя в манеж и дворец попало шестьдесят снарядов. Здания были сильно повреждены, но матросы удерживали позиции.

Между девятью и десятью часами утра, когда бой еще кипел с неслабевающей силой и исход его еще не был решен, на грохот канонады из боковых улиц на дворцовую площадь массами хлынули берлинцы. Это были сплошь гражданские лица: рабочие, женщины и дети. Их появление, по рассказам очевидцев, подействовало на правительственные войска деморализующе, поскольку прибывшие явно взяли сторону матросов. Настроение в толпе папминало 9 ноября: «Братья, не стреляйте!»

К десяти часам утра обе стороны временно прекратили огонь, чтобы удалить с поля боя женщин и детей. В десять тридцать бой разгорелся с еще большим ожесточением. С этого момента матросы перехватили инициативу и перешли в контратаку. В последующие часы, как говорят, к ним переметнулись некоторые солдаты и подоспели на помощь вооруженные рабочие. Так или иначе, по сообщению, опубликованному на следующий день в газете «Форвертс», не испытывавшей к матросам дружеских чувств, к двенадцати часам «матросы и примкнувшие к ним группы заняли весь район манежа, включая Кёнигштрассе вплоть до самой ратуши, и установили здесь пулеметы».

К этому времени боевые действия окончательно прекратились. Начавшие их утром правительственные войска обязались очистить поле боя, получив право беспрепятственного отхода. Матросы обязались вернуться в свое рас-

положение, откуда их хотели изгнать. Поле боя осталось за ними. Обе стороны унесли с собой убитых и раненых, число которых осталось неизвестным.

В эти послеобеденные часы в ставке Верховного командования в Касселе и в имперской канцелярии в Берлине царили полная растерянность и смятение. Майор фон Гарбу, назначенный начальником штаба действовавших в Берлине частей, телеграфировал в Кассель: «Части армейской группы генерала Леки непригодны для боевых действий. Не вижу более возможности обеспечить безопасность правительства наличными силами. Исход сегодняшнего столкновения грозит правительству политической катастрофой. Сохранить группу Леки не представляется возможным. Рекомендую ее расформировать». Генерал Леки был командующим тех самых десяти дивизий, которые за две недели до этого выступили в Берлин. На экстренном штабном совещании в Касселе многие офицеры высказались за ликвидацию ставки Верховного командования: «Спорить с судьбой больше нет смысла. Всем нам пора разъехаться по домам и попытаться спасти свои семьи и самих себя».

Конец этим пораженческим настроениям положил тот же майор фон Шлейхер, который, таким образом, уже во второй раз за эти два дня вмешался в немецкую историю. «Если мы не сложим сейчас оружие, берлинское поражение останется лишь эпизодом», — прозорливо объявил он, присовокупив, что спасти положение должны будут добровольческие отряды, которые уже формируются. Шлейхера поддержал Грёнер. Он-то знал, что формирование добровольческих отрядов шло полным ходом, и был убежден, что время работает на контрреволюцию.

Эберт, напротив, ничего толком не знал: Верховное командование не посвящало и его в свои планы. Тем яснее, однако, было ему, что он окажется в безнадежном положении, если революция использует одержанную победу. Эберт считал в этот момент вполне возможным внезапный захват имперской канцелярии и, судя по всему, опасался (не без основания) за собственную жизнь.

Грёнер, который в этот сочельник снова звонил ему из ставки, вспоминал позднее, что Эберт полностью владел собой, говорил флегматично и даже не без юмора. На вопрос Грёнера, что он намерен сейчас делать, Эберт, как рассказывает об этом генерал, якобы громко ответил:

«Прежде всего пойду к друзьям и выплещу, что мне крайне необходимо. Пусть Либкнехт занимает имперскую канцелярию, если хочет. Он найдет здесь лишь пустое гнездо».

На других очевидцев, говоривших с Эбертом в этот сочельник, он произвел далеко не столь выгодное впечатление. По их свидетельствам, Эберт еще в предыдущую ночь настаивал, чтобы кабинет в полном составе покинул Берлин. Теперь же, после поражения перед дворцом, он чуть ли не в панике хотел немедленно уехать — куда угодно, лучше всего подальше, в тихую провинцию, скажем, в Рудольштадт или Веймар. «Так дальше не пойдет, — вновь и вновь чкачил он уже с истерическими нотками в голосе. — В такой обстановке просто невозможно управлять».

Быть может, Эберт и в самом деле говорил с Грёнером более спокойно, чем с коллегами. Так или иначе, все очевидцы сходятся на том, что в имперской канцелярии он больше не чувствовал себя в безопасности. Объективно он имел на то все основания. Если бы у революции были подлинные вожди, они в тот вечер под рождество могли беспрепятственно взять власть в столице в свои руки. Но у германской революции не было вождей⁵¹, и она так и не использовала представившийся ей шанс. К тому же наступил сочельник; матросы, получившие наконец свое жалованье и одержавшие победу в бою, хотели теперь только одного: отпраздновать рождество.

Что касается Либкнехта, не имевшего к событиям последних дней ни малейшего отношения, то он всю эту ночь готовил выпуск очередного, особенно впечатляющего номера газеты «Роте фане». Этот номер — настоящий обвинительный акт — вышел на следующее утро под шапкой, набранной огромными буквами: «Кровавое рождество Эберта». А «революционные старосты», сидевшие в тот вечер, как и все, дома, у рождественской елки, распевая «Тихая ночь, святая ночь», призвали провести в первый день праздника демонстрацию под лозунгом «Положение напряженное! Революция в большой опасности!». Но «независимые» социал-демократы во главе с Гаазе, как всегда пребывавшим в глубокой меланхолии, уяснили себе лишь одно: надо немедленно выйти из этого правительства; с ужасными событиями, которые без их ведома и участия произошли 25 декабря, они не желали больше иметь ничего общего.

Большей услуги Эберту и его сотрудникам они, видимо, не смогли бы оказать. Грёнер задним числом похвалил Эберта за ту исключительную ловкость, с которой он, воспользовавшись рождественским кризисом, вытеснил «независимых» из правительства. Вальтер Эме, тогдашний секретарь начальника канцелярии, вспоминал, что еще в канун рождества у них началась открытая травля трех «независимых», входивших в состав кабинета: «Их предстоящая и неизбежная отставка стала темой дня. На их места начали подыскивать кандидатов из числа правых социал-демократов. Аппарат имперской канцелярии и раньше явно кренился вправо, сочувствуя «народным уполномоченным», представлявшим правое крыло СДПГ. Теперь же (то есть после окончания Всегерманского съезда Советов и создания Центрального совета из одних социал-демократов) он вообще работал только на них. Гаазе, Дитмана и Барта постепенно отстраняли от дел». Если так оно и было на самом деле (социал-демократические хронисты это оспаривают), то не стоило и трудиться. Гаазе, Дитман и Барт — «народные уполномоченные» от ПСДПГ — сами отстранились от дел.

Всю наивность их тактики в ходе политической конфронтации, вызванной событиями 23 и 24 декабря, еще можно объяснить, допустив, что они, сознательно или подсознательно, ставили себе единственную цель: сложить с себя правительственные полномочия, оказавшиеся им не по плечу. Проведя день в бесплодных дискуссиях с социал-демократами на тему о том, вправе ли были те отдавать приказ об открытии огня или не вправе, они избрали в качестве арбитра в споре Центральный совет, состоявшийся сплошь из социал-демократов. После того как Центральный совет решил дело не в их пользу, чего и следовало ожидать, «независимые» вышли из правительства.

Это произошло 29 декабря, а уже на следующий день трое оставшихся в правительстве «народных уполномоченных» от СДПГ, кооптировав в состав кабинета еще двух своих товарищей по партии — Висселя и Поске, — с нескрываемым торжеством похорошили по первому разряду «социалистическое единство», провозглашенное семь недель тому назад. В опубликованном ими обращении к немецкому народу они ликующе возвестили: «Парализующая двойственность преодолена! Теперь мы сможем работать!» Целью своей работы они провозгласили «восстанов-

ление спокойствия и безопасности». Слово «революция» в нем даже не упоминалось, подпись под ним была: «Имперское правительство». Совет народных уполномоченных прекратил свое существование.

Так первая, и единственная военная победа революции всего за пять дней обернулась ее решающим политическим поражением. 9 и 10 ноября Эберт, создав «правительство социалистического единства», пошел на вынужденную уступку революции, надеясь таким образом ее остановить. Теперь, только семь недель спустя, от этого социалистического единства (впрочем, оно с самого начала было скорее мнимым, чем подлинным) ничего не осталось. Все политические силы, по-настоящему стремившиеся к революции или по крайней мере сочувствовавшие ей, снова оказались вне власти. Не без собственной вины: они упустили свой час и не использовали представившийся им шанс. Они позволили себя удалить или удалились сами.

Непосредственным результатом этого был полный развал левого фланга политического фронта⁵². После поражения в лагере побежденных обычно возникают споры и грызня, все стараются свалить вину друг на друга. Так произошло и на этот раз.

30 декабря «Союз Спартака» окончательно порвал с НСДПГ и провозгласил себя Коммунистической партией Германии. Одновременно спартаковцы разошлись с «революционными старостами», которые отказались войти в новую партию, давno уже объявив «уличную тактику Либкнехта» — систематическое проведение демонстрации — дилетантской и опасной.

На самом Учредительном съезде КПГ с самого начала возникали серьезные разногласия между партийными лидерами, требовавшими немедленных действий, и партийным руководством, по мнению которого предстояло пройти еще долгий путь. «Товарищи, вы со своим радикализмом смотрите на вещи слишком беззаботно... — говорила на съезде Роза Люксембург. — Революция еще только начинается»⁵³.

В НСДПГ и после ухода спартаковцев по-прежнему царили разброд и шатания. Некоторые представители ее правого крыла стремились назад в СДПГ. Левое крыло обвиняло бывших «народных уполномоченных» в полной неспособности и в грубых просчетах. «Революционные старосты» исключили из своей организации Эмиля Барта,

бывшего единственного своего представителя в правительстве, который еще семь недель назад входил в руководящую группу.

Но пока политическое руководство левых сил в эти рождественские дни разваливалось⁵⁴, в рабочих массах назревал новый революционный подъем. В ноябре рабочим казалось, что они одержали полную победу. Теперь, после рождества, они чувствовали, что их предали, украли у них победу. Но побежденными они себя не считали. Надо только еще раз взяться. Разве в ноябре не они все сделали сами, без руководства? Почему же не повторить то, что один раз уже удалось?

В воскресенье 29 декабря в восточной части Берлина, в Фридрихсхайне, хоронили убитых матросов. За гробами тянулись нескончаемые траурные колонны. Скорбь и гнев владели людьми, пришедшими проводить матросов в последний путь. Они несли плакаты с надписями:

«Убийцы матросов, проклятие вам,
Эберт, Ландсберг и Шейдеман!»

и

«Насилие против насилия!»

Подняв сжатые кулаки, люди скандировали: «Долой предателей!» Людской прибой затопил на долгие часы всю восточную часть Берлина. Это поднималась вторая волна революции. Неделю спустя она прокатилась по городу.

10. Решающие дни января 1919 г.

Судьба германской революции решилась в Берлине в течение недели с 5 по 12 января 1919 г., вошедшей в историю как «спартаковская неделя». Но название это неверно. События тех январских дней были отнюдь не коммунистическим восстанием против социал-демократического правительства. То была попытка берлинских рабочих масс вновь и таким же способом добиться того, что они завоевали 9—10 ноября и уже успели наполовину растерять. Пятое января было повторением 9 ноября⁵⁵.

Но то, что в ноябре удалось по крайней мере внешне, в январе потерпело полное крушение. Поражение лишь отчасти объяснялось тем, что руководство, которое и на этот раз осуществляли «революционные старосты», было еще более неорганизованным и беспомощным, чем в ноябре. Главная причина — в другом: Эберт почувствовал себя

достаточно сильным, чтобы отважиться на то, что не осмелился сделать тогда, — расстрелять революцию.

То, что произошло в Берлине 5 января, никем не было предусмотрено и никем не запланировано. Это был стихийный взрыв народного гнева, вызванный самыми банальными обстоятельствами. Полицией-президент Берлина Эмиль Эйхгорн, человек ничем не примечательный и не игравший ни до, ни после этого никакой роли, отказался подчиниться решению прусского министерства внутренних дел о его увольнении⁵⁶. Будучи членом ИСДПГ, он обратился за помощью в берлинскую организацию своей партии. В субботу 4 января в полицией-президиуме Эйхгорн встретился с членами правления берлинской организации ИСДПГ, «революционными старостами» и двумя представителями только что созданной КППГ — Карлом Либкнехтом и Вильгельмом Пиком. Было решено провести в воскресенье демонстрацию протеста против смещения Эйхгорна. И это все, что им пришло в голову. Что из этого получилось на самом деле, им и во сне не снилось.

Они призвали провести в воскресенье в два часа дня «впечатляющий массовый митинг на Зигесаллее». Но уже с утра с рабочих окраин к центру Берлина, как это было 9 ноября, нескончаемым потоком потянулись колонны демонстрантов. К двум часам сотни тысяч людей стояли плечом к плечу не только на Зигесаллее, но и поперек Тиргартена, вдоль Унтер-ден-Линден, на дворцовой площади и дальше по Кёнигштрассе до самой Александерплац, где находился полицией-президиум.

Это было уже не мирное собрание, а сосредоточение сил перед сражением. Многие пришли с оружием. Все было предельно ожесточено и только ждали, чтобы от слов перейти к делу. Прослушав речи ораторов (большинство демонстрантов, впрочем, ничего не услышало — громкоговорителей тогда еще не было), люди и не подумали расходиться по домам. Точно так же как и 9 ноября, повсюду в колоннах нашлись смельчаки, взявшие в свои руки инициативу. Они тут же выдвинули боевые лозунги и начали формировать вооруженные группы и отряды. Люди не просто пришли на демонстрацию, все хотели действовать — как-нибудь действовать.

Позднее утверждали, что дело не обошлось без провокаторов, посланных правительством в ряды демонстрантов. Это не исключено. Но исключено, что им удалось бы спрово-

воцировать массы на активные действия, если бы люди сами не были полны решимости.

Во второй половине дня демонстрация переросла в вооруженное выступление. Его главной целью стал газетный квартал. Рабочие заняли все крупные газетные издательства и типографии — Шерли, Ульштейна, Моссе, а также «Форверте», — остановили печатные машины и отослали штат по домам. Немного позднее другие вооруженные группы заняли и крупные вокзалы.

Всю ночь рабочие отряды двигались по центральным кварталам Берлина в поисках других стратегических пунктов, которые надо было бы захватить, и противника, которого надо было бы подавить. Но противника они так и не обнаружили. Революция, приостановленная с 10 ноября, теперь разразилась снова. Казалось, что в эту ночь она овладела Берлином.

Это мощное выступление масс больше всего поразило тех людей, которые, сами того не ведая, явились его инициаторами. Они и не подозревали, какую лавину они вызвали.

В воскресенье вечером в берлинском полицей-президиуме снова собрались восемьдесят шесть человек: семьдесят «революционных старост», десять членов правления берлинской организации НСДПГ со старым Георгом Ледебуром во главе, два представителя от солдат и один от матросов, Либкнехт и Пик от КПГ и, наконец, сам Эйхгорп. Собрание это, по свидетельству одного из участников, «прошло под впечатлением состоявшейся мощной демонстрации, хотя поначалу не смогли решить, что делать дальше». Настроение, царившее в зале, «не позволяло дать объективную оценку происшедшему. Выступавшие старались превзойти друг друга в сильных выражениях, выдвигали все новые радикальные требования».

Больше всех кипятился Генрих Дорренбах, командир Народной морской дивизии. Он, надо полагать, не только был, как и остальные, под сильным впечатлением от всего того, что произошло в последние часы; одержанная им под рождество победа на Дворцовой площади, как видно, слегка вскружила ему голову. На собрании он утверждал, что «теперь не только Народная морская дивизия, но и другие полки берлинского гарнизона поддерживают «революционных старост» и готовы силой оружия свергнуть правительство Эберта—Шейдемана». Выступивший после него Либ-

кнехт заявил, что в создавшейся обстановке свержение правительства возможно и абсолютно необходимо⁵⁷. «Если решаться, то как можно быстрее!» — заключил Ледебур.

Правда, оба представителя от солдат высказались гораздо осторожней. «Быть может, войска сейчас и на нашей стороне, — заявил один из них, — но они, как всегда, колеблются». Другой был настроен еще более пессимистически. «Сомнительно, — сказал он, — пойдут ли за Дорренбахом его собственные люди, не говоря уже о прочих». (Как вскоре выяснилось, скептицизм этот был более чем оправдан.) Но, охьяненные победой, участники собрания (как ни странно, на сей раз не вожди воспламенили массы, а, наоборот, массы вдохновили вождей) не вняли этим предостережениям. Восьмьюдесятью голосами против шести было решено «начать борьбу против правительства и вести ее вплоть до его свержения».

Той же почью был опубликован следующий призыв: «Рабочие! Солдаты! Товарищи!

С непреодолимой силой вы продемонстрировали в воскресенье свою решимость дать отпор последним злобным выпадам кровавого правительства Эберта. Теперь перед вами стоит новая, более ответственная задача. Пора раз и навсегда покончить с происками контрреволюции! Прекратите работу! Сегодня к 11 часам утра собирайтесь на Зигесаллее! Отстоим революцию и доведем ее до конца. Вперед на борьбу за социализм! Вся власть революционному пролетариату! Долой правительство Эберта — Шейдемана!»

Был образован Временный революционный комитет, насчитывавший не менее пятидесяти трех членов, во главе⁵⁸ с Ледебуром, Либкнехтом и неким Паулем Шольце. Этот комитет заявил, что «временно берет на себя правительственные дела». На самом деле он так и не сумел «ни взять на себя правительственные полномочия», ни «довести до конца революцию». Вся его деятельность ограничилась призывом к новому массовому выступлению в понедельник.

Рабочие откликнулись на этот призыв. Утром в понедельник они вновь массами вышли на улицы. Пожалуй, на этот раз пароду было еще больше, чем в воскресенье. Вновь плечом к плечу люди встали стеной на центральных улицах Берлина — от Зигесаллее до Александерплац, — вооруженные, с надеждой в сердце, готовые к бою! Они

были уверены в своих силах. Вчера еще, словно играючи, они продемонстрировали свою мощь и силу — стихийно, никем не руководимые. Теперь они считали, что обрели вождей, теперь они ждали решения, борьбы и победы.

Но ничего не произошло. Руководители никак себя не проявили. Отдельные рабочие отряды вновь начали действовать по собственной инициативе и заняли еще несколько общественных зданий: телеграфное бюро Вольфа, имперскую типографию. Но штурмовать без приказа правительственную резиденцию никто не осмелелся. А приказы не поступали. Вдобавок у имперской канцелярии утром собралось несколько тысяч сторонников правительства, которых СДПГ удалось призвать к оружию.

Шел час за часом. Солнечное зимнее утро сулило ясную погоду, но днем город окутал промозглый сырой туман. Потом стали медленно сгущаться сумерки, а приказов так и не поступало. Принесенные бутерброды были давно уже съедены, и голод — вечный голод этой революционной зимы — вновь дал себя знать. Со второй половины дня массы рабочих начали редеть, а к вечеру они рассеялись. К полночи центр города опустел. 6 января 1919 г. германская революция умерла, хотя никто этого еще не знал.

Что же произошло? Прежде всего, части берлинского гарнизона, на которые возлагались столько надежд, не поддержали вторую волну революции. Все получилось именно так, как предсказывали накануне солдатские представители: воинские части колебались, солдаты спорили друг с другом, не могли толком понять, что творится. Как уже повелось, они одновременно были и за революцию, и за «спокойствие и порядок». Во всяком случае, рисковать головой никто не хотел. Даже Народная морская дивизия объявила себя «нейтральной». С утра все пятьдесят три члена Временного революционного комитета, исполненные радужных надежд, перебрались из полиции-президиума в манеж, где размещался матросский штаб. Но уже после обеда их вежливо оттуда выдворили. На том день и кончился.

Вечером они вновь собрались в полиции-президиуме. Настроение было уже совсем другим, чем за день до этого. Речь шла теперь не о том, удастся ли свергнуть правительство, а лишь о том, как выпутаться из всей этой заварухи.

В понедельник вечером и в следующие два-три дня это

казалось возможным: обе враждующие стороны побаивались друг друга, точнее, правительство еще боялось революции. Оно еще не побороло страх, пережитый им в воскресенье. К тому же и в понедельник из имперской канцелярии на Вильгельмштрассе было хорошо видно, как в центр города вновь стекаются несметные толпы. Унтер-ден-Линден паномпала военный лагерь. Что будет, если все это народное войско двинется на штурм правительственной резиденции? В тот момент никто ведь еще не знал, насколько беспомощно было в действительности революционное руководство. Что касается частей берлинского гарнизона, то на них правительство могло положиться не больше, чем его противники.

Правда, тем временем на бранденбургских полигонах уже формировались добровольческие отряды. Еще в субботу Эберт и Носке инспектировали в Цоссене одно из таких подразделений — ландъегерский корпус генерала Меркера и были приятно удивлены, снова увидев наконец «настоящих солдат». Долговязый Носке, хлопнув по плечу коротышку Эберта, который был ниже его на две головы, сказал: «Не волнуйся, все будет в порядке!» Но то было в субботу в Цоссене, а теперь в понедельник в Берлине на Унтер-ден-Линден стоял не корпус добровольцев-ландъегерей, стояла вооруженная революция.

Поэтому предложение бывших «народных уполномоченных» от НСДПГ, вышедших 29 декабря из правительства, взять на себя роль посредников пришлось Эберту как нельзя кстати. Оно по крайней мере позволяло ему выиграть время. Эберт поставил лишь одно условие: немедленно освободить редакции газет.

Этот вопрос обсуждался на заседании Временного революционного комитета в понедельник вечером. Прими комитет это условие, все, быть может, еще раз обошлось бы. Но он его отклонил.

Недееспособный Революционный комитет, беспомощный с начала своей деятельности и до конца, являл жалкое зрелище. Вперед он идти не мог, назад — не хотел. После победного головокружения у его членов произошел слишком крутой перелом в настроении; осознать и признать свое поражение и начать организованный отход оказалось им не под силу. Пятидесяти трем членам комитета не удалось столь быстро — всего за одни сутки — преодолеть душевный падлом.

Кроме того, они, очевидно, в глубине души сомневались, что смогут вообще обеспечить освобождение газетных редакций, которые были заняты не по их приказу. Вооруженные отряды, разместившиеся в редакциях, им не подчинялись, они в большинстве случаев даже не знали, кто этими отрядами командует. В действительности заседавший в полиции-президиуме Революционный комитет играл в германской революции жалкую роль. Но нельзя же было признаться в этом публично! И комитет отклонил условия Эберта.

Того это, в сущности, устраивало. Он не хотел еще раз идти на «худой мир» с революцией, как 10 ноября, он хотел расплатиться с ней сполна. («Близится час расплаты!»—говорилось в составленном Эбертом правительственным воззвании, которое было опубликовано два дня спустя — 8 января.) Затянув еще на пару дней совершенно бесперспективные переговоры, он тем временем осуществил военные приготовления, которые шли по двум линиям.

Во-первых, по линии Носке с его добровольческими отрядами. Еще в понедельник в полуосажденной имперской канцелярии Носке был назначен главнокомандующим вооруженными силами. («Пусть так,—сказал он при этом, по собственному свидетельству.—Кто-то ведь должен стать кровавой собакой».) Носке тут же покинул это опасное место, пройдя у Браденбургских ворот через толпу вооруженных рабочих, которые, разумеется, понятия не имели, кто этот долговязый господин в очках. («Я вежливо повторял, чтобы меня пропустили, что мне срочно нужно кое-что раздобыть в городе. Мне с готовностью давали дорогу».) С тех пор он сидел в Далеме, западном предместье Берлина, в «Луизенштифте», пансионе для благородных девиц, которым продлили рождественские каникулы. Здесь он разместил свой штаб; отсюда он руководил формированием все новых добровольческих отрядов в окрестностях Берлина, подготавливая их вступление в город. В Далеме было спокойно — революция туда не дошла; в обширных, запорошенных снегом садах царила благоговейная тишина, ни один рабочий сюда не забредал. Никто не мешал Носке работать.

Но ему нужно было время, а у Эберта времени не было. В Берлине продолжалась всеобщая забастовка, редакции газет и вокзалы все еще были заняты вооруженными рабочими, в полиции-президиуме все еще заседал Революци-

онный комитет, а в восточных и северных районах города еще проходили массовые демонстрации. Коль скоро добровольческие отряды пока не готовы к выступлению, то нельзя ли начать действовать частям берлинского гарнизона? Эберт хотел попробовать! Неужели с божьей помощью не удастся использовать против снартаконцев хотя бы ту или другую воинскую часть?

Так, по второй линии он готовил контрудар, продолжая между делом переговоры и заявляя во всеуслышание, что «хочет избежать кровопролития». И действительно, в конечном счете именно войска берлинского гарнизона решили дело. Добровольческие отряды вступили в Берлин уже после того, как сражение отгремело⁵⁹.

Решающие события произошли в дни с четверга 9 января по воскресенье 12 января 1919 г. В эти дни по приказу Эберта революция в германской столице была расстреляна. До тех пор берлинцы лишь один раз слышали канонаду на улицах города — то было 24 декабря. В эти дни пушки грохотали уже непрерывно, а разношерстные воинские части (здесь были и «майские жуки», особенно консервативно настроенные солдаты одного из гвардейских полков, и вновь сформированный верный Эберту полк «Рейхстаг», и сколоченный на рождество добровольческий «полк Рейнхарда», и, наконец, потерпевшие позорное поражение в сочельник, по тем временам переформирующиеся потсдамские батальоны под командованием майора фон Стефани) в тяжелых уличных боях отбили одно за другим все занятые революционерами здания. Последним в воскресенье пал полицейско-президентум.

Наиболее ожесточенный бой разгорелся в субботу 11 января за здание редакции «Форвертс», на Линденштрассе. Артиллерийский обстрел здания вначале не принес наступавшим успеха — точно так же, как это было в свое время на Дворцовой площади; их первая атака была отбита. Тогда здание подверглось еще более сильному артобстрелу, а затем произошло чудовищное: защитники «Форвертс» выслали шестерых парламентариев с белым флагом, рассчитывая выговорить себе право беспрепятственного отхода. Одного из них наступавшие отослали назад — передать осажденным требования о безоговорочной капитуляции, а пятерых оставшихся задержали, взяли под стражу, а затем после зверских избиений расстреляли вместе с двумя перехваченными ранее связными.

После этого они взяли здание штурмом, захватив в плен триста человек.

Майор фон Стефани позволил в имперскую канцелярию и спросил, что делать с таким множеством пленных. По его собственному письменному свидетельству, в ответ он услышал: «Всех расстрелять!» Майор отказался это сделать — он был офицер старой школы. Семеро пленных все же были расстреляны, а почти все остальные до полу-смерти избиты прикладами, чему Стефани не смог помешать. Сотрудник имперского архива Фолькман, весьма сочувственно относившийся к военным и в этом ключе написавший свою историю революции, рассказал о следующем эпизоде:

«Разъяренных солдат трудно было удержать. Увидев, что один из их офицеров, захваченный мятежниками и находившийся в здании «Форвертс» во время обстрела, пожимает руки спартаковцам в знак благодарности за корректное обращение, они избили его до крови».

12 января бои в Берлине закончились. Революция была подавлена. Была ли это спартаковская, иными словами, коммунистическая революция? Победители с самого начала ввели эту терминологию, которая сохранилась и по сей день. (Заслуживает внимания в этой связи, что тот же Фолькман говорит как о чем-то само собой разумеющемся о людях, захвативших «Форвертс», как о «спартаковцах».)

Но это неправда. КПГ не предвидела и не хотела январского восстания. Она не подготавливала и не возглавила его. Напротив, стихийное преждевременное выступление никем не руководимых масс даже возмутило ее: начинать подобное массовое восстание, до того как партия прочно встала на ноги, противоречило опыту! Когда Либкнехт 8 января вновь появился в правлении КПГ, его осыпали упреками за самовольное участие. Роза Люксембург будто бы воскликнула, увидев его: «Карл, разве это паша программа?» (или по другой версии: «Карл, а как же паша программа?»).

Но и злополучный Революционный комитет, где тон задавали не два входивших в его состав коммуниста — Либкнехт и Пик, — а семьдесят «революционных старост», не готовил, не начинал и не возглавил январское восстание. Восстание это было целиком и полностью стихийным делом берлинских рабочих масс, тех самых, которые совершили Ноябрьскую революцию. Эти рабочие в своем

подавляющем большинстве были не спартаковцами, или коммунистами, а социал-демократами, и их январское восстание было не чем иным, как повторением ими же подпятого Ноябрьского восстания⁶⁰.

Это доказуемо, ибо рабочие не молчали, а говорили об этом во всеуслышание. Во второй половине трагической январской недели, когда и им стало ясно, что Революционный комитет потерпел полное фиаско, а в газетном квартале уже заговорили пушки, они на массовых митингах с завидной ясностью сами сформулировали свои цели.

В четверг 9 января сорок тысяч рабочих заводов АЕГ и Шварцкопфа, собравшись на митинг в Гумбольдтхайне, припяли, точно так же как это было 10 ноября, резолюцию «За единение рабочих всех политических направлений» и назначили для осуществления этой цели паритетную комиссию. В последующие дни движение за единство рабочих охватило практически все берлинские предприятия. Характерна, например, резолюция из четырех пунктов, принятая 10 января на собрании рабочих предприятий в Шпандау, на которых было занято около восьмидесяти тысяч человек: «1) отставка всех «народных уполномоченных»; 2) создание на паритетных началах комиссии из представителей трех рабочих партий; 3) выборы новых рабочих и солдатских Советов, центральные Советы, исполкомы «народных уполномоченных»; 4) установление единства всех социалистических партий». Широко распространенные среди рабочих настроения отражало и выдвинутое рабочими 11 января юго-западной электростанции в берлинском районе Шёнеберг требование об отставке «руководителей *всех политических направлений*, оказавшихся неспособными предотвратить эту чудовищную братоубийственную борьбу».

Это не спартаковские, или коммунистические, цели, а те самые цели, которые на словах признал 10 ноября и Эберт: единство социалистов, никакой братоубийственной борьбы. За эти цели берлинские рабочие боролись 9 ноября, и для достижения тех же целей они, стихийно и никем не руководимые, вновь взяли за оружие в дни кровавой январской недели.

Они все еще добивались того же, что и в ноябре: единства всех социалистических партий⁶¹ и замены старого, феодально-буржуазного государства новым, рабочим государством. 10 ноября Эберт для вида пошел им в этом

навстречу. Но он никогда этого не хотел: с самого начала он хотел сохранить старое государство. И за время, прошедшее с ноября 1918 г. по январь 1919 г., берлинские рабочие это поняли и именно поэтому в январе повторили революцию, не спартаковскую, или коммунистическую, а ту самую, которую уже совершили в ноябре. Но если в первый раз у них хватило сил хотя бы на мнимую победу, то на этот раз их революция потерпела кровавое поражение.

Рабочие, вышедшие на улицы 9 ноября и 5 января, сформулировали свои цели на массовых собраниях 9, 10 и 11 января. А 19 января они в большинстве своем голосовали за социал-демократов на выборах в Учредительное национальное собрание. Они чувствовали себя все еще социал-демократами, а не «пезависимыми» или коммунистами. Только вот Эберт, Шейдеман и Носке не были, по их мнению, больше социал-демократами.

Но власть теперь принадлежала именно Эберту, Шейдеману и Носке, которые сами решали, кто отныне имеет право называть себя социал-демократом, а кого следует заклеймить как спартаковцев. Будучи у власти, они также вольны были просто выбросить в корзину для бумаг все резолюции, принятые рабочими в январские дни.

Правда, чтобы отстоять власть в борьбе против своих же сторонников, им пришлось опереться на необычных союзников, для которых они сами были наполовину спартаковцами. Эберт так же безоглядно, как за два месяца до этого революция вручила ему свою судьбу, вручил теперь свою судьбу контрреволюции.

Носке завершил свои приготовления, когда битва за Берлин была уже Эбертом выиграна. Первые добровольческие отряды, сформированные им, могли вступить в город. В субботу 11 января после штурма здания «Форвертс» состоялась первая репетиция: добровольческий ландъегерский корпус генерала Меркера продефилировал по буржуазным кварталам западной части города от Лихтерфельде, через Штеглиц и Шёнеберг до Потсдамерплац и дальше к Денхофплац. Консервативная газета «Ди пост» сообщила об этом на следующий день под заголовком «Луч надежды»:

«Вчера в три часа почти забытое ныне зрелище наконец вновь заставило чаще забиться сердца истинных патриотов. По Потсдамерплац в направлении к Денхофплац

прошла воинская часть. Постоянная воинская часть, с офицерами, которым солдаты беспрекословно повиновались. Огромная толпа, восторженно приветствуя воинов, образовала живой коридор. Колонна замедлила движение, затем остановилась. «Рота, стой! К ноге!» — отрывисто прозвучала команда, выполненная солдатами столь же четко, сколь и сноровисто. В публике раздались крики «браво!». Собравшиеся любовались великолепной, безупречной, дисциплинированной воинской частью и ее командирами.

Газета умолчала лишь о том, что во главе «великолепной воинской части» одиноко вышагивал долговязый очкастый господин в штатском. Это был Густав Носке. Он не смог отказать себе в этом удовольствии. Упомянутый выше Фолькман в своей книге, словно на фотографии, запечатлел эту странную картину: «На его сумрачном лице застыло выражение железной воли. Рядом с ним, улыбаясь полунасмешливо, полусмущенно, шагал полковник».

Этот парадный марш был лишь увертюрой. 15 января, в первую среду после «революционной недели» вся южная и западная части Берлина, а также центр города были заняты частями вновь созданного «командования генерала Лютвица». В восточную и северную части города с их рабочими кварталами войска пока не вводили. Операцию по их «умиротворению», немислимую без кровопролития, решили провести позднее.

В западную часть города была введена вновь сформированная «гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия». Штаб дивизии разместился в фешенебельном отеле «Эден». По его распоряжению на стенах домов были расклеены плакаты: «Гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия вступила в Берлин. Берлинцы! Дивизия обещает вам не покидать столицу до тех пор, пока здесь не будет окончательно восстановлен порядок».

Уже в день своего вступления в город дивизия предъявила свою кровавую визитную карточку: злодейское убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

11. Преследование и убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург

Когда вечером 15 января 1919 г. Карла Либкнехта и Розу Люксембург, оглушенных ружейными прикладами, на автомобилях привезли из берлинского отеля «Эден» в

Тиргартен, где их ждала смерть, то сначала практически это почти не отразилось на ходе политических событий. Уже пробил последний час революции, в которой ни Либкнехт, ни тем более Роза Люксембург, по существу, не были активными действующими лицами⁶². В любом случае кровавая расправа над революцией была неизбежна. Возможно, убийство обоих ее символических руководителей дало сигнал к этому, однако в общем ходе событий это преступление казалось тогда не более чем ярким эпизодом.

Сегодня с ужасом сознают, что этот эпизод был ключевым, повлиявшим на всю последующую историю революционной драмы в Германии. Когда его рассматривают с дистанции полувека, в нем проявляется нечто от жуткого, чреватого непредсказуемыми последствиями события на Голгофе, которое в момент своего свершения тоже, казалось, не вело к каким-либо заметным переменам.

Смерть объединила Либкнехта и Розу Люксембург. В жизни, за исключением самых последних дней, у них было мало общего. Их жизненные пути весьма отличались, да и по своему складу это были разные люди.

Либкнехт был одним из самых мужественных людей, когда-либо родившихся в Германии. Но его нельзя отнести к крупным политическим деятелям. До 1914 г. он практически не был известен за пределами СДПГ. Да и в партии он не имел особого веса, неприметный сын великого отца — Вильгельма Либкнехта, основателя партии, «горячий, своенравный адвокат с добрым сердцем и склонностью к драматизму».

Он работал с молодежью и написал книгу против милитаризма, за которую был осужден на полтора года заключения в крепости. После этого партия выдвинула его на парламентскую работу. С 1908 г. он — депутат прусского ландтага, а с 1912 г. — депутат рейхстага. Тогда Роза Люксембург довольно иронически отозвалась о депутате Либкнехте: «Всегда лишь в парламенте, на заседаниях, в комиссиях, на совещаниях, в вечной спешке, беготне от электрички к трамваю, из трамвая в такси, все карманы полны записных книжек, руки заняты только что купленными газетами, на чтение которых у него, конечно, нет времени, с телом и душой покрытыми уличной пылью...» И даже в начале войны, пытаясь создать в партии оппозиционную антивоенную группу, Роза писала:

«Карл просто неуловим — носится, как облако на ветру».

Сама же Роза Люксембург с начала века считалась в Германии политической фигурой первого ранга, хотя и была втройне «чужой» — как женщина, как еврейка и как полуиностранка (она родилась в принадлежавшей России части Польши и только путем фиктивного брака приобрела германское гражданство). Кроме того, она, естественно, была пугалом для буржуа и также из-за своих радикальных воззрений пугалом для социал-демократов. Тем не менее она вызывала восхищение у друзей и врагов — у последних часто против их воли — многогранностью своих способностей, граничивших с гениальностью: чрезвычайно тонкий и острый интеллект, блестящий стиль письма, увлекающий ораторский дар, политическая страстность в сочетании с оригинальностью мышления. При этом она оставалась добросердечной, обаятельной женщиной. Ее остроумие, умение быть очаровательно серьезной, ее страстность и доброта заставляли забыть, что внешне она была некрасива. Поэтому одни ее любили, а другие боялись и ненавидели.

Она всегда была в первых рядах бойцов в спорах, которые в начале XX в. велись в международном социалистическом движении, достойной союзницей или противницей Бебеля, Каутского, Ленина, Жореса. А в промежутках — участие в русской революции 1905 г. и неоднократное пребывание в тюрьмах: за оскорбление величества, подстрекательство к неповиновению, оскорбление офицерского корпуса. Не вписывающаяся в обычные рамки, выдающаяся женщина, которая, пожалуй, до сих пор остается величайшей женщиной нашего столетия.

Война внезапно изменила все, подобно тому, как говорится в «Фаусте»: «...что женщина пройдет за тысячу шагов, одним прыжком мужчина одолеет».

Когда началась война, неизвестный парламентарий-заднескамеечник Карл Либкнехт затмил великую Розу Люксембург и стал фигурой мирового значения не в силу каких-то свершений, отличавшихся политическим блеском или интеллектуальной оригинальностью, а просто благодаря двум мужественным поступкам. Но это было чрезвычайное, непревзойденное по своей моральной силе мужество. 2 декабря 1914 г. он один проголосовал в рейхстаге против одобрения второго военного займа. Только тот, кто знает, как же пагубно господствовали тогда в Германии и в не-

мецком рейхстаге, способен оценить, какого мужества требовал этот шаг. А 1 мая 1916 г. Либкнехт начал речь во время демонстрации на Потсдамерплац в Берлине (это не была большая демонстрация — несколько сотен людей, не больше тысячи, окруженных полицией) словами: «Долой войну! Долой правительство!» Дальше ему говорить не дали. Полицейские схватили его и увели. Он исчез за стенами каторжной тюрьмы на два с половиной года. Но эти четыре слова по своим последствиям были важнее, чем самая длинная и блестящая речь. Когда 23 октября 1918 г. Карл Либкнехт вышел из тюрьмы, для всей Германии и далеко за ее пределами он был олицетворением протеста против войны, олицетворением революции.

Роза Люксембург вышла из тюрьмы лишь 9 ноября 1918 г. Почти всю войну она просидела за решеткой: сначала год по политическому приговору, вынесенному еще до войны, а затем два с половиной года как «потенциально опасная для государства личность». Эти годы она использовала для написания ставших классическими работ, посвященных критике германской социал-демократии и урокам большевистской революции в России. Ее голова поседела, но дух в полной мере сохранил блеск и независимость.

Теперь им двоим оставалось жить немногим более двух месяцев, тех двух месяцев, на протяжении которых вспыхнула и потерпела крушение революция в Германии.

Если спросить, какой вклад внесли Либкнехт и Роза Люксембург в драму этих двух месяцев, то он был невелик. Если бы их даже вообще не было, все произошло бы точно так же. Даже личности-одногодки, подобные матросам Артельту и Дорренбаху, оказали пусть однократное, но более сильное воздействие на ход событий, чем оба великих революционера. На подлинных главных актеров, Эберта и его команду, на «революционных старост», матросов, расположенные в Берлине войска, обе социалистические партии, собрания Советов, на массы с их непредсказуемыми действиями Либкнехт и Люксембург не могли по-настоящему влиять. Либкнехт выступал несколько раз на митингах, а Роза Люксембург не сделала и этого.

Все, что они сделали в течение этих шестидесяти семи дней, может быть воссоздано вплоть до деталей. Они основали и редактировали, преодолевая многие трудности и препятствия, газету «Роте фане», в которой каждый день

печатали свои передовицы. Они — безрезультатно — принимали участие в заседаниях и собраниях «революционных старост» и берлинской организации СДПГ. Ввиду этих неудач они в конце концов решили создать собственную партию, подготовили и провели Учредительный съезд КПГ, выступив на нем с основными докладами. Роза Люксембург была автором проекта программы партии. Впрочем, и Учредительный съезд КПГ не принес Либкнехту и Люксембург личного успеха — по важным вопросам они остались в меньшинстве. Все это происходило в последние дни 1918 г. После этого Либкнехт начиная с 4 января 1919 г. еще участвовал на свой страх и риск в бесплодных заседаниях Революционного комитета 53-х в здании берлинского полицей-президиума. В этот период Роза Люксембург одна редактировала «Роте фане». А затем была исчерпана та скупая мера жизни, которую было суждено прожить им обоим.

Если к этому прибавить участие в демонстрациях, выступления на них с импровизированными речами, постоянные дискуссии с единомышленниками, то перед глазами встает картина до предела насыщенного времени, лихорадочных и бессонных ночей. В эти оставшиеся им дни с 9 ноября 1918 г. до 15 января 1919 г. Либкнехт и Роза Люксембург работали как одержимые, на пределе своих сил. *Не добились* они практически ничего. Они не стали вождями большевистской революции в Германии. Они и не хотели ими быть. Роза Люксембург потому, что по принципиальным соображениям отвергала насилие, вытекавшее из революционной концепции, и неоднократно делала чуть ли не торжественные заявления, что революция должна естественным и демократическим путем проистекать из сознания пролетарских масс и что в Германии революция находится лишь в самой начальной стадии. Либкнехт потому, что был убежден: революция происходит сама по себе и, собственно, уже произошла, не нуждаясь поэтому в какой-либо организации и подталкивании. Ленин, едва вернувшись в Россию в апреле 1917 г., провозгласил лозунг «Организация, организация и еще раз организация!». Либкнехт и Люксембург ничего не организовывали. Паролем Либкнехта было «агитация». Паролем Розы Люксембург «просвещение».

И надо отдать ей должное: никто с самого начала столь прозорливо, столь откровенно и беспощадно не подвергал

анализу ход революции в Германии и причины ее краха — нечестность СДПГ, разобщенность СДПГ, отсутствие концепции у «революционных старост», — как это день за днем в «Роте фане» делала Роза Люксембург. Но это был хотя по-своему и великодушный, но журналистский, а не революционный подвиг. Единственное, чего добилась Роза Люксембург, — она навлекла на себя смертельную ненависть тех, кого клеймила и разоблачала.

В полном смысле слова ненависть эта была смертельной, притом с самого начала. Доказуемо, что планы убийства Либкнехта и Розы Люксембург возникли по меньшей мере с начала декабря и с тех пор это убийство готовилось систематически. Уже в первые дни декабря по всему Берлину были расклеены плакаты со следующим текстом: «Рабочие, граждане! Отчизна гибнет. Спасите ее! Опасность грозит не извне, а изнутри — это «группа Спартак». Убейте ее вожаков! Смерть Либкнехту! Тогда у вас будет мир, работа и хлеб! *Солдаты-фронтовики*».

Солдаты-фронтовики в то время еще не прибыли в Берлин. Призыв к убийству шел из другого источника.

О том, что это был за источник, позволяют судить некоторые данные. Тогдашний заместитель Вельса, военного коменданта города, некто Антон Фишер в 1920 г. заявил письменно, что в ноябре и декабре 1918 г. целью его ведомства был «круглосуточный поиск и преследование Либкнехта и Люксембург, чтобы не дать им заниматься агитационной и организаторской деятельностью». Уже в ночь с 9 на 10 декабря солдаты второго гвардейского полка ворвались в редакцию «Роте фане» с намерением (в чем они позднее признались) убить Либкнехта. В ходе процесса, который проводился по поводу этого инцидента, полдюжины свидетелей заявили, что уже тогда за голову Либкнехта и Розы Люксембург было назначено вознаграждение в размере пятидесяти тысяч марок за каждого. Эта награда была обещана Шейдеманом и его близким другом Георгом Склярцем, разбогатевшим на войне миллионером.

13 января 1919 г., за два дня до подлого убийства, в «Информационном листке добровольческих корпусов в Берлине» говорилось: «Все настоятельнее высказываются опасения насчет того, что правительство может ослабить свои действия против спартакистов [!] (*Прим. автора*).

Как заверяют из авторитетных источников, нет намерения успокаиваться на достигнутом. Поэтому будут пред-

приняты самые энергичные действия также против глав-
рей движения. Берлинцы не должны думать, что тем, кому
пока удалось скрыться, будет позволено спокойно где-ни-
будь отсидеться. Уже ближайшие дни покажут, что и за
них взялись всерьез». В тот же день в центральном органе
социал-демократов газете «Форвертс» появилось стихотво-
рение со следующей заключительной строфой:

Много сотен убитых
в одном ряду — пролетарии!
Но нет среди них, нет
Карла, Розы, Радека и компании...

Несколькими днями ранее назначенный Эбертом «глав-
ком гражданской войны» Густав Носке, находившийся в
«Луизенштифт» в Далеме, лично отдал приказ тогда еще
лейтенанту Фридриху Вильгельму фон Эртцену (что тот
позднее письменно подтвердил) установить постоянное
подслушивание телефонных разговоров Либкнехта и изо-
дня в день ежедневно докладывать о всех перемещениях
Либкнехта капитану Пабсту из гвардейской кавалерий-
ской стрелковой дивизии. Именно на основании этого при-
каза были схвачены Либкнехт и Роза Люксембург, а
Пабст стал руководителем команды убийц.

Наверняка со временем Либкнехту и Розе Люксембург
стало ясно, что за ними охотятся. Примечательно — и это
делает им честь, — что, несмотря на это, у них ни разу не
возникла мысль покинуть Берлин. Они отказались также
от личной охраны, создать которую неоднократно предла-
гали их сторонники. Они полностью отдались политиче-
ской и журналистской работе и не думали о личной без-
опасности. Возможно, они были излишне беззаботны, по-
скольку оба уже привыкли к арестам и заключению и не
страшились их. Не исключено, что именно в силу своего
прежнего опыта они длительное время просто не могли
представить, что на этот раз речь идет об их жизни. Так,
Роза Люксембург при «аресте» трогательно собрала чемо-
данчик с предметами первой необходимости и любимыми
книгами, которые уже не раз были с нею в тюрьме.

И все же в эти последние дни в их жизнь вторглось
предчувствие смерти. За ними охотились с самого начала.
За шестьдесят семь дней они почти ни разу не побывали
дома. Почевать приходилось, экономя часы сна, то в ре-
дакции, то в гостиницах, то на квартирах у друзей. Но в
последнюю неделю их жизни эта постоянная смена адре-

сов приобрела повое значение — превратилась в сплошное бегство, спешку из одного ненадежного укрытия в другое, жутким образом предвосхищая судьбу затравленных до смерти евреев в третьей империи.

Редакция «Роте фане» в конце Вильгельмштрассе стала ненадежным местом. Правительственные войска врываются туда почти ежедневно. Одна из сотрудниц редакции, которую они приняли за Розу Люксембург, с трудом избежала смерти. Роза Люксембург несколько дней занималась работой по редактированию газеты в квартире одного врача на Галлешестор, а затем, когда ее присутствие стало тяготить хозяев, в квартире рабочего в Нойкёльне. В воскресенье 12 января к ней присоединился Карл Либкнехт, однако через два дня, 14 января, они по телефону были предупреждены об опасности и ушли с этой квартиры (возможно, это был подстроенный звонок из центра, в котором планировалось убийство и из которого уже в течение нескольких дней велось наблюдение за их переездами, а может быть, и направлялись эти переезды). Они перебрались в свое последнее убежище — в Вилмерсдорф, неподалеку от Фербелиерилац по адресу: Мангеймерштрассе, 53, у Маркуссона. Там утром 15 января они написали свои последние статьи для «Роте фане», которые, видимо, не случайно звучат как слова прощания.

Статья Розы Люксембург была озаглавлена «Порядок царит в Берлине». Она заканчивалась словами: «Вы, тупые палачи! Ваш «порядок» построен на песке. Уже завтра революция «с грохотом воспрянет» и к вашему ужасу протрубит в фанфары: я была, я есть, я буду!»

Статья Либкнехта («Несмотря ни на что!») заканчивалась так: «Потерпевшие поражение сегодня будут победителями завтрашнего дня... Будем ли мы тогда еще живы или нет, будет жить наша программа; она будет господствовать в мире освобожденного человечества. Несмотря ни на что!»

К вечеру, когда Роза Люксембург прилегла, почувствовав головную боль, а Вильгельм Пик приехал с гранками очередного номера «Роте фане», раздался звонок. У двери стоял трактирщик Меринг, пожелавший видеть г-на Либкнехта и г-жу Люксембург. Сначала оба велели сказать, что их нет, однако Меринг не уходил. По его зову появилась группа солдат под командованием лейтенанта Линднера. Они вошли в квартиру, обнаружили там тех, кого

искали, и предложили им следовать за собой. Либкнехт и Люксембург собрали свои вещи и были доставлены в отель «Эден», в котором с утра этого дня размещался штаб гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. Там их уже ждали. Последующие события развивались очень быстро и могут быть изложены в нескольких словах.

В отеле «Эден» их встретили оскорблениями и побоями. Либкнехт, которому прикладом в двух местах разбили до крови голову, попросил бинт, чтобы перевязать раны, но ему отказали. Тогда он попросил разрешения умыться в туалете, но ему и этого не позволили. Затем обоих арестованных привели на первый этаж в номер к капитану Пабсту, который руководил операцией. О чем был разговор у Пабста, неизвестно. Имеется лишь заявление, сделанное Пабстом во время состоявшегося позднее судебного процесса, когда он был уличен во лжи по ряду пунктов. По его словам, он спросил у Розы Люксембург: «Вы г-жа Роза Люксембург?» — «Решайте, пожалуйста, сами». — «Судя по карточке, это вы». — «Ну, раз вы так считаете...»

Либкнехта, а несколько позже и Розу Люксембург повели или поволокли, подвергая избиениям, вниз по лестнице и передали уже стоявшему наготове отряду убийц. Тем временем Пабст сидел в своем кабинете и составлял подробное сообщение, появившееся на следующий день во всех газетах: Либкнехт был застрелен при попытке к бегству во время транспортировки в следственную тюрьму Моабит, а Розу Люксембург захватила разъяренная людская толпа, смявшая охрану, и увела в неизвестном направлении.

В действительности улица у бокового выхода из отеля, через который Карла Либкнехта и Розу Люксембург вывели в их последний путь, была оцеплена и пуста. На посту у этого выхода стоял егерь Рунге. Ему было приказано разmozжить голову прикладом тем, кого поведут через этот выход, — сначала Либкнехту, затем Розе Люксембург. Он так и сделал, однако оба страшных удара, нанесенных им, оказались несмертельными. Либкнехт, а через несколько минут и Роза Люксембург, оглушенные или полуголушенные страшными ударами, были брошены в подьехавшие автомобили. Отрядом убийц Либкнехта командовал капитан-лейтенант Пфлюгк-Хартунг, а убийц Розы Люксембург — лейтенант Фогель.

Обе машины с интервалом в несколько минут направились в Тиргартен. У Нойензее от Либкнехта потребовали выйти из машины; затем он был убит выстрелом из пистолета в затылок, а тело на той же машине доставлено в морг как «труп неизвестного мужчины».

Роза Люксембург сразу после отъезда из отеля «Эден» тут же в машине была убита выстрелом в висок и сброшена с Лихтенштейн-брюкке в Ландверканал. Окончательно не установлено, что было причиной смерти — удары по голове, пуля или утопление. Вскрытие трупа, всплывшего через несколько месяцев, показало, что черепная коробка не была расколота, а пулевое ранение, возможно, не было смертельным.

Почему Карл Либкнехт и Роза Люксембург подверглись травле и были убиты? Легенда, усердно распространяемая социал-демократами, утверждает, что они пали жертвой гражданской войны, которую сами же развязали. В этом, во всяком случае что касается Розы Люксембург, нет ни слова правды. И если даже участие Либкнехта в январском заседании Революционного комитета рассматривать как акт гражданской войны, то встает вопрос: как объяснить, что ничего не произошло с остальными пятью-десятью двумя участниками этого заседания? Почему Георг Ледебур, точно так же участвовавший в этом заседании и арестованный 10 января, был позднее оправдан судом, а травля Либкнехта началась уже в первых числах декабря, когда никто и предвидеть не мог январских событий? Нет, преследование и убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург не было боевым действием гражданской войны. На то были иные причины.

Первой была та, что Либкнехт и Роза Люксембург, как никто другой, *олицетворяли* в глазах и друзей и врагов революцию в Германии. Они были ее символом, и поэтому, убивая их, убивали и революцию. К Карлу Либкнехту это относится даже больше, чем к Розе Люксембург.

Другая причина в том, что они, как никто другой, разглядели ту бесчестную игру, которую с самого начала вели с германской революцией ее мнимые вожди, и ежедневно во весь голос разоблачали ее. Они были квалифицированными свидетелями, которых убили, так как их свидетельствам нечего было противопоставить. К Розе Люксембург это относится даже больше, чем к Карлу Либкнехту.

Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург было

убийством тех, кто превосходил своих противников мужеством и умом, было убийством неопровержимой правды.

Кто был виновен в этом убийстве? Непосредственными исполнителями были, конечно, тогдашний капитан Пабст, который спустя десятилетия, в 1962 г., используя закон об истечении срока давности, открыто похвалялся делом своих рук и его команды убийц. Конечно, они не были простыми орудиями преступления, тупо и равнодушно выполнявшими полученные приказы. Нет, они не только сознательно шли на это преступление, но и проявляли при этом рвение. Но были ли они единственными или даже главными преступниками?

Нельзя не заметить, что травля Либкнехта и Люксембург, открытые призывы к их убийству и подготовка к совершению этого преступления начались не позднее первых чисел декабря 1918 г., задолго до того, как на сцену вышли убийцы из гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. Нельзя забывать о награде, обещанной тогда за головы Карла и Розы, о заявлении заместителя военного коменданта Берлина, о враждебной кампании, развязанной не только буржуазной, но и особенно социал-демократической прессой, а после того, как преступление свершилось, о лицемерных оправданиях Шейдемана, о холодном удовлетворении Носке. Эберт, насколько можно судить, всегда хранил гробовое молчание.

Нельзя не видеть и того неприкрытого, бесстыдного покровительства, которое оказывалось судебными и правительственными органами непосредственным убийцам (большинство из них в результате превращенного в фарс разбирательства было оправдано военным судом их собственной дивизии; тем же из них, кого пришлось приговорить к незначительным срокам за «необеспечение должной охраны» и «устранение трупа», сразу же после суда дали возможность бежать). Нельзя не видеть, наконец, той реакции всего буржуазного и социал-демократического общественного мнения на это убийство, которая выражала целую гамму чувств — от молчаливого оправдания до открытого ликования. То была реакция сообщников-укрывателей, и в ней до сегодняшнего дня ничего не изменилось.

Еще в 1954 г. либеральный юрист и историк Эрих Эйк писал: «Нельзя оправдывать убийства напоминанием старой поговорки «кто подпял меч, пусть от меча и погибнет». Слишком много кровавых преступлений было совер-

шено единомышленниками Либкнехта и Люксембург, чтобы испытывать чересчур сильное возмущение постигшей их самих судьбой». И еще в 1962 г. «Бюллетень ведомства прессы и информации правительства ФРГ» (№ 27) назвал эти убийства «расстрелом по законам военного времени».

Убийство 15 января 1919 г. было первым шагом, предвестником тысячекратных убийств в последующие месяцы власти Носке, миллионов и миллионов убийств в последующие годы власти Гитлера. Оно было стартовым выстрелом для совершения всех остальных убийств. И именно это преступление до сих пор не хотят признать как такое, оно до сих пор ждет искупления и раскаяния. Поэтому оно до сих пор взывает к небу над Германией⁶⁵. Поэтому оно до сих пор, словно смертоносный луч лазера, шлет свой палящий свет.

12. Гражданская война

С января по май 1919 г., а в отдельных местах и до середины лета в Германии бушевала кровавая гражданская война, результатом которой были тысячи человеческих жертв и невыразимое чувство бесконечной горечи.

Эта гражданская война породила Веймарскую республику и определила ее злополучный исторический путь. Это она зачала также и третью империю, которая возникла позднее. Ибо она сделала раскол старой социал-демократии неизлечимым, лишила оставшуюся основную часть СДПГ всякой возможности вступить в союз с левыми силами в будущем, обрекая ее навечно на положение партии меньшинства. Кроме того, гражданская война породила в добровольческих отрядах, которые вели и выиграли ее для социал-демократического правительства, взгляды и привычки, ставшие позднее господствующими в отрядах СА и СС. Нередко они выросли из тех же отрядов добровольцев. Поэтому гражданская война 1919 г. была центральным событием истории Германии нашего столетия. Однако она странным образом почти полностью выброшена, вытравлена из исторической картины. На то есть свои причины.

Одна из них — просто стыд. Все участники стыдятся роли, которую они сыграли в гражданской войне. Потерпевшим поражение революционерам стыдно того, что они не совершили никаких славных деяний, не одержали даже

частичных побед, не сумели достойно погибнуть. Проявились лишь полная неразбериха, нерешительность, несостоятельность тысячи безымянных страданий и смертей. Но и победителям стыдно. Они образовали странную коалицию — из социал-демократов и будущих нацистов. Как те, так и другие партнеры этой противоестественной коалиции не испытывали впоследствии желания признаться в содеянном: социал-демократы — что они взяли к себе на службу тех, кто предвосхитил головорезов из СА и СС, стал для них образцом, и натравили этих будущих нацистов на своих единомышленников, нацисты — что позволили социал-демократам завербовать себя и под их руководством узнали вкус крови. История охотно умалчивает о тех событиях, которые вызывают чувство стыда у всех ее участников.

Но есть еще одна причина, объясняющая исчезновение гражданской войны 1919 г. из истории Германии и памяти немцев: эта война не дает материала для интересных «историй», в ней нет ничего, что могло бы лечь в основу увлекательного повествования, — ни драмы с напряженным развитием действия и запоминающимися кульминационными моментами, ни захватывающей борьбы между достойными противниками. Кровавая волна лениво катилась по Германии, так и не охватив сразу всю страну. Стоило затоптать чадающий огонь в одном месте, как он вспыхивал где-то еще. Все началось в первых числах февраля на побережье Северного моря, где центром стал Бремен, затем, в середине февраля, главный театр войны неожиданно оказался в Рурской области, в конце февраля — в Тюрингии и Средней Германии, в начале и середине марта — в Берлине, в апреле — в Баварии, в мае — в Саксонии. В промежутках были крупные локальные события вроде боев в Брауншвейге и Магдебурге, а также бесчисленные мелкие столкновения, сохранившиеся лишь в местных хрониках: путаная, бесформенная череда разрозненных больших и малых сражений, боев и убийств.

Притом всякий раз с самого начала было ясно, чем все это кончится, все развивалось по одной и той же схеме, повторяясь с бесконечной монотонностью. Пять-шесть месяцев гражданской войны 1919 г. так же трудно поддаются конкретному описанию, как и пять-шесть дней революции в ноябре 1918 г., копией которых они были. Тогда повсюду в Германии с небольшими местными отклонениями повто-

рялась одна и та же картина, так было и сейчас; тогда беспрепятственная победа революции, теперь не беспрепятственное, но неодолимое победное шествие контрреволюции. Разница была лишь в том, что тогда, в ноябре, события развивались с бешеной скоростью, а теперь двигались с мучительно медленной методичностью; тогда было пролито немного крови, а теперь она лилась потоками; тогда революция была стихийным, лишенным руководства действием самих масс, которому с величайшим нежеланием подчинились социал-демократические лидеры, позволившие поставить себя у власти, в то время как теперь контрреволюция была систематической, узаконенной, военной акцией, осуществляемой по приказу тех же социал-демократических лидеров.

И в этом нет никаких сомнений: инициатива в развязывании гражданской войны, принятие решения об этом и тем самым — если мыслить в этих категориях — «вина» за гражданскую войну принадлежит руководству социал-демократической партии, в особенности Носке и Эберту. Конечно, другая сторона иногда давала им повод для нападения, но далеко не всегда. После январских событий в Берлине была только еще одна «вторая волна» революции — Мюнхен в апреле, в остальном же Эберт и Носке с начала и до конца вели наступление. Для того чтобы понять происшедшее, надо прежде всего представить себе ход их мыслей.

При этом не стоит тратить много времени на Носке. Носке был примитивным насильником, признававшим в политике лишь простейшую формулу «друг или враг» и соответственно действовавшим простым методом: бить любого врага, в любое время и всеми имеющимися средствами. Его последующие заявления, как и его дела, показывают, что это был человек, неспособный к разносторонним оценкам, влюбленный в насилие, по своему складу он больше подходил национал-социалистам, чем социал-демократам. Однако Носке не был «мозговым центром» гражданской войны. Он был лишь правой рукой — или правым кулаком — Эберта. Именно Эберт та фигура, которая позволяет что-то понять.

Эберт не был нацистом, даже в своем подсознании, и не был лишен аналитических способностей. Он искренне считал себя социал-демократом и по-своему даже другом рабочих. Его цели были целями предвоенной СДПГ, сфор-

мулированными его предшественниками: парламентаризация и социальная реформа. Но он не был революционером. Революцию он считал «излишней» (его любимое словечко) и незаконной. Он ненавидел ее «как грех». Все, чего он действительно всегда хотел, было достигнуто в октябре 1918 г., когда кайзер даровал власть парламенту и социал-демократы вошли в правительство. Все, что прибавил к этому ноябрь 1918 г., было в его глазах глупостью, недоразумением и безобразием. А то, что он сам был вынужден на словах высказываться в поддержку революции, делало ее в его глазах еще менее привлекательной.

Эберт никогда не испытывал угрызений совести из-за того, что предал революцию, он скорее обижался на нее за то, что временами она вынуждала его вести двойную игру. Если он и испытывал угрызения совести, то только по отношению к старому строю, поскольку он какое-то время вынужден был строить из себя революционера. Но обстоятельства были сильнее и вынуждали его к притворству. Ему пришлось вступить в союз с «независимыми» и пойти на то, чтобы его власть была узаконена Советами, играть роль «народного уполномоченного». Все это было очень неприятно, но не имело значения в его глазах. В душе он все время оставался наместником старого государства и старого парламентского большинства.

После того как 19 января 1919 г. выборы в Национальное собрание восстановили это прежнее большинство, существовавшее в рейхстаге (СДПГ — 38%, Центр — 19, Немецкая демократическая партия — 18%)⁶⁶, Эберт вновь ощутил твердую почву под ногами. Благодаря этим выборам для него все, что произошло между 9 ноября и 19 января, перестало существовать. Все революционные учреждения, возникшие в этот период, в особенности рабочие и солдатские Советы, потеряли в его глазах всякое право на существование, и он просто не мог понять, как они сами этого не видят. Но они, естественно, не видели этого, и поэтому, как он ни сожалел, их пришлось устранить с помощью силы. Эта совершенно искренняя, хотя и крайне субъективная позиция Эберта стала причиной гражданской войны в Германии.

Насколько твердо Эберт был убежден в этом, видно на почти гротескном примере. Номинально высшим революционным государственным органом, назначавшим, в частности, и правительство «народных уполномоченных», был

Центральный Совет рабочих и солдатских Советов, избранный Всегерманским съездом Советов в Берлине. Этот Центральный Совет был образцом кротости и безынициативности. Он состоял только из представителей СДПГ, ни разу не оказал Эберту даже малейшего сопротивления и активно помог ему удалить представителей НСДПГ из правительства. После выборов он был готов передать свои полномочия Национальному собранию. Но даже этого Эберт ему не позволил, заявив, что передавать больше нечего. Поскольку теперь избрано Национальное собрание, сказал Эберт, Центральный Совет должен просто помалкивать, собрать вещички и исчезнуть. Из-за этого возник первый, и единственный серьезный конфликт между Эбертом и Центральным Советом, который, лишившись всякой власти, еще какое-то время влачил призрачное существование. Этот гротескный эпизод, не имеющий политического значения, проясняет политическую позицию Эберта: по его мнению, выборы в Национальное собрание, которое со своей стороны вскоре избрало его, Эберта, временным рейхспрезидентом, создали новую законность, являющуюся преемницей старой, существовавшей в октябре 1918 г. Все, что было между ними, стало сейчас, если уже не раньше, незаконным. Притом констатация этого имела обратную силу. Революция была аннулирована в юридическом смысле. Теперь ей оставалось любезно самоликвидироваться и в фактическом плане. Рабочие и солдатские Советы должны были исчезнуть. Эберт искренне верил, что все это само собой разумеется.

Но Советы существовали и, естественно, смотрели на вещи совсем иначе. Для них революция не была аннулирована ни в юридическом смысле, ни фактически. Для них она оставалась все еще единственным источником новой законности. «Мы можем приказать «народным уполномоченным» уйти, а не они нам», — так рассуждал даже кроткий Центральный Совет, а местные Советы, в руках которых повсюду все еще находилась власть на местах, сначала были склонны отвечать на требование Эберта горьким смехом. Они чувствовали поддержку рабочих масс. Эти массы большей частью состояли из демобилизованных солдат, которые еще не забыли войны, и почти у каждого из них дома была винтовка. Оружия и патронов сразу после войны в Германии было в избытке. Кто осмелился бы приказать победоносному вооруженному народу разойтись

по домам, словно группе школьников после глупой проделки? Позднее председатель лейпцигского рабочего Совета Курт Гейер писал печально и самокритично: «Обладание властью на местах полностью затемнило радикальным массам понимание действительного соотношения сил в стране».

Но не только «радикальные массы», сами Советы, включая участвовавших в них умеренных представителей СДПГ, совершенно не понимали, как можно было вдруг объявить революцию не состоявшейся. Конечно, теперь было Национальное собрание, выборы в которое были проведены по решению самого съезда Советов. Но, принимая такое решение, съезд и не помышлял ликвидировать этим революцию. Наоборот, в глазах Советов Национальное собрание был обязано своим существованием только решению съезда Советов о выборах, которое и придавало собранию законный характер. У него были совершенно конкретные задачи: принять конституцию и издавать законы, утверждать бюджет, контролировать деятельность правительства. Но отнюдь не имелось в виду делать его всемогущим, тем более оно не могло аннулировать революцию. Советы по-прежнему считали себя законными государственными органами, созданными революцией и существовавшими рядом с ним так же, как прежде рядом с кайзеровским рейхстагом имелись органы власти земель и общин. Ведь до ноября 1918 г. существовал избранный на основе всеобщих выборов парламент в государстве, которое было классовым государством. Так должно было оставаться и теперь, и только вместо дворян и богачей революция сделала господствующим классом рабочих и солдат. Так представляли себе положение Советы. Солдатские Советы все еще претендовали на осуществление дисциплинарной власти в войсках, а рабочие Советы все еще считали себя — в силу революционного права — решающим руководителем государственного аппарата. И когда это положение стали оспаривать, был поставлен вопрос о власти⁶⁷.

Наиболее ясно это высказал Носке. 21 января он заявил на заседании кабинета: «Правительству необходимо придать авторитет путем создания средств власти. В течение недели были сформированы войска численностью двадцать две тысячи человек. Поэтому несколько изменился тон разговора с солдатскими Советами. Прежде солдатские

Советы были фактором власти, а теперь этим фактором стали мы». В тот же день Носке пригрозил представителям солдатского Совета 7-го армейского корпуса в Мюнстере, заявившим протест против восстановления знаков различия в армии и вербовки в добровольческие отряды: «Вы неправильно понимаете полномочия вашего солдатского Совета. В ближайшие дни мы заставим вас это понять. Все будет по-другому! Правительство не собирается терпеть ваших действий и вмешается, как оно уже сделало это в других местах». Последняя фраза явно была намеком на январские события в Берлине и убийство Либкнехта и Розы Люксембург.

И правительство действительно вскоре «вмешалось» — сначала в Бремене, затем в Рурской области, потом в Тюрингии и т. д. В начале февраля гражданская война постепенно распространилась по всей Германии. Поводы для вмешательства были различными. В большинстве случаев они имели непосредственно военный характер; саботаж вербовки в добровольческие отряды, отказ солдатских Советов восстановить знаки различия и воинского приветствия (они ссылались при этом на решение Всегерманского съезда Советов, которое Эберт и Носке практически отменили уже 19 января), иногда забастовки или волнения на местах.

В действительности же речь повсюду шла об одном — о существовании рабочих и солдатских Советов и тем самым о законности революции. Генерал Меркер, командующий ландъегерским корпусом, который по велению Носке стал «покорителем городов», заявил об этом вполне откровенно: «В борьбе правительства против леворадикалов речь шла исключительно о сохранении политической власти. Ради этой чисто политической цели были использованы войска как средство власти для стабилизации внутренней политики. Однако слабость правительства не позволяла открыто заявить об этом. Оно боялось четко определить свою позицию и признать, что добровольческие отряды служат для ликвидации власти Советов там, где она еще сохранялась. В конечном счете только это имело значение. Правительство нашло выход из положения, делая вид, будто поводом для вмешательства являются военные дела. Мне была не по душе эта нечестность. Я увереннее чувствовал бы себя перед руководителями рабочих, если бы мог прямо заявить им: «Мое прибытие означает борьбу

против власти Советов, к которой вы стремитесь, и против господства вооруженного пролетариата».

Меркер был крайне консервативным, даже реакционным офицером, но офицером старой школы, привыкшим к дисциплине и послушанию, а его ландыегерский корпус, по крайней мере в гражданской войне 1919 г., был в известном смысле лоялен и надежен в отношении правительства. Этого нельзя сказать о большинстве других добровольческих отрядов, которые в лихорадочной спешке формировались за месяцы гражданской войны. К ее концу насчитывалось шестьдесят восемь официальных добровольческих отрядов, в которых, по данным Носке, состояло почти четыреста тысяч человек. Каждый из бойцов давал клятву верности своему командиру, то есть, по словам Носке, соблюдался почти тот же ритуал, «как и во время Валленштейна». Самое примечательное, что ни Эберт, ни Носке ничего особенного в этом не видели, во всяком случае, не находили причин для беспокойства. Еще большее удивление, чем беспощадная жестокость, с которой они подавляли революционеров, приведших их к власти, вызывает та близорукость и беззаботность, с которой они вооружили своих смертельных врагов справа и приучили их к вкусу крови.

Ведь в том, что касалось политических взглядов подавляющего большинства командиров этих добровольческих отрядов и их солдат, с самого начала не могло быть ни малейших сомнений. «Было бы крайним преувеличением, — писал тогдашний лейтенант гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии фон Эртцен, — утверждать, будто офицеры, находившиеся в отеле «Эден», испытывали симпатию к членам правительства того времени». Это действительно было бы преувеличением. Так, полковник Рейнгард — позднее командир этой дивизии, приобретший известность в качестве «освободителя» или, вернее, палача Берлина, — еще в рождественские дни 1918 г. говорил о «социал-демократическом шабаше ведьм», а позднее в обращении к своим войскам назвал правительство, на службе которого они состояли, «отребьем». Командир «Стального отряда» капитан Генглер 21 января 1919 г. записал в дневнике о правительстве Эберта: «Придет день, когда я рассчитаюсь с этим правительством и сорву маску со всей этой жалкой, подлой своры». Подполковник Гейнц, другой известный командир добровольческого отряда, за-

явил спустя пару месяцев: «Это государство, порожденное мятежом, всегда будет нашим врагом независимо от того, кто будет его возглавлять и какая конституция будет принята... За империю! За народ! Война правительству! Смерть демократической республике!» А фон Гейдебрек, когда командир добровольческого отряда «Оборотень», а затем один из высших руководителей СА и в конце концов вместе со своим начальником Ремом расстрелянный Гитлером 30 июня 1934 г., говорил: «Война государству Веймара и Версаля! Война ежедневно и любыми средствами! Насколько я люблю Германию, настолько я ненавижу республику 9 ноября!»

Так думали командиры тех четырехсот тысяч человек, которых вооружили и направили против рабочих Эберт и Носке, которым они доверили защиту буржуазной республики, а также собственную судьбу. Что касается Носке, который, в сущности, имел с ними немало общего и в течение последующего года порой носился с мыслью, чтобы с их помощью стать диктатором, это еще в какой-то степени понятно. Что же касается Эберта, то у него проявились поразительные ограниченность и тупость. Ведь Эберт мечтал не о государстве эсэсовцев, а о буржуазно-парламентской демократии, совместном правлении социал-демократов и средней буржуазии, о спокойствии, порядке и порядочности, о государстве средних слоев, в котором учитывались бы также и интересы рабочих. И для того, чтобы создать его, он спустил на рабочих дикую свору, которой уже тогда были присущи почти все черты будущих головорезов СА и СС, многие из которых позднее лично сыграли роль в захвате Гитлером власти. Кроме Гейдебрека, в хронике гражданской войны 1919 г. всплывают уже, например, имена Зельдте и фон Эппа, из которых один позднее стал министром в правительстве Гитлера, а другой — его наместником в Баварии.

Совершенно очевидно, что Эберт не мог постичь сущности этих предшественников нацизма. Он видел справа от себя лишь вежливых, культурных, состоятельных людей, и у него никогда не было иной цели, кроме как добиться, чтобы и он, и его СДПГ были признаны этими людьми в качестве равноправных партнеров, способных к совместному правлению. А разве эта цель не была достигнута с октября 1918 г.? Разве сам Людендорф не признал в конце концов и даже не приказал (хотя, к сожалению,

лишь в час поражения) осуществить парламентаризацию с участием социал-демократов в правительстве, к чему Эберт стремился на протяжении всей войны? Что это могло быть ловушкой, подобная мысль ни разу не возникла у Эберта, как и мысль о том, что революция, которая в ноябре укрепила тылы созданого в октябре правительства, была его единственным шансом вырваться из этой ловушки. Он видел лишь почетное поручение стать спасителем буржуазного государства в час беды. Этому поручению он в душе всегда оставался верен и не ждал справа ничего, кроме благодарности. Единственными врагами справа, как он считал, могли быть монархисты (монархию он, к сожалению, уже не мог спасти), но бойцы добровольческих отрядов монархистами отнюдь не были. То, к чему они стремились, за что боролись и даже убивали, было всем, чем угодно, но не монархией. Это было нечто такое, что лишь позднее было облечено в слова, и сделал это человек, который был тогда еще мелким шпиком баварского рейхсвера в Мюнхене⁶⁸.

Его дух, позднее нашедший свое выражение в концентрационных лагерях и командах смерти, уже в 1919 г. овладел, еще не будучи ясно выраженным, войсками контрреволюции, которую призвал Эберт и возглавил Носке. Революция 1918 г. была добродушной, контрреволюция — жестокой. Можно признать, что ей пришлось драться за свою победу, в чем не было нужды у революции, и что другая сторона тоже допускала случаи жестокости и грубости, без чего не обходится ни одна гражданская война. Но бросаются в глаза два момента. Почти повсюду дисциплинированные и хорошо вооруженные правительственные войска с самого начала намного превосходили набранные в спешке и вооруженные лишь винтовками рабочие отряды местных Советов, и поэтому уже в боях потери были весьма неравными. Кроме того, действительно ужас — полевые суды, массовые расстрелы без суда, пытки и избиения, — как правило, начинался уже после победы правительственных войск, когда им нечего было бояться и можно было свирепствовать без помех. Во многих городах Германии творились в то время страшные дела, хотя об этом и не сообщает ни один учебник истории.

Правда, не для всех контрреволюция была ужасом, некоторые видели в ней спасение и избавление. Если в рабочих кварталах захваченных добровольческими отрядами

городов царил страх или скрытая ярость, на занятых с боем улицах не было ни души, а офицеры, в одиночку появляющиеся на «оккупированной территории», рисковали подвергнуться нападению и линчеванию, то в районах, где жила баржуазия, «освободителей» встречали с благодарностью и восторгом: пиво, шоколад, сигареты, девушки, посылающие воздушные поцелуи, и дети, размахивающие черно-бело-красными флажками⁶⁹. Эта гражданская война, как и другие гражданские войны, была войной классов. Своеобразие состояло лишь в том, что войну против рабочего класса в данном случае вело социал-демократическое правительство.

Как и всякая гражданская война, эта война по мере своего развертывания вызывала эскалацию террора. Вначале в Бремене и Средней Германии все обошлось еще сравнительно сносно. В Рурской области, где стихийные бои продолжались в течение нескольких недель после окончания главных боев в феврале, уже имело место много отвратительных эпизодов. Ужасное произошло в Берлине, где в марте войска Носке под командованием полковника Рейнгарда перешли в наступление, имея в виду двойную задачу: захват рабочих кварталов на востоке и севере города, до которых не дошли руки в январе, и разрушение ненадежных частей берлинского гарнизона, участвовавших в ноябре в революции. Здесь в первую очередь речь шла о Народной морской дивизии. Чудовищный эпизод из этой главы революции вошел во все учебники истории. Когда матросы Народной морской дивизии явились по вызову и без оружия в административное здание на Францёзшештрассе, чтобы получить увольнительные документы и причитающееся денежное довольствие (в Народной морской дивизии всегда в той или иной форме вставал вопрос о жалованье), тридцать из них без всякого основания и предупреждения были схвачены, выведены во двор, поставлены к стенке и расстреляны.

Но эти тридцать матросов были лишь частицей тех, кто был казнен в Берлине. Носке, безусловно не преувеличивая, считает, что их было «около тысячи двухсот». Он сам отдал безжалостный приказ: «Каждый, кто будет задержан с оружием в руках в борьбе против правительственных войск, должен быть немедленно расстрелян». Полковник Рейнгард дал этому приказу еще более широкое толкование: «Все жители домов, из которых велась стрельба по

войскам, должны быть выведены на улицу независимо от того, признают они себя виновными или нет. В их отсутствие в домах должны проводиться обыски. Подозрительные личности, у которых будет найдено оружие, подлежат расстрелу». Следует представить себе перенаселенные рабочие казармы на востоке Берлина. О том, что в соответствии с этим приказом происходило 11, 12 и 13 марта 1919 г. на улицах в районе Александерплац и Берлин-Лихтенберга, имеются свидетельства, о которых лучше умолчать.

Уже во время мартовских боев в Берлине в отдельных местах отчаяние вело к безнадежному сопротивлению с такой степенью озлобленности, которая до этого не встречалась в ходе гражданской войны в Германии. Но мартовские бои в Берлине еще не были апогеем этой кровавой войны. Им месяцем позже стал Мюнхен.

13. Мюнхенская Советская республика

Революция в Баварии проходила иначе, чем в остальной Германии.

В отличие от Берлина революция в Мюнхене не оказалась с самого начала в руках ее врагов. В отличие от остальной Германии она не была делом масс, лишенных руководства. У нее были руководители и свой вождь — Курт Эйсер, который без опоры на какую-либо организацию в течение трех месяцев полностью владел положением в Баварии, неповторимо сочетая в себе находчивость и энергию, идеализм и хитрую изворотливость, тонкое политическое чутье и твердую хватку.

Пока был жив Курт Эйсер, революция в Баварии проходила успешно и бескровно. После его убийства наступил хаос, но сначала была массовая вспышка горечи и бешеной жажды мщения. Такого не было нигде, даже после убийства Либкнехта и Розы Люксембург. Его смерть показала, что Эйсер завоевал сердца простых мюнхенцев.

Возможно, это и есть его самое удивительное достижение, так как он был абсолютно лишен качеств, необходимых, чтобы стать народным героем Баварии. Он был не баварцем, а уроженцем Берлина, к тому же еще евреем и литератором, типичным представителем интеллигенции — с бородой, в очках и с богемными привычками. Эй-

нсер вырос в центре Берлина, между оперой и каштановой рощей, его отец владел на Унтер-ден-Линден магазином военных принадлежностей и старых орденов, получив право именоваться поставщиком императорского двора. Блудный сын стал эстетом и социал-демократом. Но и в СДПГ он был скорее журналистом, чем политическим деятелем, успешно занимаясь главным образом театральной критикой. В 1907 г., когда ему было сорок лет, он перебрался в Мюнхен. Не играя особой роли в СДПГ, он скорее принадлежал к правому, либеральному, полубуржуазному крылу. Лишь война повернула его влево и к СДПГ, которая в качестве организованной партии не имела в Баварии почти никакого влияния. Эйснер и не предпринимал ничего для ее организации. Он не был тогда ни партийным работником, ни вождем. Но в январе 1918 г. он занимался организацией забастовки — это было его первым политическим выступлением. Он был арестован и на девять месяцев заключен без суда в следственную тюрьму, в октябре был освобожден, а в ноябре возглавил революцию в Мюнхене.

Фактически он автор этой революции. Ноябрьская революция в Мюнхене была спектаклем одного актера. Все, что в Берлине в субботу и воскресенье 9 и 10 ноября стало содержанием революционных действий — переход войск на сторону революции, массовая демонстрация, провозглашение республики, создание революционного парламента, образование правительства, выборы в Советы, — в Мюнхене произошло в несколько иной последовательности за два дня до этого, в ночь с 7 на 8 ноября, причем в постановке Курта Эйснера и с Куртом Эйснером во всех главных ролях. Он был одновременно Отто Вельсом и Либкнехтом, Эмилем Бартом и Шейдеманом, в известном смысле даже Эбертом мюнхенской революции, в том смысле, что оказался единственным, кто точно знал, чего хотел, и понимал, как это осуществить.

Мюнхенская революция началась массовым митингом на Терезиенвизе в четверг после обеда 7 ноября. Баварское королевское правительство разрешило проведение этого организованного СДПГ митинга, чтобы открыть клапан для выпуска революционных паров. Лидер СДПГ Эрхард Ауэр заверил, что его люди надежны, ничего особенного не произойдет, а «этого Эйснера прижмут к стенке». Действительно, после речей, в которых было выдвинуто требование упразднения монархии и свержения пра-

вительства, часть демонстрантов во главе с Ауэром в организованном строю прошла через центр города, а затем разошлась. Однако тем временем Эйсер возглавил другую демонстрацию, не меньшую по числу участников, но шедшую в ином направлении — на север, к казармам мюнхенского гарнизона.

Там этим вечером произошел решающий акт любого государственного переворота — «поворот» вооруженных сил в сторону восставших. Затем все еще под личным руководством Эйснера в пивном зале «Матезер» было сымпровизировано провозглашение первого рабочего и солдатского Совета. Затем глубокой ночью, когда король уже бежал из Мюнхена, а вооруженные солдаты на грузовиках заняли центр города и выставили охрану у правительственных учреждений, в здании ландтага на Праннерштрассе первое же заседание этого Совета («революционного парламента») провозгласило республику и назначило Эйснера премьер-министром.

На следующее утро у Эйснера состоялись решающие политические беседы: с королевским премьер-министром, который, заявив протест, покинул свой служебный кабинет, и с лидером СДПГ Ауэром, который, стиснув зубы, согласился занять пост министра внутренних дел в правительстве Эйснера. В тот же день после обеда на первом заседании Временного национального Совета Эйсер представил свое правительство. Так завершилась мюнхенская революция, стремительно осуществленная собственными силами за двадцать четыре часа. Не было сделано ни одного выстрела, не пролито ни капли крови. И тот, кто осуществил это чудо, вчера еще пребывавший в неизвестности, сегодня держал в своих руках все нити событий.

Этим вечером Эйсер произнес во Временном национальном Совете «удивительно гладкую речь, если учесть, что он практически не спал предшествующей ночью», — так пишет американский историк Аллан Митчел, описывающий революцию в Баварии и весьма критически, пожалуй даже неприязненно, относящийся к Эйсеру.

Но речь Эйснера 8 ноября была не только гладкой. Это была речь государственного деятеля. Он заявил, что, когда «наступят более спокойные времена», будет созвано Национальное собрание, которое определит окончательную форму государственной власти. Пока же необходимо прямое правление народа с помощью «стихийной движу-

щей силы» революционных Советов. Решающее теперь — явно новое начало, полное отречение от старого государства, прежде всего безоговорочный отказ от его прежней политики войны, если хотят получить сносный мир. «Правительству, которое взяло на себя все обязательства, вытекающие из прошлого, — сказал Эйсер с явным намеком на Берлин, — грозит ужасный по своим последствиям мирный договор».

В отличие от Эберта Эйсер с первого же дня ясно оценивал международное положение побежденной Германии и имел четкую внешнеполитическую концепцию. Он видел опасность продиктованного Германии мирного договора и пытался предупредить ее путем впечатляющей демонстрации разрыва со старым внутри страны и путем прямых контактов с внешним миром — с западными державами, особенно с Америкой; в отношении же России у него никаких планов не было. Впоследствии эта политика Эйсера не нашла отклика в Берлине. Как раз в области внешней политики берлинское правительство выступало за полную преемственность кайзеровского курса и считало решительный отказ Эйснера от политики, приведшей к войне 1914 года, проявлением антипатриотизма. Тем горше было протрезвление, когда победители в Версале начали обращаться с «новой» Германией Эберта так же, как если бы она оставалась все той же проигравшей войну кайзеровской империей.

Но нас интересует не столько внешняя политика Эйснера, сколько его руководство революцией в Баварии, которое надо признать мастерским, хотя и остается сомнительным, удалось ли бы успешной революции в Баварии в конце концов удержаться перед лицом победоносной контрреволюции в остальной Германии. Эйсер был единственным человеком в Германии, который четко понимал задачи революции в этой стране и умело содействовал ей на ее первом этапе. В этом его отличие от Эберта, который только и думал о том, как бы удушить революцию. В этом и отличие Эйснера от Либкнехта, который требовал от революции того, чего она не могла дать. Противником Эберта был не Либкнехт, а Эйсер. Артур Розенберг не случайно назвал его единственным государственным деятелем, который внес творческое начало в германскую революцию.

Чего желали революционные массы в Германии? Не

социализма, во всяком случае не с самого начала революции. В ноябре не было случаев захвата фабрик. Требования социализации играли некоторую роль лишь на значительно более позднем этапе, и то лишь у горняков. Хотели прежде всего конца войны и свержения военной диктатуры, а также и монархии. Но за требованием свержения военной диктатуры и монархии скрывалось большее, а именно свержение господствовавших до сих пор классов. Рабочие и солдатские Советы, созданные революцией и являвшиеся ее главным достижением, хотели занять место старого офицерского корпуса и старой бюрократии. Господствующими классами, из которых набирались руководящие кадры государства, отныне должны были стать не дворянство и крупная буржуазия, а рядовой состав армии и рабочие. Новое государство должно было стать государством рабочих. Эйсер добавил: и государством крестьян. Бавария при Эйсере была единственной землей в Германии, в которой и крестьянские Советы с самого начала играли важную роль.

Значит, диктатура Советов? Отнюдь нет. Ведь сами же Советы приняли решение о выборах в Национальное собрание. Эйсер в Баварии тоже поддержал выборы в ландтаг, хотя и предпочел бы оттянуть их, и не очень спешил созвать ландтаг после того, как прошли выборы. Советы не стремились к диктатуре Советов. Они не хотели ни диктатуры Советов, ни диктатуры парламента, а конституционной демократии Советов. По существу это была конституционная конструкция, схожая с привычной системой Бисмарка, но только поставленной на голову, или, вернее, с головы на ноги. Рабочие и солдатские Советы в качестве государственной власти — так же, как до этого ею были государство и крупная буржуазия. Объединенная вновь социал-демократическая партия в качестве государственной партии, формирующей независимое от парламента стабильное правительство, — так же, как это прежде делали консерваторы. Наряду с этим, как и прежде, свободно выбираемый всем народом (в том числе и не господствующими уже классами) парламента в качестве народного представительства, законодательного и контролирующего органа с правами, возможно несколько расширенными по сравнению с прежним рейхстагом, однако не обладающий всей полнотой власти. Таким было государственное устройство, которое повсеместно провозглашала в качестве своей

цели революция 1918 г. в Германии. И для тех, кто, как Эйснер, хотел слышать, эти требования отчетливо звучали на всех революционных митингах, во всех словах и делах революции⁷⁰.

Но Эберт и Либкнехт видели лишь одну альтернативу: диктатура Советов или буржуазно-парламентская демократия, причем каждый из них отдавал предпочтение одной из этих противоположностей. Эйснер был единственным, кто понимал, что революция и не ставила вопрос об этой альтернативе. Этот литератор и приверженец богемы был в 1918 г. в Германии единственным революционером-реалистом⁷¹. Он считал, что альтернатива состояла не в выборе между диктатурой Советов или парламентаризмом, а между революцией и контрреволюцией и что революция не была равнозначна ни диктатуре Советов, ни диктатуре парламента, а означала сбалансированную систему взаимного контроля между властью Советов и парламентом. Он понимал также, что Советы были молоды и неопытны и что им нужно время, чтобы войти в роль. Поэтому он и пытался оттянуть выборы в ландтаг, а когда это не удалось, как можно дольше отложить его созыв.

Как и следовало ожидать, в католической Баварии результатом выборов было буржуазно-католическое большинство. Крупнейшей по численности (шестьдесят шесть депутатов из ста восьмидесяти) оказалась Баварская народная партия (БНП) — та самая партия, которая теперь называет себя ХСС. СДПГ получила шестьдесят один мандат и была второй по численности. НСДПГ, к которой Эйснер принадлежал (хотя, впрочем, не уделял серьезного внимания ее укреплению), добилась более чем скромных результатов, получив в ландтаге всего три места.

Итоги выборов мало беспокоили Эйснера. Он мыслил не парламентскими, а революционными категориями. Хотя за буржуазией еще и шло большинство избирателей, она была дискредитирована войной и ее исходом, была испугана и пассивна. Массы же рабочих и солдат, независимо от того, толосовали ли они за СДПГ или за НСДПГ, были в состоянии высокого революционного подъема, полны активности и энергии. Их революционным органом были не партии, а Советы. И Эйснер чувствовал поддержку масс, когда требовал ослабления власти парламента и опоры на Советы. Из-за этого возник конфликт между Эйснером и министром внутренних дел в его правительстве, лидером

СДПГ Ауэром, вырос кризис в отношениях между Советами и ландтагом.

Особенно наглядно проявился этот кризис в течение недели, предшествовавшей созыву ландтага, назначенному на 21 февраля: в одном из крыльев здания ландтага заседали его фракции, а в другом — Советы. Под режиссурой Ауэра фракции мастерили парламентскую правительственную коалицию из социал-демократов и либералов, при которой крупнейшая из представленных в парламенте партий — БНП — оказалась бы вытесненной в оппозицию. Советы готовились ко «второй революции» на тот случай, если бы парламентское правительство, как в остальных частях Германии, попыталось бы их ликвидировать. Эйсер был готов уйти с поста премьер-министра и для начала уступить Ауэру парламентскую деятельность. Но он в любом случае хотел остаться во главе Советов и, если придется, возглавить «вторую революцию». Его требование гласило: «укоренение» Советов в новой конституции.

Казалось, предстояла борьба за власть. Ее исход был неясен. Добровольческих отрядов в Баварии не было, а еще не демобилизованные воинские части в основном находились под контролем своих солдатских Советов. Компромисс пока еще был возможен. До сих пор Бавария могла служить образцом для революции в Германии, поскольку в этой земле, несмотря на возникавшие иногда критические моменты, дело обходилось без кровопролития. Во всех опасных ситуациях Эйсеру удавалось найти компромисс, хотя для этого нередко требовалось большое личное мужество, а также исключительная гибкость. Возможно, что ему в конце концов удалось бы добиться того, к чему он стремился, — компромисса между властью Советов и парламентским контролем.

Однако, когда утром 21 февраля 1919 г. за несколько минут до десяти часов Эйсер сворачивал с Променаденплац за угол к Праннерштрассе, направляясь на открытие ландтага и неся в портфеле речь об отставке, он был убит.

Убийца — молодой человек в плаще, вышедший из подъезда навстречу Эйсеру и почти в упор выпустивший ему в голову две револьверных пули, — был нацистом полуеврейского происхождения. Граф Арко-Валлей был исключен из «Общества Туле», организации, которая позднее не без оснований похвалялась тем, что была подлинным зародышем нацистского движения. Причина исклю-

чения — сокрытие того факта, что его мать была еврейкой. Поэтому он хотел, как позднее писал основатель «Общества Туле» Рудольф фон Зеботтендорф, «доказать, что и полуеврей способен на героический поступок».

Эйснер был убит на месте. Его убийца — серьезно ранен выстрелом личного охранника Эйснера, но все же выжил, был осужден, но затем помпловап. Он прожил до 1945 г.

За этим кровавым преступлением, о котором с ужасом и гневом немедленно узнал весь Мюнхен, буквально в тот же час последовало еще одно. Подручный мясника по имени Линднер, едва услышав об убийстве Эйснера, в бешенстве схватил свой пистолет, бросился к зданию ландтага, ворвался внутрь, направил пистолет на лидера СДПГ Ауэра, который как раз с деланным возмущением произносил речь в память о своем убитом противнике, и сразил его пулей. Интересно, что Линднер, видимо, был абсолютно уверен: за убийством вождя революции должен стоять именно этот вождь СДПГ. Таковы были уже в те времена политические нравы в Германии. В действительности же Ауэр не имел никакого отношения к убийству Эйснера. Он оправился от ранения, однако на ряд лет был выведен из строя.

Последствия этого часа были чудовищны. Неожиданно исчезли со сцены два ведущих ума баварской политической жизни. Вместо этого все было охвачено дикой бурей чувств. Весь город и даже вся земля вдруг превратились в царство анархии: повсюду вооруженные люди, мечущиеся по улицам на автомашинах, в грузовиках или пешком, произвольные аресты, драки и грабежи, паника, ярость и жажда мести.

Ландтаг в панике разбежался. Правительство более не существовало: из восьми министров, его составлявших, один был мертв, другой смертельно ранен, третий спрятался, двое сбежали из бушующего Мюнхена. Лишь трое пытались без общих заседаний и связи друг с другом заниматься повседневной работой в своих министерствах. Была объявлена всеобщая забастовка, введено осадное положение. К месту убийства на Променаденплац, где вокруг огромного пятна крови на штыках соорудили своего рода алтарь с портретом Эйснера, приходили тысячи людей. Похороны Эйснера, состоявшиеся несколькими днями позже с королевской пышностью, стали гигантской демон-

страцией печали и гнева. На эти похороны в город съехала масса людей из сельской местности, и баварские крестьяне-горцы в коротких кожаных штанах и с бородами горного козла на шляпах шли торжественно и серьезно за гробом этого убитого берлинского еврея, который, как они считали, хорошо понимал их. И никто не знал, как пойдут дела дальше.

Единственными, кто в известной степени еще пользовался авторитетом среди этого хаоса, были Советы. Их Центральный Совет, возглавляемый молодым учителем Эрнстом Никишем, который позднее стал известным публицистом и одним из мучеников третьей империи, пытался «выполнить завещание Эйснера», то есть добиться компромисса между Советами, социалистическими партиями и ландтагом. Никто уже не говорил о правительстве буржуазно-социалистической коалиции. После беспорядочных, тянувшихся несколько дней переговоров наконец было создано новое, полностью социалистическое правительство во главе с представителем СДПГ Иоганнесом Гофманом, получившее 17 марта во время непродолжительного заседания ландтага широкие полномочия. Формально это было диктаторское правительство, однако фактически оно стояло на слабых ногах. Оно не хотело, чтобы его считали правительством Советов, хотя, кроме Советов, его никто не поддерживал. У него не было большинства в ландтаге, да и Советы ему, по существу, не доверяли. Правительство Гофмана было неспособно к длительному существованию. С момента убийства Эйснера и ранения Ауэра логика событий в Баварии подводила к созданию республики Советов, хотя бы уже потому, что Советы были единственной более или менее надежной основой власти, единственной альтернативой анархии и гражданской войне.

Правда, два момента оставались сомнительными. Во-первых, могла ли возникнуть и продержаться республика Советов в Баварии, в то время как во всей остальной Германии добровольческие отряды Носке занимались ликвидацией Советов? Во-вторых, были ли Советы вообще в состоянии осуществлять правление, особенно теперь, когда не было Эйснера?

Кроме умеренного направления под руководством Никиша, стремившегося выполнить завещание Эйснера, теперь в Советах появились две другие силы, боровшиеся друг с другом. С одной стороны, группа представителей

интеллигенции, отличавшихся смесью благородства, честолюбия и политической несостоятельности. Это были поэты-экспрессионисты Эрих Мюзам и Эрнст Толлер, ученые-теоретики вроде историка литературы Густава Ландауэра и политэкономов Отто Нейрата и Сильвио Гезелля. С другой стороны—впервые в истории германской революции,—коммунисты, вернее, один коммунист, Евгений Левине, молодой человек, полный бурной и неудержимой энергии, который, возможно, имел задатки для того, чтобы стать немецким революционным вождем.

Левине родился в Петербурге в семье немецких евреев и вырос в Германии. Лишь в начале марта он был направлен берлинским руководством партии в Мюнхен для организации КПГ в Баварии. Из семи человек, которые к этому времени составляли организацию КПГ в Мюнхене, он пятерых удалил из партии, а через месяц у него уже была хоть и небольшая, но подчинявшаяся строгой дисциплине партийная организация. Он начал проявлять активность и в Советах, завоевав репутацию твердого, властного и лишённого иллюзий революционного деятеля. На этой фазе развития событий он был решительным противником создания Советской республики в Баварии, доказывая, что Советы еще не созрели для руководства страной. Он считал, что сначала им надо окрепнуть организационно, привыкнуть к дисциплине и вооружиться. Лишь после этого они смогут взять власть в свои руки, но тогда уже полностью, без партнеров по коалиции и без компромиссов. Все или ничего, не конституционная демократия Советов, а диктатура пролетариата. Когда 5 апреля в Баварии была провозглашена Советская республика, Левине и другие коммунисты были единственными, кто голосовал против и отказался от участия в ней. Лишь через неделю, 13 апреля, они все же встали во главе Советской республики, осуществив государственный контрпереворот.

Что же произошло за это время? Прежде всего то, что началась гражданская война.

Последний толчок к провозглашению Советской республики 5 апреля, как ни странно, сделал Шнеппенхорст, военный министр в социал-демократическом правительстве Гофмана. О мотивах, побудивших его к этому, строилось много догадок, но в общем-то они довольно ясны: он хотел, чтобы Советы сами наглядно убедились в своей неспособности управлять государством, а затем были быстро

и по возможности безболезненно ликвидированы с помощью путча мюнхенского гарнизона, который по меньшей мере частично подчинялся его приказам. Шнеппенхорсту, как и перебравшемуся в Бамберг правительству Гофмана, было важно не только избавиться от Советов, но и, главное, добиться этого собственными силами. Они не хотели, чтобы в Баварию пришли прусские добровольческие отряды, что предлагал Носке.

В соответствии с задуманной программой военный путч действительно произошел в вербное воскресенье 13 апреля. Но он провалился. В продолжавшейся пять часов кровопролитной уличной схватке, которая началась на Мариенплац и закончилась штурмом главного вокзала, войска Шнеппенхорста были разбиты созданными на скорую руку красными отрядами под командованием матроса Рудольфа Эгельгофера и бежали из Мюнхена поездом. Через три дня закончилась поражением еще одна попытка верных правительству баварских войск захватить Мюнхен — на этот раз атакой извне. В бою под Дахау 16 апреля «Красная армия» разбила «белых» противников и взяла Дахау. Командиром «красных» в этом бою был пост Эрнст Толлер.

Но теперь жребий был брошен: стиснув зубы, правительство Гофмана в Бамберге призвало на помощь Носке, и двадцать тысяч прусских и вюртембергских добровольцев под командованием прусского генерала фон Овена вступили в Баварию с севера и запада.

Тем временем в Мюнхене Советскую власть возглавил Левине. Он не устоял против соблазна и выбросил за борт весь свой политический реализм. Положение стало серьезным, надо было драться, и се судьбы он не хотел вверить ни умеренным, сгруппировавшимся вокруг Никиша и все еще продолжавшим думать о переговорах и компромиссах, ни мечтателям типа Толлера и Ландауэра.

Но Левине не видел или в героическом ослеплении не хотел видеть, что было уже слишком поздно — не только для переговоров, но и для борьбы. Ему, правда, еще удалось сколотить под командованием энергичного Эгельгофера «Красную армию» численностью около десяти тысяч человек, придав ей элементы организованности и военной выучки. Но этого было мало не только для победы, но даже для сколько-нибудь успешного сопротивления неуклонно наступавшим превосходящим силам противника.

Баварская Советская республика занимала территорию, которая на севере доходила практически лишь до Дахау, а на юге — до Гармиша и Розенгейма. Все пути подвоза продовольствия были отрезаны, Мюнхен голодал. В то же время парадоксально не хватало денег: мюнхенский филиал имперского банка успел вывезти все запасы наличных денег и матрицы для печатания новых банкнотов. Левине приказал конфисковать банковские счета и сейфы, реквизировать запасы продовольствия в домах буржуа. Все это были меры отчаяния, продиктованные яростью и порождавшие ярость. Он был также первым немецким революционером, приказавшим арестовать политических противников. К концу событий, когда на улицах уже грохотали пушки, восемь из них, члены «Общества Туле», были расстреляны вместе с двумя взятыми в плен офицерами. Левине не нес ответственности за этот акт. Так и не удалось окончательно установить, кто отдал этот приказ. Это был единственный доказанный акт террора, совершенный в Германии революционерами, и месть за него была ужасна.

Из-за этого акта в последнюю минуту распалось правительство Советов: большинство во главе с Толлером 29 апреля вынудило Левине уйти в отставку, обвинив его в «убийстве заложников», которое они объявили следствием проводимой им политики насилия. Большинство тщетно попыталось еще раз вступить в переговоры с правительством в Бамберге. «Красная армия» продолжала еще сражаться на свой страх и риск. Но и она ничего не могла уже спасти. 29 апреля пал Дахау, 30 апреля войска Носке с трех сторон ворвались в Мюнхен. К концу дня 2 мая были задушены последние очаги сопротивления.

И тогда начался «белый» террор, масштабы которого превзошли все, что было до сих пор в Германии, в том числе и мартовские дни в Берлине. В течение недели победители могли расстреливать без суда и следствия, и все, кого можно было заподозрить в принадлежности к спартаковцам, — практически все рабочее население Мюнхена — были объявлены вне закона. Иозеф Гофмиллер, националистически настроенный деятель просвещения и литературный критик, который вел дневник о революции, записал 10 мая, то есть спустя неделю после разгрома Советов, следующее высказывание издателя Брукмана: «Во всем доме служанки крайне перепуганы, потому что там каж-

дый день расстреливают людей». Он рассказывает также без особых эмоций о спартаковцах, которых у него на глазах выводили из пивных или снимали с поездов и тут же расстреливали. «Постоянная стрельба стала для нас привычным звуком».

Для «белого» террора в Мюнхене были характерны несомненные черты садизма. Например, Густав Ландауэр, высокообразованный человек, министр просвещения первого Советского правительства, чей вид ученого еврея, видимо, вызвал раздражение у его палачей, был буквально затоптан до смерти во дворе тюрьмы в Штадельгейме. Причем эта расправа была учинена отнюдь не в припадке бешенства, а, скорее, выглядела как забава торжествующих победителей. О других сценах зверств с сексуальной окраской, жертвами которых были женщины — «спартаковские девки», со смаком описал в своей книге «Серьезное и веселое во время путча» тогдашний предводитель добровольческого отряда Манфред фон Киллинггер, позднее сделавший большую карьеру при Гитлере.

Другой особенностью майских дней 1919 г. в Мюнхене была та, что события носили характер чужого вторжения и оккупации. Добровольческие отряды из Пруссии чувствовали и вели себя как победители в покоренной стране. Они смотрели сверху вниз на мюнхенских рабочих, которые были им неприятны внешне, казались неряшливыми и чумазыми и к тому же говорили на непонятном диалекте. Возможно, это и было причиной инцидента, который наконец заставил издать распоряжение о прекращении произвольных расстрелов. 6 мая Союз католических подмастерьев под защитой «освободителей» решил провести собрание, на которое пришли двадцать один человек. Однако «освободители», обнаружив это скопление людей, тут же всех арестовали и, как практиковалось, не долго думая, расстреляли. Собрание молодых людей, явно рабочих, было сочтено «сборищем спартаковцев», а попытки насмерть перепуганных его участников разъяснить на ломанном диалекте, кто они такие, солдаты просто не поняли.

После этого инцидента расстрелы на месте понемногу прекратились. Дальнейшее «наведение порядка» стало задачей судов и трибуналов. Они тоже не церемонились с побежденными, и смертные приговоры посыпались градом.

Левине использовал суд, решавший его судьбу, для

того, чтобы умереть с честью. «Мы, коммунисты, — заявил он в своем последнем слове, — все смертники в отпуске. От вас, господа, зависит, продлите ли вы мне еще мой отпуск или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург». Через два часа он был расстрелян. Умер Левине со словами: «Да здравствует мировая революция!»

14. Немезида

Здесь страшное сейчас свершится.
Мир и потомки отрицать все будут.
Ты запиши все точно в протокол.

Гёте

В середине 1919 г. хребет революции в Германии был сломан. СДПГ управляла теперь буржуазным государством, а подлинным носителем власти была призванная самой СДПГ контрреволюция. Внешне позиции СДПГ выглядели блестяще — лучше, чем когда-либо в прошлом (а также и в будущем). Все руководящие посты в Германии, а также в Пруссии и Баварии принадлежали ей. Но власть СДПГ была внутренне пустой. В буржуазном государстве, ею восстановленном, она оставалась чужеродным телом. Для контрреволюционных добровольческих отрядов, с помощью которых СДПГ восстановила это государство, она оставалась врагом. А основу собственной власти эта рабочая партия разрушила, подавив революцию рабочих масс.

По существу, в течение всего этого периода СДПГ стремилась вернуться к октябрю 1918 г. Когда в октябре в кайзеровской империи была проведена парламентаризация, для партии это было пределом ее скромных желаний. Наконец ей удалось «врасти» в систему государства и руководства им; наконец истеблишмент государства и общества ухаживал за социал-демократией и даже заискивал перед ней. Досадная Ноябрьская революция временно нарушила эту идиллию, но теперь, когда революция была успешно преодолена, социал-демократическим вождям казалось, что идиллия восстановлена — если отвлечься от того обстоятельства, что над всем этим уже не восседал кайзер. Вновь, как и в октябре 1918 г., СДПГ в коалиции с прогрессистами и партией Центра управляла парламентарным государством. «Веймарская коалиция» была

не чем иным, как большинством старого рейхстага, — той самой коалицией, на которую в октябре 1918 г. опиралось правительство Макса Баденского.

И тем не менее все было иным. В октябре 1918 г. революция только еще предстояла, а теперь она прошла и потерпела поражение. Тогда буржуазные и феодальные классы испытывали страх, а теперь к ним вернулась былая уверенность в своих силах. Тогда им была нужна СДПГ, чтобы спасти их от капитуляции и задушить революцию. Теперь, когда она выполнила обе эти задачи, они уже не нуждались в ней, а если и нуждались, то лишь для того, чтобы найти в партии козла отпущения и мальчика для битья за поражение в войне и послевоенный хаос. С середины 1919 г. по Германии, говоря словами наиболее дальнорзоркого из тогдашних наблюдателей Эрнста Трельча, прокатилась «правая волна». Социал-демократы были названы «ноябрьскими предателями» и «политиками отречения», которые «нанесли германской армии удар кинжалом в спину».

Даже отношения СДПГ с ее партнерами в правительстве, партиями буржуазной середины, стали не те, что прежде. Перед октябрём 1918 г. в борьбе за парламентаризацию все три партии делали общее дело. Теперь партии демократов и Центра перестали быть соратниками СДПГ и превратились в надзирателей. Они следили, чтобы социал-демократы не обижали ни капиталистическую экономику, ни католическую церковь. Без абсолютного большинства в парламенте и без возможных союзников слева социал-демократы попали в зависимость от партий буржуазной середины. Сами же эти партии могли, если хотели, столь же хорошо сидеть в правительстве в союзе с правыми буржуазными партиями, которые, со своей стороны, имели выбор между парламентским блоком буржуазных партий и пактом с открытой контрреволюцией. Контрреволюция теперь обладала силой, а в глазах многих уже являла собой подлинную власть. С августа 1919 г. она создала свое Национальное объединение. То была группа заговорщиков, планомерно готовившая государственный переворот. Ее ведущими фигурами были Вольфганг Капп из Восточной Пруссии и организатор убийства Либкнехта и Люксембург капитан Пабст. За кулисами этого заговора стоял вернувшийся к тому времени из Швеции Людендорф.

Если с ноября 1918 до лета 1919 г. в Германии стоял вопрос, кто победит — революция или контрреволюция, то теперь вопрос стоял так: буржуазная реставрация или контрреволюция? (Через десять лет он будет поставлен уже так: какого рода контрреволюция?)

Ответ на этот вопрос зависел и от военных, и от политических деятелей. Рейхсвер численностью в четыреста тысяч человек, образованный в марте 1919 г. из добровольческих отрядов, был политизированной армией, стоявшей на стороне правых кругов. Как среди политических деятелей правой ориентации, так и среди военных были и осторожные консерваторы, и нетерпеливые путчисты. Одни были готовы согласиться с буржуазно-парламентским государством, с правительством буржуазного блока, другие же стремились к военному государственному перевороту и установлению диктатуры. Ни одной из этих группировок социал-демократы не были нужны. Некоторые готовы были допустить исключение лишь в отношении Носке.

В июле 1919 г., после подписания Версальского договора, Гинденбург и Грёнер, возглавлявшие прежнее Верховное командование, ушли в отставку⁷². С тех пор в рейхсвере занимались политикой не меньше, чем в Национальном собрании. Почти каждая воинская часть имела собственную политическую направленность, почти у каждого генерала были свои политические идеи. Постепенно двое из них стали ведущими фигурами обоих политических направлений в рейхсвере: Ганс фон Сект, начальник генерального штаба, стремившийся, по крайней мере для начала, выключить рейхсвер из сферы политики, и Вальтер фон Лютвиц, командующий первой войсковой группой, «отец добровольческих отрядов», уже в 1919 г. постоянно выдвигавший политические требования (например, запрет стачек и отмена пособий по безработице). Планы рейхсвера, направленные на установление диктатуры, с лета 1919 г. были постоянной темой для разговоров. Носке тоже неоднократно втягивался в подобные обсуждения, и роль, которую он при этом играл, была достаточно двусмысленной. Хотя он и отказывался стать диктатором в результате военного путча, он не предпринимал ничего против офицеров, делавших ему предложения такого рода. Нет также данных, что он информировал коллег-министров о непрекращающемся флирте с изменщиками. Все эти пла-

ны военного путча и диктатуры, возникшие во второй половине 1919 г., не получили дальнейшего развития главным образом потому, что стремившиеся к путчу офицеры не могли решить, кого провозгласить диктатором: кого-либо из собственных рядов? Носке? Каппа? Людендорфа? Не хватало достаточно авторитетного кандидата; Гитлера еще не было. К началу 1920 г. люди уже так привыкли к вечной болтовне о путче, что перестали принимать ее всерьез.

Вот тут-то дела и приняли серьезный оборот. 10 января 1920 г. вступил в силу Версальский мирный договор. Численность сухопутных войск Германии ограничивалась ста тысячами, а военно-морского флота — пятнадцатью тысячами человек. Это означало массовое сокращение личного состава рейхсвера, который в 1919 г. насчитывал четыреста тысяч человек. Так или иначе предстоял роспуск большинства добровольческих отрядов. Да в них и не было нужды: ведь они были сформированы не для обороны страны, а для подавления революции, и эту задачу они выполнили. Теперь они стали фактором беснокойства, угрозой для государства и правительства.

Но они отнюдь не были намерены позволить распустить их по домам. Точно так же и втянувшимся в политику генералам не хотелось терять инструмент своей политической власти. Во всяком случае, они собирались применить его прежде, чем их заставят от него отказаться. Так 13 марта 1920 г. произошла попытка военного государственного переворота, вошедшего в историю под названием капповского путча.

Наименование не отражает существа событий — так же, как название «спартаковская неделя», которое приписали революционным дням января 1919 г. в Берлине. Капп и его Национальное объединение сыграли в драме этих мартовских дней столь же жалкую второстепенную роль, как и Революционный комитет 53-х в январской трагедии предшествующего года⁷³. Тогда речь шла о стихийной акции масс, а теперь — о военном мятеже. Его руководителем был не Капп, а генерал фон Лютвиц. Поводом, давшим непосредственный толчок, было распоряжение Носке от 29 февраля 1920 г. о роспуске бригады морской пехоты, которой командовал Эрхардт.

Бригада Эрхардта в количестве пяти тысяч человек была добровольческим формированием, вначале состояв-

шим из офицеров и унтер-офицеров военно-морского флота. Затем в ее состав влились «балтийцы» — части германской армии, которые в 1919 г. сражались с большевиками в Латвии. Во время гражданской войны бригада использовалась в Берлине и Мюнхене. В военном отношении это было отборное соединение, в политике — экстремисты, враждебные правительству. Бригада выступала под черно-бело-красными знаменами и обычно использовала пароли и отзывы, высмеивавшие министров. С января 1920 г., когда генерал фон Лютвиц распорядился перевести бригаду на полигон в Дебериц под Берлином, на шлемах ее солдат в качестве эмблемы появилась свастика. И дух этого соединения уже в 1920 г. был, несомненно, духом будущих войск СС.

На распоряжение о роспуске от 29 февраля бригада уже на следующий день ответила большим парадом, на который министр рейхсвера не был приглашен. Во время парада генерал фон Лютвиц заявил: «Я не потерплю, чтобы в столь тревожное время у меня отбирали лучшую часть». Таким образом он открыто выразил неповиновение правительству, и в серьезности его намерений не приходилось сомневаться.

Некоторые офицеры его штаба испугались и в последующие дни пытались остановить или отвлечь Лютвица. Сначала они организовали его беседу с руководителями обеих правых партий парламента. Они как раз предприняли собственную политическую акцию, потребовав роспуска Национального собрания и проведения новых выборов в рейхстаг, создания кабинета «министров-специалистов» и немедленного всенародного избрания президента⁷⁴. Эти требования не выходили за рамки конституции, но в условиях «волны справа» могли привести к отстранению СДПГ от руководства государством. В ближайшие недели или месяцы предполагалось развернуть широкую пропагандистскую кампанию за эти требования, с которыми, естественно, правительственные партии не были согласны. Поэтому в данный момент путч был для правых партий совсем некстати. Лютвиц воспринял их требования, но не проявил готовности отказаться от планов государственного переворота, так как в отличие от них считал, что времени терять нельзя. Он не хотел допустить, чтобы начали расформировывать самые верные ему войска. Он чувствовал себя вынужденным действовать.

На снимке сверху: революционеры закрепились в газетном квартале. В течение нескольких дней они отражали здесь ожесточенные атаки правительственных войск.

На нижнем снимке: участники массовой демонстрации рабочих требуют усиления своего влияния, протестуют против попыток подорвать его.

На снимках сверху: Густав Носке, олицетворявший контрреволюцию. В начале январских событий Эберт назначил его главнокомандующим правительственными войсками. Штаб Носке разместился в Далеме – тихом берлинском пригороде и приступил к ускоренному формированию вокруг Берлина "добровольческих корпусов" для подавления революции.

Вверху: солдаты верных правительству подразделений на крыше Бранденбургских ворот в Берлине. Эберт, не колеблясь, дал приказ расстрелять революцию.

На снимке внизу: революционные солдаты, захваченные войсками правительства Эберта-Шейдемана, на пути к месту сбора пленных.

На верхнем снимке: пропагандистский митинг социал-демократов. Бои в Берлине еще не закончились, а СДПГ уже начала подготовку к выборам в Национальное собрание.

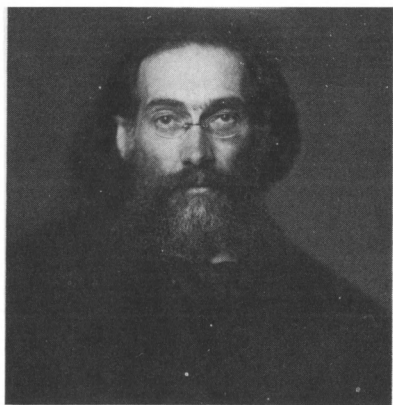
Внизу: 12 января верные правительству войска полностью контролировали положение в Берлине, заняв все стратегические пункты города.

На снимке: застава на Ганзабрюкке (надпись на щите: "Стой! При попытке пройти – расстрел на месте").

Премьер-министр Баварии Курт Эйсер (слева) в декабре 1918 г. в Берлине на всегерманской конференции представителей земельных правительств. Рядом с ним д-р Фридрих Мукле, временный посланник Баварии в Берлине. Пока был жив Эйсер, революция в Баварии протекала бескровно. В отличие от Эберта Эйсер ясно сознавал, что после войны необходимо решительно порвать с прежними порядками.

Густав Ландауэр.

Эрих Мюзам.

Эрнст Толлер.

Эрнст Никиш.

Рабочий и солдатский Совет под председательством Никиша. После убийства Эйснера Советы были единственной властью в Баварии.

Вверху: революционный почетный караул на Прайнерштрассе в Мюнхене, где 21 февраля 1919 г. был убит Эйсер.
Внизу: Евгений Левине, организатор компартии в Баварии, во время митинга на Обервизенфельд в Мюнхене.

“Добровольческий отряд” из Верденфельзена. Вместе с “добровольцами” из Пруссии и Вюртемберга эти войска участвовали в подавлении Баварской Советской республики. Выступившей против них революционной армией командовал поэт Эрнст Толлер.

Взятые в плен революционные рабочие. 2 мая было сломлено последнее сопротивление. После этого Мюнхен оказался во власти невиданного по размаху белого террора: в течение недели “победители” могли расстреливать без суда и следствия.

Ганс фон Сект.

Вальтер фон Лютвиц.

Эти генералы олицетворяли два главных политических крыла в рейхсвере, который был создан в марте 1919 г. на основе "добровольческих корпусов". Ганс фон Сект, начальник Генерального штаба, для начала считал необходимым "деполитизировать" рейхсвер. Вальтер фон Лютвиц, "отец добровольческих корпусов", хотел держать их в готовности для военного путча справа. 13 марта 1920 г. он стал инициатором капповского путча.

Герман Эрхардт, командир названного в его честь "добровольческого корпуса", считавшегося отборным воинским подразделением и сыгравшего решающую роль в разгроме революции. Наряду с Лютвитцем стал одной из главных фигур мартовских событий 1920 г. 13 марта его бригада заняла Берлин.

Вступление бригады Эрхардта в Берлин. Отданный 29 февраля приказ Носке о роспуске этого воинского формирования, занимавшего крайне правые позиции в политических вопросах (эмблемой этой части была свастика на каске), был поводом к началу капповского путча.

Вольфганг Капп, генеральный директор по вопросам землепользования в Восточной Пруссии, играл в драме этих мартовских дней второстепенную роль, хотя путч и вошел в историю под его именем. Капп был посвящен Лютовитцем в планы путчистов лишь после того, как бригада Эрхардта уже была в боевой готовности для марша на Берлин.

Походный лагерь бригады Эрхардта в Берлине. Утром 13 марта правительство, узнав о приближении "добровольческих корпусов", бежало из столицы, после того как генерал фон Сект отказался дать приказ рейхсверу о выступлении против бригады Эрхардта.

Вверху: порванные электропровода трамвайной линии на Александерплац. Всеобщая забастовка, провозглашенная бежавшим правительством, парализовала деятельность путчистского правительства на второй день его существования.

Внизу: стрельба на Паризерплац 18 марта при отходе бригады Эрхардта. Когда из толпы раздались крики неодобрения, солдаты недолго думая открыли по ней огонь.

В последующие дни вынужденность действий возросла, ибо Носке вывел бригаду Эрхардта из-под его командования и подчинил ее военно-морскому командованию, которое, как он рассчитывал, выполнит приказ о роспуске бригады. Лютвиц игнорировал это распоряжение, но перед тем, как решиться на крайние меры, по рекомендации своих штабных офицеров попросил о личной встрече с Эбертом. Эберт благодушно согласился принять мятежного генерала («Что же делать с этим старым чудаком?» — сказал он). В 18 часов 10 марта Лютвиц с большой свитой появился у Эберта, который в свою очередь пригласил на эту встречу Носке. Беседа завершилась полным крахом. «Запальчивым и резким тоном» Лютвиц потребовал проведения новых выборов и назначения «министров-специалистов» — требования, внушенные ему руководителями правых партий, — и, кроме того, своего назначения командующим рейхсвера и отмены приказов о роспуске воинских частей. Эберт и Носке отвергли эти требования. Эберт — по-отечески и с подробным объяснением; Носке — раздраженно и грубо: он ждет на следующее утро рапорта генерала об отставке. Стороны разошлись, возмущенные друг другом.

На следующий день рапорт об отставке подан не был. Вместо этого Лютвиц отправился в Дебериц к Герману Эрхардту и спросил, может ли его бригада в тот же вечер занять Берлин. На этот вопрос Эрхардту пришлось дать отрицательный ответ, поскольку ему был нужен день на подготовку. Но утром в субботу 13 марта бригада, по его словам, могла бы быть у Бранденбургских ворот. Так и было решено. Лютвиц отдал приказ о марше на Берлин, и Эрхардт начал готовиться к выступлению.

Лишь после этого Лютвиц привлек к мятежу группу заговорщиков из Национального объединения — Каппа, Пабста, Людендорфа и их сторонников. Их задача состояла в том, чтобы утром в субботу быть готовыми взять на себя функции правительства в Берлине. Такая спешка им не очень нравилась. Их собственные путчистские планы еще не вполне созрели, не была закончена организационная подготовка во многих частях страны, не установлен список министров. Но, поскольку день путча уже был назначен Лютвицем и Эрхардтом, Капп и его люди согласились. Теперь и они сами вынуждены были спешить, ибо в этот день было отдано распоряжение об их аресте, прав-

да, не осуществленное. Вместо того, чтобы арестовать заговорщиков, берлинская полиция направила им «предупреждения». Настроения в полиции были не в меньшей степени, чем в рейхсвере, проникнуты «истинным национальным духом».

На следующий день, в пятницу 12 марта, Берлин был полон слухов, даже берлинские вечерние газеты опубликовали сообщения о предстоящем путче бригады Эрхардта. Один только Носке не хотел верить в серьезность положения — во всяком случае, так он сам позднее объяснял свое поведение. Надо признать, что в истекшие девять месяцев уже не раз возникали путчистские планы, кончавшиеся ничем, распространялись слухи о путчах, которые затем не подтверждались. Тем не менее Носке принял меры предосторожности: он приказал подтянуть два полка полиции безопасности и полк рейхсвера к правительственному кварталу, чтобы при необходимости защищать его с оружием в руках. Носке полагал, что этих мер будет достаточно. Но его ждало жесточайшее разочарование.

В тот же вечер офицеры этих трех полков сговорились не выполнять приказа об охране правительственного квартала. Они согласовали с командирами всех остальных воинских частей, расположенных в Берлине и его окрестностях, решение, что ни один из них не будет повиноваться соответствующим приказам, и для верности заручились также согласием Секта, который хотя и не располагал прямой командной властью, но как начальник Генерального штаба, естественно, пользовался большим авторитетом в военных кругах. Он выразил свое согласие словами, что, разумеется, не уместно «устраивать между Берлином и Потсдамом полевые учения со стрельбой боевыми патронами». Легенда позднее придала этому развязному выражению (так и слышится, что оно было произнесено в нос, тоном застольных офицерских анекдотов) более строгую форму: «Рейхсвер не стреляет в рейхсвер».

В действительности же рейхсвер вполне был готов стрелять по своим: как раз в этот вечер в 22 часа капитан Эрхардт отдал своей бригаде приказ «в боевом порядке выступить на Берлин, беспощадно подавить любое сопротивление и занять центр города со зданиями министерств». Перед вступлением в Берлин он еще раз разъяснил подчиненным: «Если дело дойдет до схватки с войсками, охраняющими правительственный квартал, то действовать

твердо и решительно». Таким образом, мятежная часть рейхсвера была готова стрелять по своим. Не готовы к этому были лишь те подразделения рейхсвера, задачей которых было свергнуть правительство силой; другая же его часть не хотела это правительство защищать. И то и другое было бунтом. В ночь с 12 на 13 марта 1920 г. Эберт и Носке обнаружили, что брошены своими войсками на произвол судьбы — так же, как был брошен своими войсками кайзер Вильгельм II 9 ноября 1918 г.

Эта ночь оказалась богатой событиями. С 22 часов бригада Эрхардта двигалась маршем на Берлин, выставив боевые охранения, с штурмовым снаряжением и гранатами на поясе, словно речь шла о наступлении на вражескую территорию в военное время. Через час о движении бригады стало известно командованию группы войск в Берлине. Носке доложили об этом по телефону. Два генерала — фон Овен и фон Ольдерсхаузен — в качестве представителей командования выехали бригаде навстречу якобы для того (так они объяснили позднее, после провала путча), чтобы в последнюю минуту уговорить Эрхардта отказаться от своих намерений. В действительности же это, видимо, была последняя попытка посредничества между Эрхардтом и Носке. Они с трудом пробились к Эрхардту и убедили его, чтобы, перед тем как арестовать правительство, он дал ему возможность объявить о своей капитуляции, то есть о принятии до 7 часов утра требований Лютвица. До этого часа его войска должны ждать, выстроившись у Зигесзойле. Затем оба генерала опять позвонили по телефону Носке, который в свою очередь вскоре после полуночи посетил Эберта и информировал его об ультиматуме Эрхардта. Эберт на 4 часа утра созвал заседание кабинета в имперской канцелярии, а Носке — на 1 час ночи своих командиров в помещении министерства рейхсвера на Бендлерштрассе.

На этом совещании Носке потребовал обеспечить защиту министерств — но тщетно. Все присутствовавшие генералы и штабные офицеры, за исключением двух, отказались выполнять приказ правительства об открытии огня. Фон Овен и фон Ольдерсхаузен рекомендовали вступить в переговоры с Эрхардтом. Остальные пытались отделаться отговорками: солдаты-де не поймут необходимости стрелять по своим; или: правительственные войска уступают бригаде Эрхардта по боевым качествам. Сект пустился в

рассуждения о боевом товариществе и утверждал, что в любом случае было бы лучше, если бы Эрхардт увидел перед собой равнодушный рейхсвер, чем если бы он «вошел в Берлин в качестве победителя битвы у Бранденбургских ворот». С горечью Носке подвел итог дискуссии: «Вы явно не хотите сражаться». Когда на это не последовало возражений, он воскликнул: «Так что же, никто меня не поддержит?» Офицеры промолчали. Сломленный духом Носке в 4 часа утра прибыл в имперскую канцелярию и сообщил правительству, что оно осталось без защиты. Своему адъютанту он намекнул о самоубийстве.

Заседание кабинета невыспавшихся министров протекало беспорядочно. Все кричали и перебивали друг друга. Председательствовавший Эберт безуспешно пытался добиться хоть какого-нибудь порядка. Тем не менее это охваченное паникой собрание приняло два важных решения: во-первых, бежать из Берлина; во-вторых, призвать к проведению всеобщей забастовки.

Оба решения были приняты отнюдь не единогласно. В эту ночь за всеобщим возбуждением и сумятицей не сразу обнаружился возникший раскол между социал-демократами и их буржуазными партнерами по коалиции, который назревал уже давно. Вице-канцлер от демократической партии Шиффер, а с ним несколько буржуазных министров отказались покинуть Берлин вместе с Эбертом и остальными членами правительства. Он не хотел полностью сжигать мосты между собой и мятежниками. Но главное в том, что под призывом к всеобщей забастовке стояли лишь подписи Эберта и министров социал-демократов. Министры от буржуазных партий не хотели участвовать в этом деле.

Конечно, этот призыв был сильным средством. Даже для социал-демократов он означал небывало крутой поворот в политике. Охваченные отчаянием, они неожиданно вновь заговорили языком той революции, которую они год назад потопили в крови с помощью тех же войск, которые теперь угрожали их собственной безопасности. Призыв гласил:

«Рабочие! Товарищи! Не для того мы совершили революцию, чтобы сейчас вновь подчиниться кровавому режиму ландскнехтов. Мы не пойдем на соглашение с преступниками из Прибалтики... На карту поставлено все! Поэтому необходимы самые решительные меры защиты...

Прекратите работу! Бастуйте! Пусть этой реакционной клике нечем будет дышать! Всеми средствами боритесь за спасение республики! Забудьте все споры! Есть лишь одно средство против диктатуры Вильгельма II — парализация экономической жизни! Пусть не двинется ни одна рука! Пролетарий не должен служить военной диктатуре! Всеобщая забастовка везде и повсюду! Пролетарии, соединяйтесь! Долой контрреволюцию!»

Этот призыв, принятый социал-демократическими министрами без согласия их буржуазных коллег, был написан во время заседания начальником отдела печати правительства, который карандашом поставил под его текстом имена Эберта и социал-демократических министров. Лишь канцлер Бауэр успел собственноручно подписать этот документ, у остальных уже не было времени. В 6 часов 15 минут утра заседание кабинета было прервано, и министры бросились в стоящие наготове автомашины — всего за десять минут до того, как колонны Эрхардта с хриплыми песнями прошли через Бранденбургские ворота, у которых их ожидала группа лиц как военных в мундирах, так и гражданских в визитках и цилиндрах. Это были Лютвиц, Людендорф и Капп с их свитой. Когда Капп и его люди заняли имперскую канцелярию, чтобы объявить о создании нового правительства «порядка, свободы и действия», они обнаружили еще теплые стулья, на которых сидели их предшественники.

В течение одного дня, субботы 13 марта 1920 г., казалось, что государственный переворот увенчался успехом. Нигде никаких признаков вооруженного сопротивления. Войска берлинского гарнизона и полиция, весь военно-морской флот, командование сухопутных войск Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурга и Силезии по всей форме объявили о переходе в подчинение новому, самозванному верховному командующему Лютвицу и его рейхсканцлеру Каппу. Баварский рейхсвер воспользовался возможностью, чтобы по собственной инициативе свергнуть социал-демократическое земельное правительство в Мюнхене и заменить его новым — пресловутым правительством Кара, при котором набрался сил Гитлер и которое продержалось до ноября 1923 г., когда произошел второй путч, на этот раз уже бывший делом рук Гитлера. В остальной Германии командующие военными округами официально не высказались ни «за» ни «против» Каппа и Лютвица.

Однако их нейтралитет не был искренним — они лишь выжидали окончательного успеха мятежников. В душе все они симпатизировали «новому правительству», и многие командующие войсками на местах открыто проявляли свои симпатии. Такой же была позиция высших чиновников: внешне выжидающая и нейтральная, а в душе у большинства — преисполненная симпатии. Позднее стали утверждать, будто Капп и Лютвиц потерпели крах из-за сдержанности чиновничьей бюрократии в министерствах. Но это может только вызвать улыбку. Гражданский и военный государственный аппарат (не считая «ультранациональных» восточных провинций, где чиновники все как один пошли за Каппом и Лютвицем) в лучшем случае проявлял кое-где некоторую осторожность и медлительность, но был повсюду полностью готов, как обычно, «выполнять свой долг» под руководством «нового правительства», если бы обстановка стала складываться в пользу пучкистов.

Тем временем «старое правительство» оказалось в весьма щекотливом положении, ведя жизнь изгнанников. Управлять оно уже не могло: у сбежавших министров не осталось никакого аппарата, даже секретарш, ничего, кроме собственной персоны. Сначала они направились в Дрезден, где военным округом командовал генерал Меркер, который при Носке отличился «завосованием городов», охваченных революцией. Правительство надеялось, что при нем оно будет в безопасности. Однако Меркер уже утром в субботу получил по телеграфу приказ из Берлина в случае прибытия министров взять их под «превентивный арест». Он был вполне готов выполнить приказ, но был настолько вежлив, что заверил свое начальство, будто намерен арестовать его исключительно в интересах его безопасности. Удержать генерала от осуществления этого намерения удалось не министрам, а руководителю Немецкой народной партии Хейнце, который случайно оказался в Дрездене. Но позднее в тот же день, с возмущением прочитав призыв социал-демократов к всеобщей забастовке, генерал вновь явился с намерением все же арестовать правительство. Чтобы еще раз переубедить его, министрам пришлось дать торжественные заверения, что их фамилии были помещены под этой «писаниной» без их согласия. Но в третий раз Эберт и Носке решили не испытывать судьбу. После второго свидания с Меркером «старое правитель-

ство» предпочло убежать подальше. В тот же вечер оно выехало в Штутгарт, где военные пока что сохраняли спокойствие. Но и там прошло несколько дней, прежде чем командующий местным гарнизоном официально заявил о своей верности законному правительству. Это произошло лишь после того, как всеобщая забастовка сделала свое дело, и Капп с Людвицем оказались обреченными на поражение.

Всеобщая забастовка, которая с большим размахом началась в Берлине уже в воскресенье 14 марта, в понедельник охватила всю Германию и вскоре полностью парализовала правительство путчистов, была самой мощной в истории Германии. Вся страна замерла. Стали поезда, трамваи в городах, перестала работать почта, не выходили газеты. Все заводы закрылись. Прекратилась работа в учреждениях: низшие чиновники бастовали, а высшие были лишены возможности выполнять какую-либо работу в своих ведомствах. В Берлине отключили воду, газ, электричество. За питьевой водой люди вставали в длинную очередь у старинных колодцев и насосов.

Уже на второй день из-за всеобщей забастовки правительство путчистов в Берлине было лишено всякой возможности управлять. Была нарушена всякая связь между столицей и периферией. Да и в самом Берлине население быстро вышло из-под контроля военных и бюрократов. У «нового правительства» оказались перерезанными жилы и голосовые связки, государственная машина крутилась на холостом ходу.

Даже с местными воинскими частями связь поддерживалась только через курьеров и фельдъегерей. Напрасно Капп и его сотрудники сочиняли успокоительные обращения с призывом возобновить работу, напрасно обещали провести новые выборы, напрасно издали декрет о смертной казни за руководство забастовкой и напрасно вновь его отменили. Информация обо всех этих мерах не выходила за пределы правительственного квартала в Берлине. После трех дней всеобщей забастовки правительство путчистов в Берлине оказалось столь же беспомощным, как и беглое правительство в Штутгарте. Власть и того, и другого не распространялась дальше порога их кабинетов.

В ходе недельной генеральной забастовки с 14 по 21 марта 1920 г. германский пролетариат вновь повторил подвиг, который он совершил в течение революционной

недели с 4 по 10 ноября 1918 г. Сходство между этими двумя грандиозными событиями потрясающее. Как и тогда, повсюду в Германии происходило одно и то же — без общего плана и централизованного руководства, в силу стихийной солидарности мыслей и чувств. Как и тогда, действия масс носили не социалистический, а демократический и антимилитаристский характер. Всеобщая забастовка, как и тогда революция, была направлена против военной диктатуры и должна была помочь гражданскому правительству в борьбе с военщиной. Как и тогда, большинство забастовщиков были социал-демократами. Только социал-демократические министры призвали к забастовке. «Независимые» сначала отказались примкнуть к забастовке. («СДПГ обращалась с нами как с собаками, — заявил один из их лидеров НСДПГ Криспин, выступая на собрании руководства берлинских профсоюзов 13 марта, — так пусть же не требует, чтобы мы теперь все забыли.») Руководство КПП в Берлине, возглавлявшееся тогда Эрнстом Рейтером, который много лет спустя станет бургомистром Западного Берлина в период «берлинской блокады», в этот день выпустило воззвание *против* забастовки: «Мы не пошевелим и пальцем, чтобы спасти позорно провалившееся правительство убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург!» Но все это не возымело никакого действия: члены НСДПГ и КПП как один присоединились к забастовке, и партийным вождям в конце концов не осталось ничего иного, как последовать примеру рядовых членов партии. Теперь, когда настал миг правды, контрреволюция предстала без маски, а СДПГ вновь заговорила языком революции, для рабочих масс, казалось, потеряло значение все, что произошло после 9 ноября 1918 г. Казалось, еще раз пробил час социалистического единства. Даже тем, что воссоединение социалистических партий воспринималось как нечто само собой разумеющееся, массовое выступление в марте 1920 г. также походило на события ноября 1918 г.

В Саксонии, Тюрингии и особенно в Рурской области забастовка за неделю переросла в вооруженное восстание. Повод к этому дали командующие местными гарнизонами рейхсвера, которые «встали на сторону нового правительства», подняли на зданиях казарм черно-бело-красные флаги и арестовывали пикетчиков. Они натолкнулись на сопротивление; местные перестрелки вырастали в столк-

новения и уличные бои, исход которых был различен. Возобновилась гражданская война весны 1919 г., но на этот раз соотношение сил было иным. Тогда добровольческие отряды олицетворяли правительственную власть, теперь же они представляли мятежников. Тогда сражающимся рабочим нередко не хватало единства и уверенности в себе, а теперь это скорее можно было сказать об их противниках из военного лагеря. Тогда сражающиеся рабочие были изолированы в том районе, где в данный момент вспыхивали бои, и им не от кого было ждать помощи, теперь же благодаря всеобщей забастовке за их спиной была вся страна. Но главным было то, что теперь они сражались с гораздо более яростной решимостью, озлоблением и отчаянием, чем год назад. За это время они узнали, что такое белый террор, и узнали, что их ждет в случае поражения. Революция, которая в марте 1920 г. «вновь распрямилась, сверкая оружием», и снова вступила в одинажды уже проигранный бой, уже не отличалась тем благодушием, которое было характерно для победного настроения ноября 1918 г.

Тем не менее в Саксонии и Тюрингии военные в конечном счете одержали верх после кровавых боев, шедших с переменным успехом. Но в Рурской области произошло военное чудо. После первых победных боев импровизированная «Красная армия» лавиной покатила по бассейну. 17 марта она захватила Дортмунд, 18-го — Гамм и Бохум, 19-го — Эссен. После этого командование военного округа в Мюнстере отдало распоряжение об отступлении деморализованных гарнизонов также из Дюссельдорфа, Мюльгейма, Дуйсбурга, Гамборна и Динслакена. К концу забастовочной недели вся Рурская область оказалась во власти вооруженных рабочих.

Но именно этот неожиданный рост возобновившейся революции стал для нее роковым. Разумеется, правительство Каппа спасти было невозможно из-за всеобщей забастовки, это уже через пару дней стало ясно военным зачинщикам путча. Однако страх перед революцией, которая считалась окончательно побежденной, а теперь вдруг снова подняла голову, за несколько дней вновь объединил стороны, противостоявшие друг другу 13 марта. В борьбе с революцией и буржуазное государство, и участники военного мятежа быстро нашли путь к согласию. Вскоре и СДПГ влилась в этот единый фронт, вторично предав революцию.

13 марта Капп распорядился подвергнуть превентивному аресту оставшегося в Берлине вице-канцлера Шиффера и министров правительства Пруссии, однако уже на следующий день — тем временем началась всеобщая забастовка — они вновь были на свободе, а еще через день были начаты переговоры. К ним подключились лидеры обеих правобуржуазных партий, Оскар Хергт и Штреземан, и при этом инстинктивно проявилась общность всех четырех буржуазных партий. Все они были согласны с тем, что главной опасностью теперь является «большевизм», а главной задачей — «завоевание» на свою сторону офицерского корпуса. Вице-канцлер Шиффер высказал то, что было у всех на уме, когда заявил о нежелательности свержения Каппа и Лютвица в результате «бунта» их войск или из-за генеральной забастовки: и то и другое ведет к «большевизму». Наоборот, Каппа и Лютвица следовало бы побудить к добровольной отставке, а для этого надо облегчить им путь к отступлению. В эти дни в Берлине втихомолку уже возникла коалиция четырех буржуазных партий — буржуазный блок, — которая несколькими месяцами позднее возглавит правительство Веймарской республики и с небольшими перерывами будет править вплоть до ее падения. Компромисс с военными мятежниками, в результате которого путч Каппа наконец был ликвидирован без победителей и побежденных, такова первая политическая акция этого блока.

За добровольный уход со сцены Каппа и Лютвица четыре партии, получив также согласие нескольких оставшихся в Берлине социал-демократических деятелей, предложили провести новые выборы, реорганизовать правительство и амнистировать всех участников путча. Мятежники вели себя как азартные картежники. Сначала они отозвали только Каппа, который и так, по их оценке, проявил себя полным нулем. Лютвиц еще в течение дня пытался остаться военным диктатором. Но затем он обнаружил, как за несколько дней до этого Носке, что покинут своими подчиненными. Эти военные теперь тоже считали, что пора восстановить единый фронт борьбы с «большевизмом». Они предложили вице-канцлеру Шифферу, который исполнял теперь в Берлине обязанности главы правительства — номинально все еще от имени веймарской коалиции, а фактически уже при поддержке четырех буржуазных партий, — назначить генерала фон Секта главно-

командующим рейхсвера, что Шиффер и сделал от имени Эберта.

Все переговоры велись в самой дружеской форме. Главным представителем мятежников был убийца Либкнехта и Люксембург капитан Пабст, которого Лютвиц еще 13 марта произвел в майоры (это производство никогда не было отменено). Когда он явился к Шифферу 16 марта вечером для переговоров, тот для начала предложил ему отужинать. «Так возникла атмосфера, которая не совсем соответствовала серьезности положения, но оказала благотворное влияние», — писал позднее в своих заметках вице-канцлер. Когда два дня спустя Пабст принес ему прошение Лютвица об отставке, которое было немедленно принято Шиффером от имени рейхспрезидента с обещанием сохранить право на пенсию, Шиффер посоветовал Пабсту, а также Лютвицу скрыться до того времени, пока вопрос об амнистии не будет урегулирован Национальным собранием. «Шиффер даже предложил снабдить обоих фальшивыми паспортами и деньгами, однако Пабст, поблагодарив, отказался. Поддельные паспорта путчисты уже получили от своих друзей в полицей-президиуме». Об этом сообщает Иоханнес Эргер в своей новой, вскрывающей ряд деталей работе «Путч Каппа—Лютвица», опираясь на совпадающие свидетельства обоих участников этих событий.

С Эрхардтом обошлись еще лучше, чем с Пабстом и Лютвицем. Новый командующий рейхсвером Сект после беседы с Эрхардтом издал приказ от 18 марта, в котором отметил похвальную дисциплинированность бригады, признал, что она действовала с верой в то, что «служит интересам отечества», а 19 марта в письменном виде «заверил Эрхардта, что, пока тот командует бригадой, ему нечего опасаться ареста» (Эргер). Лишь после этого бригада строем покинула Берлин, так же, как входила в него, — с песнями и развевающимися знаменами. Когда собравшаяся у Бранденбургских ворот враждебно настроенная толпа осмистала солдат, те, не долго думая, дали по ней несколько пулеметных очередей. Это был их прощальный привет красному Берлину. На мостовой Парижской площади остались лежать двенадцать убитых и тридцать тяжело раненных.

Теперь имперское правительство могло вернуться из Штутгарта в Берлин. Его первой заботой было окончание еще продолжавшейся генеральной забастовки; второй —

разоружение Красной армии, все еще державшей под своей властью Рурскую область. Министры социал-демократы, которые в час беды вновь обратились за помощью к революции и действительно были спасены ею, опять вернулись к своей старой роли фигового листка контрреволюции. Профсоюзным вождям, тянувшим с окончанием всеобщей забастовки, они все еще давали обещания, невыполнимость которых была уже ясна, как, например, суровое наказание участников путча, или которые они не собирались выполнить, как, например, включение рабочих в состав сил безопасности. К красноармейцам Рура они обратились с ультиматумом о сдаче оружия в кратчайший срок. Затем осуществление этой меры было возложено на рейхсвер, который «вновь признал конституцию». Видимо, не без умысла рейхсвер выделил для этой цели главным образом части, восставшие против правительства под руководством Каппа и Лютвица, в том числе добровольческие корпуса Эппа, Пфёффера, Лютцова, Лихтшлага и Росбаха, а также бригаду морской пехоты Левенфельдта, аналогичную бригаде Эрхардта. Теперь им всем была дана возможность проявить свою лояльность. О том, как они это сделали, свидетельствует письмо военнослужащего из бригады Эппа:

«В резервный лазарет 1, палата 9
Вишерхефен, 2 апреля 1920 г.

Дорогие сестрички и товарищи по палате!

Наконец-то я добрался до своей роты. Вчера утром прибыл в часть, а в час полудни мы уже пошли в первую атаку. Если все вам написать, подумаете, что это ложь. Пощады здесь не даем вообще никому. Даже раненых пристреливаем на месте. Настроение великолепное, почти невероятное. У нас в батальоне двое убитых. А у красных — двести-триста. Каждого, кто попадает нам в руки, приканчиваем прикладом и добиваем пулей. В течение всего боя я думал о палате «А», это потому, что мы на месте расстреляли также десять сестер Красного Креста, у каждой из которых был пистолет. С радостью мы палили по этим стервам, хотя они плакали и просили оставить их в живых. Не тут-то было! Всякий, при ком найдено оружие, — наш враг и должен погибнуть. С французами на поле боя мы обходились гораздо гуманнее. А как у вас дела в лазарете? Население дает нам все. В закусовых нередко предлагают бесплатно поесть всему взводу. Мой адрес: старший

егерь Макс Циллер, студент, 11-я рота, бригада Эппа, почтовое отделение Роков в Вестфалии».

Так завершился капповский путч: убийствами и казнями, которым подвергло своих спасителей правительство, все еще руководимое социал-демократами, причем в роли карателей выступали те, от кого приходилось спасать правительство.

Но СДПГ пришлось и самой предстать перед судом своих сторонников. Новые выборы, обещанные путчистам, уже невозможно было отложить. В апреле Национальное собрание было распущено, а 6 июня избран новый рейхстаг. Эти выборы стали расплатой для СДПГ за великое предательство ею дела революции, вновь столь наглядно подтвержденное после капповского путча. Она сразу потеряла более половины своих сторонников.

В январе 1919 г. на выборах в Национальное собрание за СДПГ проголосовало двенадцать с половиной миллионов избирателей, теперь — лишь пять с половиной миллионов человек. Крах СДПГ лишил веймарскую коалицию большинства в парламенте, притом навсегда. Началась эпоха правительства буржуазного блока, длившаяся до конца Веймарской республики и возобновившаяся после создания в Бонне Федеративной Республики Германии.

Звездный час СДПГ, которого ждали полвека, пришел и прошел. С той поры минуло еще полвека, а этот час вновь так и не наступил. «Что упущено в мгновенье, не вернуть того вовек».

15. Три легенды

Пожалуй, ни об одном историческом событии не лгали так много, как о революции 1918 г. в Германии. Особенно живучими и прямо-таки неискоренимыми оказались три легенды.

Первая особенно широко распространена среди немецкой буржуазии также и в наши дни. Она попросту отрицает революцию. То и дело приходится слышать разговоры, что настоящей революции в Германии 1918 г. так и не было. Все, что тогда произошло, в действительности было лишь крахом существующего порядка. Лишь из-за временного ослабления власти в момент поражения матросский мятеж был сочтен за революцию.

Насколько ошибочны и слепы подобные утверждения, сразу видно из сравнения событий 1918 и 1945 гг. Вот в 1945 г. действительно имел место только крах всего существующего.

Конечно, в 1918 г. матросский мятеж дал толчок революции, но именно только толчок. Это-то и было из ряда вон выходящим: обычный матросский мятеж в первой неделе ноября 1918 г. вызвал землетрясение, поколебавшее всю Германию: поднялись вся тыловая армия, весь городской пролетариат, а в Баварии еще и часть сельского населения. Но это восстание уже не было просто мятежом; это была подлинная революция. Речь шла не только об отказе выполнять приказы, как это случилось 29 и 30 октября на морских кораблях, стоявших на рейде Шиллинг. Речь шла о свержении господствующего класса и преобразовании государства. А что такое революция, если не это?

Как всякая революция, эта тоже свергла старый строй, заменив его зачатками нового строя. Она была не только разрушительной, она была и созидательной. Ее творением были рабочие и солдатские Советы. Конечно, при этом не все шло гладко и ровно, новый строй не сразу действовал столь же четко, как свергнутый старый, были и нежелаемые, и комичные явления — но какая революция протекала иначе? Столь же естественно и то, что революция разразилась в момент слабости и позора старого строя и отчасти обязана победой именно этой слабости.

С другой стороны, необходимо отметить как особую заслугу Ноябрьской революции 1918 г. в Германии ее самодисциплину, добродушие и человечность. Это тем более примечательно, что революция почти повсюду была стихийным делом масс, лишенных руководства. Подлинным героем революции были массы — дух времени очень точно уловил это: не случайно немецкое театральное искусство и кино в те годы достигли особых высот в изображении великодушных массовых сцен, не случайно знаменитая тогда революционная драма Эрнста Толлера была названа «Человек-масса». С точки зрения подвига революционных масс ноябрь 1918 г. в Германии не уступает ни июлю 1789 г. во Франции, ни марту 1917 г. в России.

О том, что революция в Германии не была фантазией или плодом больного воображения, а была живой и здоровой реальностью, имеется, наконец, еще одно свидетельство: те реки крови, которые были пролиты в первом по-

лугодии 1919 г., чтобы ее разгромить и повернуть вспять.

Кто разгромил революцию? На этот счет не может быть сомнений: это было руководство СДПГ, это был Эберт со своей командой. Нет сомнений и в том, что руководители СДПГ, чтобы разгромить революцию, сначала возглавили ее и тем самым предали. Говоря словами неподкупного и знающего свидетеля Эрнста Трельча: руководители СДПГ, «чтобы оказать воздействие на массы, удочерили революцию как свое родное, долгожданное дитя, хотя они не только не совершили ее, но и считали, со своей точки зрения, преждевременно рожденной и уродливой».

Здесь очень важно быть точным, здесь каждое слово имеет значение. Верно, что руководители СДПГ не совершили революцию и не желали ее. Но неточно было бы повторять за Трельчем, что они только «удочерили» ее. Они не только «удочерили» революцию, она действительно была их собственным, долгожданным ребенком. Ведь они в течение пятидесяти лет проповедовали и обещали ее. И хотя это «родное, долгожданное дитя» стало теперь для СДПГ нежеланным, партия была и осталась его родной матерью, а убив его, стала детоубийцей.

И как всякий детоубийца, СДПГ пыталась оправдаться, утверждая, что то был мертворожденный ребенок или выкидыш. В этом — корни второй большой легенды относительно революции в Германии: будто это была не та революция, которую на протяжении пятидесяти лет провозглашали социал-демократы, а большевистская революция, импортированная из России, и будто СДПГ оградила и спасла Германию от «большевистского хаоса» (между прочим, выражение «большевистский хаос» само по себе является терминологической ложью; большевизм, что бы о нем ни говорили, — это противоположность хаоса).

Революция 1918 г. не была импортирована из России, а выросла на германской почве. И то была не коммунистическая, а социал-демократическая революция — именно та революция, которую на протяжении пятидесяти лет предсказывала и требовала СДПГ, к которой она готовила миллионы своих сторонников, выдавая себя на всем протяжении своего существования за орган такой революции.

Это легко доказать. Революцию осуществила не многочисленная и организационно слабая группа «Спартак», ее совершили миллионы рабочих и солдат, являвшихся социал-демократическими избирателями. Правительство,

которого требовали эти миллионы — еще в январе 1919 г. и, как прежде, в ноябре 1918 г., — было не правительством спартаковцев или коммунистов, а правительством воссоединенной социал-демократической партии. Конституция, к которой они стремились, не должна была предусматривать диктатуру пролетариата. Господствующим классом должен был стать пролетариат, а не буржуазия, но он хотел править на основе демократии, а не диктатуры. Отстраненные от власти классы и их партии должны были получить право голоса в парламенте — примерно так же, как имели право голоса в парламенте социал-демократы во времена вильгельмовской империи.

Методы этой революции — возможно, ей же во вред — тоже были какими угодно, но только не большевистскими и не ленинскими. Если говорить точнее, они были даже не марксистскими, а лассальянскими: решающим рычагом власти, овладеть которым стремились революционные рабочие, матросы и солдаты, была для них не собственность на средства производства, что соответствовало бы марксистскому учению, а государственная власть. Так они, говоря словами социал-демократической боевой песни, вступили «на путь, которым нас вел Лассаль».

В соответствии с требованиями предтечи социал-демократии Фердинанда Лассалья, которые он выдвинул в 60-е годы XIX в., революционные массы стремились овладеть государственной, а не экономической властью. Они захватывали не фабрики, а ведомства и казармы. В качестве «народных уполномоченных» они выбирали социал-демократических вождей.

И эти вожди, приняв из рук революции государственную власть, использовали ее для кровавого подавления той же революции — их собственной, долгожданной, наконец ставшей реальностью революции. С самого начала Эберт пытался сделать то, чего напрасно добивался кайзер, — натравить возвращающиеся с фронта войска на революционных рабочих. А когда это ему тоже не удалось, он, не колеблясь, пошел еще дальше — вооружил самых заклятых воинствующих контрреволюционеров, врагов буржуазной демократии, да и собственных врагов, предшественников фашизма в Германии, и поднял их на борьбу со своими ничего не подозревавшими сторонниками.

Это факт: то, что СДПГ утопила в крови и от чего она, если хотите, «избавила», или «спасла», Германию, было

не коммунистической, а социал-демократической революцией. Социал-демократическая революция, которая произошла в Германии в 1918 г., была, как предсказал и надеялся принц Макс Баденский, за неделю до 9 ноября «задушена», утоплена в собственной крови. Но это было сделано не руками принцев и монархов, свергнутых ею, а руками ее собственных вождей, которых она с полным доверием поставила у власти. Она была подавлена самым жестоким, беспощадным образом, притом не с фронта, не в честном бою, а с тыла, путем предательства.

Не важно, чью сторону при этом занимаешь, сожалешь ли о конечном результате, или приветствуешь его: каждому ясно, что эти события обрекли на вечный позор имена Эберта и Носке. Прошли десятилетия, но два приговора, высказанные в ту пору и скрепленные всей жизнью тех, кто их произнес, до сих пор звучат, как живые. Франц Меринг, ветеран социал-демократии и ее историограф, сказал в январе 1919 г. перед своей смертью от разрыва сердца: «Столь низко не опускалось еще ни одно правительство». А Густав Ландауэр произнес, прежде чем погибнуть от рук — а точнее говоря, под сапогами — солдатни добровольческих отрядов Носке: «Я не знаю за всю историю жизни на земле более омерзительного существа, чем социал-демократическая партия».

Эберт и Носке не становятся симпатичнее от того, что они были не крупномасштабными негодьями, а скорее мелкими обывателями. Чудовищность их исторических дел не соответствует характеру их личности. Исследуя мотивы их поступков, не находишь ничего демонического или сатанинско-величественного, а только банальности: любовь к порядку и мелкобуржуазный карьеризм. Можно вполне поверить, что они искренне ненавидели и почти панически боялись того беспорядка, который неизбежно является спутником любой революции, хотя поразительно, почему они не испытывали такого страха перед не меньшими по масштабам — но более кровавыми — беспорядками контрреволюции. Но, видимо, еще глубже, чем страх перед беспорядком, сидела в них спесь мещанина, перед которым неожиданно открылись двери в великосветское общество и который, более того, услышал, что свет просит его о помощи. Тот факт, что буржуазные коллеги по парламенту неожиданно начали с уважением относиться к тем, кого когда-то считали «безродным сбродом», что

такие люди, как Грёнер и принц Макс Баденский, стали проявлять к ним лестное доверие и даже кайзер с Гинденбургом милостиво снисходили до общения с ними, что все те, кого прежде боялись и кому завидовали, теперь, оказавшись в беде, видели в Эберте и его партии свою последнюю надежду на спасение, — все это вызвало в удостоенных столь высокой чести теплую волну доверчивой и гордой преданности, во имя которых они готовы были на любую жертву, даже если это будут тысячи людских жизней. Они радостно припесли в жертву тех, кто им верил и шел за ними, во имя тех, кто одарил их своей благосклонностью. Ужасное творилось с верноподданным, подобострастным простодушным холоуя.

При этом Эберт столь же слепо доверял генералам, принцам и крупным буржуа, «вложившим в его руки судьбу германской империи», сколь слепо верили ему вершившие революцию социал-демократические рабочие, матросы и солдаты. И те, кому он оказал услугу своим предательством, предали его после того, как он сделал свое дело, точно так же, как он сам предал революцию. Средство, которое они избрали для этого, было третьей из трех больших легенд о революции в Германии: легендой об ударе кинжалом в спину.

Утверждение, что социал-демократическая революция виновна в поражении Германии, что она «нанесла удар кинжалом в спину победоносному фронту», было публично высказано Гинденбургом и Людендорфом сразу после того, как Эберт и Носке завершили подавление революции, и в течение четверти века принималось на веру немецкой буржуазией.

Это утверждение само по себе наносило удар кинжалом — удар в спину социал-демократическим вождям, которым кайзеровская Германия в октябре—ноябре 1918 г. приписала свое поражение и доверила свое спасение. (Людендорф заявлял: «Теперь сами расхлебывайте этот суп...»)

Лояльно признав свою ответственность за поражение (Эберт, обращаясь к возвращающимся с фронта войскам, сказал: «Ни один враг не смог победить вас...») и, словно верный пес, положив к ногам немецкой буржуазии бездыханное тело революции, эти вожди получили в вознаграждение легенду об ударе кинжалом в спину. В последующие годы Эберта самого буквально затравили до смерти

бесконечно повторяемым обвинением в измене родине, хотя и совершенно необоснованным, но тем не менее санкционированным решением суда.

Можно было бы питать к Эберту сочувствие, если бы в том, как история мстила ему, не проявилась своего рода изощренная справедливость. У Анетты фон Дросте-Гюльсгоф есть баллада, с поразительной точностью предвосхитившая судьбу Эберта.

Во время кораблекрушения некто убивает одного из своих спутников, столкнув его со спасительной доски. При этом ему случайно запомнились фабричные знаки на доске: «Батавия-510». Убийство остается нераскрытым. Но когда убийца наконец добирается до берега, его по ошибке принимают за давно разыскиваемого пирата. Невинного приговаривают к смерти, ведут на казнь.

А он, обижен, гордо шел
Презрев печальную юдоль.
На виселице вдруг прочел:
«Батавия — пять, один и поль».

Стихотворение называется «Возмездие».

Точно так же косвенным путем, но неотвратимо обрушилось на Эберта возмездие за то, что он сделал с революцией. Его затравили до смерти ложью, обвинениями в предательстве, которого он никогда не совершал. Но эти обвинения никогда не заделли бы его, если бы он не был виновен в другом акте предательства. Он нанес удар кинжалом в спину, но не победоносному фронту, а победоносной революции, и сделал это ради тех, кто затем заколол его сзади кинжалом — с помощью лжи об ударе кинжалом в спину.

Трудно подавить известное удовлетворение при виде эстетического совершенства этой сложной симметрии. Возникает ощущение: словно находишься на вершине симфонической композиции, где слетаются все темы, обнажая при этом свои общие истоки. При поверхностном подходе может показаться, что ложь об ударе кинжалом в спину была вопиющей несправедливостью по отношению к Эберту. Но если посмотреть поглубже и повнимательнее, то видно, что он это заслужил. Он был предан так же, как предавал сам, и его смогли предать только потому, что он предал сам.

29 сентября 1918 г. Людендорф свалил на социал-демократов вину за свое поражение, чтобы иметь возможность

позднее клеймить их как предателей. Революция пришла им на помощь и начала разбивать западню, которую он поставил и в которую они сами зашли, не видя опасности. Но они предали революцию — и западня захлопнулась. Вот, в трех фразах, вся история. Страшная, но не лишенная смысла история. Ее можно было бы озаглавить: «Заслуженная кара».

К сожалению, кара за великое предательство германской революции 1918 г. затронула не только тех, кто ее заслуживал.

Коллективный герой этой революции, немецкий рабочий класс, так никогда и не оправился от того удара в спину, который был ему тогда нанесен. Социалистическое единство, во имя которого он столь храбро сражался и истекал кровью⁷⁵, было навсегда утрачено в 1918 г. Это великое предательство положило начало великому расколу социалистического движения и неистребимой ненависти между коммунистами и социал-демократами, подобной той ненависти, которую испытывают друг к другу волки и собаки. (Как известно, собака — это бывший волк, которого человек приручил для своих целей. Социал-демократия — это бывшая рабочая партия, которую приручил для своих целей капитализм.) Те же рабочие, которые так храбро, но неудачно сражались в 1918 и даже в 1919 и в 1920 гг., обнаружили через пятнадцать лет, что их боевой дух, столь необходимый для борьбы с Гитлером, сломлен. А их сыновья в 1945 г. уже не смогли повторить подвиг отцов, совершенный в 1918 г. Их внуки, живущие сегодня, вообще уже ничего не знают об этом подвиге. Революционные традиции германских рабочих угасли⁷⁶.

И немецкому народу в целом, включая его буржуазные слои, которые тогда с попятным облегчением и злорадством приветствовали крушение революции, пришлось дорого заплатить за это крушение: «Третьей империей», повторением мировой войны, вторым, еще более тяжким поражением, утратой своего национального единства и суверенитета. Все это в зародыше уже присутствовало в той контрреволюции, которую развязали социал-демократические вожди. От всего этого Германию могла бы оградить победа германской революции.

И по сей день есть еще много немцев типа Эберта, ненавидящих любую революцию, «как смертный грех». И по сей день много таких, которые отрекаются от революции

1918 г., считая ее позорным пятном в истории нации. Но революция не позорное пятно. Она была славным подвигом — особенно после тех четырех лет, когда народ голодал и истекал кровью. Позорным пятном было предательство, совершенное по отношению к ней.

Разумеется, революцию не делают ради удовольствия. Разумеется, искусство руководства государством в том и состоит, чтобы с помощью предупреждающих реформ по возможности избежать революции. Всякая революция — это болезненный, кровавый и страшный процесс, подобный родам. Но, подобно родам, каждая победоносная революция — это творческий процесс, дающий новую жизнь.

Все народы, пережившие великую революцию, с гордостью вспоминают о ней. И каждая победоносная революция делала великим народ, совершивший ее: Нидерланды и Англию — в XVII веке, США и Францию — в XVIII и XIX, Россию и Китай — в XX веке. Больным народ становится не от победоносных революций, а от революций задушенных и подавленных, от революций, которые предали и от которых отреклись.

Немцы до сих пор больны из-за того, что революция 1918 г. была предана.

Послесловие к новому изданию

Эта книга была написана более десяти лет назад. Сегодня я написал бы ее иначе — спокойнее, скептически, холоднее. На мой нынешний вкус в ней слишком много возмущения. При новом прочтении у меня чесались руки или вычеркнуть некоторые формулировки, смягчить их или вычеркнуть. Но я придерживаюсь правила Пилата: «Что мной написано, то написано». Пытаться потом улучшить текст было бы, на мой взгляд, не совсем честно.

Но зачем же тогда вообще еще раз публиковать эту книгу? Если быть кратким, то потому, что я думаю, что она со всеми ее недостатками все еще сообщает нечто правильное и важное. Что мне сегодня в ней больше не нравится, касается только меня самого: моей, как мне сегодня кажется, иногда слишком возбужденной позиции рассказчика, слишком эмоциональных высказываний в пользу одних и против других. Но отречься из-за этого от всей книги или стесняться ее было бы пустым тщеславием.

Ибо, по существу, в ее содержании, мне кажется, нет нужды что-либо исправлять. Факты правильны. Анализ тоже правилен — во всяком случае, и по моей нынешней оценке. А дела, которым посвящена эта книга, по-прежнему относятся к числу наиболее важных и чреватых последствиями событий за время новейшей истории Германии. Что же касается книг, правдиво и понятно для всех описывающих эти события, то все еще бросается в глаза явная их нехватка. С тех пор как данная книга впервые появилась десять лет назад, сравнительно мало замеченная, никакой другой, насколько мне известно, написано не было. Революция 1918 г. и ее подавление теми, кого она сама временно привела к власти, практически исчезли или, можно сказать, были вытеснены из исторического сознания немцев. И если моя небольшая книжка может в какой-то мере помочь прервать этот процесс вытеснения из сознания, пусть хотя бы тем, что побуждает возражать и выдвигать иную версию, то, как мне кажется, она все еще делает полезное дело.

Хочу кратко остановиться на двух замечаниях по поводу направленности этой книги: одно выдвинул Ч. П. Сноу в рецензии на ее английский перевод, а второе я делаю себе сам.

Лорд Сноу, по сути дела, увидел недостаток книги в том, что она не учитывает роли победивших западных держав: они ни за что не потерпели бы подлинной революции в Германии, и если бы немцы сами не подавили своей революции, то союзники ввели бы войска и сделали это за них.

Это кажется убедительным, но соответствует ли это истине? Ведь революция 1918 г. была в первую очередь революцией антимонархической и антимилитаристской. Поэтому трудно представить себе, что державы Антанты ввели бы войска в Германию, чтобы вновь посадить на трон кайзера и восстановить господство генералов. По меньшей мере им было бы нелегко объяснить своим народам такое коренное изменение тех целей войны, которые провозглашали годами. И, даже отвлекаясь от этого, западные державы тоже устали от войны. Не так просто, как кажется, после счастливо закончившейся войны вновь начать ее, отменив объявленную полную демобилизацию. Кроме того, опасно вторгаться в страну, охваченную революционным возбуждением: революции заразительны.

Остается открытым вопрос, была ли бы контрреволюционная интервенция Антанты в Германии более успешной, чем в России, где такая попытка интервенции действительно была предпринята. Мне кажется, что и лорд Сноу кое-чего не учитывает, а именно: революция в Германии, если бы ее не удушили столь быстро, дала бы в руки немцам новое политическое оружие для борьбы за мир.

Второе замечание в свой адрес я делаю сам, чтобы его не сделали мне мои читатели. В ряде мест книги я говорю о том, что в 1918—1919 гг. СДПГ упустила неповторимый шанс — «навсегда». Видимо, уже при первом издании книги осенью 1969 г. это утверждение показалось некоторым из тогдашних ее читателей чересчур поспешным пророчеством, опровергнутым развитием событий. Разве не стал осенью 1969 г. социал-демократ федеральным канцлером? Не остается ли им до сих пор другой социал-демократ и не обстоят ли дела так, что он, видимо, еще долго будет сохранять за собой этот пост? Это верно: какие бы ошибки ни совершила СДПГ в 1918—1919 гг., она их пережила и является ныне правящей партией в ФРГ.

Но в том-то и дело, что только в ФРГ. Не забудем о расколе Германии. В 1918—1919 гг. еще существовала Германская империя. В ней и вместе с ней выросла СДПГ, которая, если позволено напомнить о начале данной книги, «надеялась когда-нибудь наполнить устойчивым и разумным политическим содержанием». Революция 1918 г. предоставила СДПГ этот шанс, но она «навсегда» упустила этот шанс, когда, вместо того чтобы воспользоваться революцией, подавила или «предала» ее, как я с горечью отмечаю в своей книге. И этот шанс действительно не повторился — никогда. Вместо этого были Гитлер, вторая мировая война, второе поражение, раздел. История германской революции 1918 г. и ее разгрома собственными вождями остается поныне столь горько злободневной именно потому, что она давала наилучшую и в исторической ретроспективе, пожалуй, единственную возможность не допустить всего этого. Не будем забывать и следующее: эта история вырыла пропасть, которая и сейчас, даже если отвлечься от всех внешних обстоятельств и соотношения сил, внутренне разделяет друг от друга оба германских государства и их правительства, хотя и не их население.

Берлин, январь 1979 г.

С. Х.

Примечания

¹ Германская империя («Deutsche Reich») существовала с 1871 по 1945 г. Веймарская республика 1919—1933 гг. сохранила официальное наименование «Германская империя».

² Характеристика неточна. См. об этом во вступительной статье.

³ Германская империя была провозглашена в январе 1871 г. в Версале после победы Пруссии над Францией. Учредительный конгресс Социал-демократической рабочей партии Германии состоялся в Эйзенахе в августе 1869 г. В 1875 г. партия объединилась с созданным в 1863 г. Ф. Лассалем Всеобщим германским рабочим союзом; была принята Готская программа, которую К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли суровой критике за уступки лассальянству (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 1—32). С 1890 г. партия стала называться Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). В октябре 1891 г. была принята новая, Эрфуртская программа, которая, несмотря на некоторые слабости, отразила победу марксизма в германском рабочем движении.

⁴ 18 марта 1848 г. в Берлине произошла буржуазная революция. Под давлением восставшего народа король Пруссии Фридрих Вильгельм IV вынужден был дать приказ о выводе войск из столицы. В конечном счете революция 1848—1849 гг. в Германии потерпела поражение, не решив назревших исторических задач.

⁵ Ф. Лассаль пытался в 1863—1864 гг. предложить Бисмарку, ведущему борьбу против либералов, поддержку рабочих в обмен на обещания реформ и содействие так называемому прусскому «государственному социализму». Попытки не имели успеха.

⁶ Конституция Германской империи, связанная с именем Бисмарка, была принята рейхстагом 14 апреля 1871 г. Она закрепляла гегемонию Пруссии в империи, которая формально считалась союзом двадцати шести королевств, княжеств, городств. Союзный совет (бундесрат) был наделен законодательной и административной властью; только с его согласия вступали в силу законы, принятые рейхстагом. Рейхсканцлер назначался кайзером (королем Пруссии) и был ответственным только перед ним. Бисмарк воспротивился включению в имперскую конституцию даже тех кущих прав граждан, которые были записаны в прусской конституции.

⁷ Такое объяснение агрессивности германского империализма не учитывает социально-экономических факторов и является крайне поверхностным. См. об этом во вступительной статье.

⁸ Речь идет о «Чрезвычайном законе против социалистов», который вынудил германскую социал-демократию уйти в подполье.

Многие вожди, в том числе Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, побывали в тюрьмах, а затем были вынуждены жить в эмиграции.

⁹ Католическая партия Центра возникла в 1870—1871 гг. На первых выборах в рейхстаг в марте 1871 г. она получила около 18% мест. Бисмарк, желая сломить оппозицию партии против прусско-германского государства и ослабить ее связь с Ватиканом, развернул против нее борьбу, названную либералами «борьбой за культуру». С конца 70-х гг. борьба стала затихать и вскоре прекратилась, так как Бисмарк стал искать соглашения с папой и союза с немецкими католическими клерикалами против рабочего движения.

¹⁰ Со времени основания социал-демократическая партия считала себя немецкой ветвью Международного товарищества рабочих (I Интернационала) до его роспуска (1876 г.). В 1889 г. германская социал-демократия стала одним из основателей и крупнейшей партией II Интернационала.

¹¹ Первое заявление содержалось в избирательном манифесте социал-демократии в 1886 г. и многократно повторялось Бебелем. Второе — вольный пересказ из речи Бебеля в рейхстаге в марте 1904 г. Допуская возможность агрессии со стороны русского царизма, Бебель заявил реакционерам: если Германии придется вести оборонительную войну, в которой речь пойдет о ее существовании, социал-демократы будут готовы «вскинуть ружье на плечо и защищать нашу немецкую землю, не из любви к вам, а из любви к нам, возможно даже, вопреки вам». Когда буржуазные депутаты попытались истолковать слова в свою пользу, Бебель снова подчеркнул: «Мы противостоям друг другу, как вода и огонь». Хаффнер сталкивает эти два высказывания Бебеля без достаточных оснований.

¹² В. И. Ленин в книге «Что делать?» (1902) разработал основы учения о революционной пролетарской партии, ориентировал рабочий класс России на подготовку революционного свержения самодержавия. Перед германской социал-демократией стояли в то время иные конкретно-исторические задачи.

¹³ С конца XIX в. в германской социал-демократии все более активизировался ревизионизм, стремившийся превратить партию из революционной в реформистскую. Однако показателем оппортунистического перерождения части вождей были вовсе не вопросы о сроке революции или о ее названии в речах Бебеля, который на протяжении многих лет отстаивал против ревизионистов революционные позиции.

¹⁴ Сказанное может быть отнесено к партийной верхушке, но не к партии в целом.

¹⁵ См. примечание 8.

¹⁶ Все эти объяснения примитивны. См. об этом во вступительной статье.

¹⁷ «Мировой политикой» буржуазные авторы обычно именуют империалистическую агрессивную политику Германии в Азии и Африке, ее борьбу за колонии и мировое господство.

¹⁸ Так называло себя центристское течение в СДПГ во главе с Карлом Каутским, прикрывая марксистской фразой отход от революционных позиций.

¹⁹ Гуго Гаазе был не левым, а одним из главных лидеров центра.

²⁰ Центристская оппозиция за голосование против военных кредитов в марте 1916 г. была исключена из социал-демократической фракции рейхстага. Гаазе сложил с себя полномочия сопредседателя СДПГ. В апреле 1917 г. на съезде в Готе была создана Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ). Руководство ее оказалось в руках центристов (председатели — Г. Гаазе и В. Дитман), К. Кауцкий был ее идейным вождем. Отец ревизионизма Э. Бернштейн перешел в эту партию из пацифистских соображений. Вместе с тем в партию вошли наиболее активные, революционно настроенные социал-демократы из рабочих. Присоединилась к партии и группа «Спартак». Ее руководители надеялись, что им удастся изнутри разоблачить центристских лидеров и повернуть партию на революционный путь, но надежда не оправдалась.

²¹ См. предыдущее примечание.

²² См. примечание 20.

²³ Хаффнер излагает здесь мнение немецкого обывателя. В действительности инициатива заключения демократического мира принадлежала Советской России, была выражена в ленинском Декрете о мире и проводилась во время переговоров в Бресте. Германские империалисты, сорвав перемирие и захватив в результате наступления новые обширные территории, смогли навязать Советской России тяжелый аннексионистский Брестский мир. Он был аннулирован после Ноябрьской революции в Германии.

²⁴ Об условности этой даты см. во вступительной статье.

²⁵ 8 мая 1945 г. был подписан Акт о капитуляции фашистской Германии. 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером. Сравнение, несомненно, преувеличивает значение 29 сентября 1918 г.

²⁶ Гинденбург был назначен начальником Генерального штаба, а Людендорф первым генерал-квартирмейстером 29 августа 1916 г.

²⁷ Германия провозгласила неограниченную подводную войну 1 февраля 1917 г. Подводным лодкам был дан приказ без предупреждения торпедировать все суда враждебных держав вблизи берегов Англии и Франции. Запугать противников не удалось. В ответ США разорвали с Германией дипломатические отношения, а 6 апреля 1917 г. объявили ей войну.

²⁸ Ни о какой «поддержке большевистской революции» Людендорфом не могло быть и речи. В этой мелком брошенной автором фразе отголосок сочиненной буржуазно-реформистскими деятелями фальшивки. Она искусственно связывает проезд через Германию группы русских социал-демократов во главе с В. И. Лениным, возвращавшихся после Февральской революции на родину из швейцарской эмиграции, с расчетами германской военщины на выход России из войны.

²⁹ В данном случае речь идет о совещании ведущих политиков и военачальников под председательством кайзера.

³⁰ Массовый подъем (франц.).

³¹ Выражение «революция сверху» применялось еще в XIX в. к государственным переворотам Наполеона I и Наполеона III («18 брюмера»), а также к политике Бисмарка в Германии, решавшего «сверху» общедемократические задачи, не решенные революцией 1848—1849 гг., прежде всего объединения раздробленной Германии. Разаумеется, подлинной революцией все эти действия не являлись.

³² Восточно-Прусская операция ставила цель сорвать наступление главных сил Германии на Францию. В ходе операции, проведенной русскими армиями еще до завершения мобилизации в августе 1914 г., центральная группа 2-й армии генерала Самсонова была окружена и разгромлена. В связи с «битвой под Танненбергом» впоследствии был создан националистический миф о «полководческом гении» Гинденбурга и Людендорфа.

^{32a} Автор имеет в виду деятельность берлинских «революционных старост», но характеризует ее неверно (см. сноски 36, 41).

³³ Такая оценка деятельности революционеров не соответствует действительности. См. подробнее во вступительной статье.

³⁴ О неправильной трактовке автором (отношения в революции стихийности и сознательности см. во вступительной статье.

³⁵ Этот пошлый анекдот решительно противоречит отношению В. И. Ленина к германской социал-демократии. Он не находит никакого подтверждения в источниках.

³⁶ Рихард Мюллер был в то время одним из руководителей Комитета берлинских «революционных старост» — главным образом представителей рабочих-металлистов. В политическом отношении «революционные старосты» находились под влиянием лидеров НСДПГ, которые часто появлялись на их заседаниях. После освобождения из тюрьмы К. Либкнехт, а также Э. Мейер и В. Пик вошли в состав Комитета (Исполкома), имевшего налаженные связи с крупнейшими предприятиями столицы и предпринимавшего некоторые шаги для вооружения рабочих. Старания Либкнехта побудить Исполком к более решительным действиям не достигали цели. И в дни, когда революция уже пагала по стране, все его предложения о массовых выступлениях в Берлине — демонстрациях, митингах — неизменно отклонялись то под предлогом «технической неподготовленности восстания», то с обвинением Либкнехта, что он предлагает «революционную гимнастику», то с заявлением, что «четверг, пятница и т. д.» (т. е. 7, 8 и 9 ноября) — дни выплаты жалованья, в эти дни рабочие не захотят выступить и надо отложить восстание до понедельника 11 ноября... Из этого видно, что ни «заговорщиками», ни «путчистами» члены Исполкома не были.

К. Либкнехт записал 7 ноября в дневнике, что все его протесты «отскакивали до тех пор, пока объективные условия не обогнали сверхумных фабрикантов революции». К этому он на следующий день добавил горькие, но, увы, вскоре подтвердившиеся слова: «Правительственные социалисты еще, конечно, опередят нас и опозорят как перед историей, так и перед нами самими».

³⁷ Следовало бы уточнить, что рано утром 9 ноября на предприятиях Берлина появились две листовки. Первая за подписью «Исполнительный комитет рабочего и солдатского Совета» (так назвал себя Исполком революционных старост) призывала рабочих и солдат к свержению монархии и созданию социалистической республики. Второй была листовка спартаковцев, подписанная К. Либкнехтом и Э. Мейером. Она конкретно формулировала ближайшие цели борьбы: освобождение политических заключенных, устранение всех династий и ликвидация отдельных государств, выборы рабочих и солдатских Советов на всех предприятиях и в воинских частях, взятие власти уполномоченными рабочими и солдатскими Советами, немедленное установление связи с международным пролетариатом, особенно с Российской рабочей республикой.

Таким образом, в этих воззваниях была довольно четко очерчена программа революции, и нет оснований говорить, что революция началась без всякого руководства.

³⁸ На вопрос «как относится армия к кайзеру, пойдет ли за ним?» только один из опрошенных ответил положительно, пятнадцать выразили сомнения, двадцать три ответили отрицательно.

³⁹ К. Либкнехт, разгадав маневр кайзеровских социалистов, но уступая давлению рабочих и солдат, говоривших, что его участие в правительстве ускорит заключение перемирия, согласился на три дня войти в него, если будут приняты следующие условия: Германия будет объявлена социальной республикой, в которой вся законодательная, исполнительная и судебная власть будет исключительно в руках рабочих и солдатских Советов; из правительства будут исключены все буржуазные деятели. Условия были отклонены.

⁴⁰ Роль К. Либкнехта охарактеризована неверно. Допущен также ряд фактических ошибок. Укажем лишь некоторые. К. Либкнехт был освобожден не за 14, а за 17 дней до 9 ноября и торжественно встречен в Берлине многотысячной демонстрацией. Он не стоял «вне партий». Как один из руководителей группы «Спартак» он с ней вместе входил в состав НСДПГ. 25 октября Правление НСДПГ постановило включить К. Либкнехта в свой состав, но он выдвинул ряд условий, в том числе немедленный созыв партийного съезда для изменения программы и тактики партии в духе требований «Спартак». Активность Либкнехта, его многочисленные выступления на предприятиях столицы вызвали волнение в правящих кругах. Сам Вильгельм II запрашивал рейхсканцлера, не заведено ли на Либкнехта новое дело. Обер-прокурор действительно возбудил 30 октября дело по обвинению Либкнехта в «государственной измене и измене родине» за призыв: «Да здравствует социалистическая республика Германия, долой Гогенцоллернов!» См. также вступительную статью.

⁴¹ Изображение «революционных старост» некими тайными «заговорщиками», описание мнимого «занятия» ими рейхстага, объявление «государственным переворотом» первого общего собрания рабочих и солдатских Советов Берлина, созданного «временным рабочим и солдатским Советом» (так назвал себя Исполком революционных старост), противоречат фактам.

⁴² В битве на р. Марне в 40 км от Парижа в сентябре 1914 г. наступавшие немецкие армии были остановлены. После кровопролитного сражения им пришлось отступить на р. Эну и перейти к позиционной войне. Поражение на Марне означало провал планов германского Генерального штаба закончить войну разгромом противника «до осеннего листопада».

⁴³ О неосновательности противопоставления этих двух альтернатив см. во вступительной статье.

⁴⁴ В изложении много неверного. Нельзя сказать, что у Либкнехта и Люксембург не было никакой организации. 11 ноября 1918 г. группа «Спартак» была преобразована в «Союз Спартак» с собственным Центральным руководством, в которое вошли К. Либкнехт, Р. Люксембург, Л. Йогихес, В. Пик, Э. Мейер и др. В Берлине ежедневно выходила газета «Роте фане», печатались многочисленные листовки. Издавались газеты и формировались местные организации «Спартак» во всех крупных городах. В сере-

дине декабря было опубликовано программное заявление «Чего хочет „Союз Спартака“?», проводились массовые собрания, митинги, демонстрации. Все это были шаги к созданию в Германии самостоятельной революционной партии. Учредительный съезд Коммунистической партии Германии («Союз Спартака») состоялся в Берлине 30 декабря 1918 г.—1 января 1919 г. Сравнение Хаффнером молодой КПГ с партией большевиков (которая, кстати сказать, не была просто «отрядом профессиональных революционеров», как любят утверждать буржуазные авторы, а была массовой пролетарской организацией) используется им с целью принижения роли немецких спартаковцев-коммунистов, проявивших в ходе революции самоотверженность и героизм. См. также вступительную статью.

⁴⁵ Утверждение, будто Советы требовали для себя не законодательную, а только исполнительную власть, явно противоречит фактам. См. об этом во вступительной статье.

⁴⁶ Высказывания К. Либкнехта и Р. Люксембург о Советах искажены. Цитируемые слова К. Либкнехта искусственно вырваны из контекста его статьи, опубликованной в «Роте фане» 21 ноября 1918 г. под заголовком «То, что есть». Главная мысль статьи выражена в первом ее абзаце:

«До сих пор между политической формой и социальным содержанием германской революции зияет противоречие, которое требует разрешения и в решении которого будет заключаться дальнейшее развитие революции. Ее политическая форма — пролетарское действие, ее социальное содержание — буржуазная реформа».

И далее: «Нынешнее «социалистическое» правительство хотело бы решить это противоречие низведением пролетарской формы до буржуазного содержания; задача социалистического пролетариата — поднять отставшее содержание на более высокую ступень продвинувшейся вперед формы; возвысить революцию до уровня социальной революции». Опровергая мнение, будто пролетариат уже обладает политической властью, Либкнехт показывает, что рабочие и солдатские Советы еще далеки от этого.

Именно это, и только это, выражает отрывок, который приведен в книге. А в заключение статьи Либкнехт снова подчеркнул, что власть Советов пока «лишь фасад», и, чтобы сделать ее реальной, сами Советы должны создать такие средства власти, которые гарантировали бы от всех попыток ее разбить. Революции грозит гибель, если частично завоеванная Советамп власть не будет укреплена.

⁴⁷ Слова взяты из статьи Р. Люксембург в «Роте фане» от 15 декабря 1918 г., написанной накануне Всегерманского съезда Советов. Разоблачая в ней псевдосоциалистическое правительство, которое развернуло поход против Советов, указывая и на слабость самих Советов, не умеющих защищаться, Р. Люксембург призывает их сплотиться под лозунгом «Вся власть рабочим и солдатским Советам!»; устранить гнездо контрреволюции — правительство Эберта — Шейдемана — Гаазе; требовать разоружения контрреволюционных войск; создать Красную гвардию; отвергнуть Национальное собрание «как покушение на революцию и Советы». Вырванные строчки, приведенные в книге, ни в какой мере не выражают главной мысли автора статьи.

⁴⁸ Здесь «ошибка»: здание не берлинской, а прусской палаты депутатов.

⁴⁹ «Гамбургские пункты» в действительности означали не «коренную перестройку вооруженных сил», а лишь известную демократизацию армии. Они были результатом достигнутого компромисса, поскольку берлинские солдаты шли дальше и требовали передачи всей командной власти Верховному солдатскому Совету, разоружения офицеров.

⁵⁰ Шлейхер в 1929 г. стал генералом, а в декабре 1932 г. — январе 1933 г. возглавлял последнее правительство Веймарской республики, расчистившее Гитлеру путь к власти. 30 июня 1934 г. во время расправы гитлеровцев с Ремом и другими главарями штурмовиков Шлейхер был убит.

⁵¹ Это голословное утверждение не становится убедительнее от его повторения. См. вступительную статью.

⁵² Отнесение правых лидеров НСДПГ к «левому флангу» не выдерживает критики. Разрыв «Союза Спартака» с НСДПГ не был результатом правительственного кризиса, а назрел давно. Спартаковцы с самого начала были против участия НСДПГ в правительстве вместе с шейдемановцами, требовали выхода Гааге и других. Разумеется, образование КПП не вело к ослаблению левых сил. Напротив, оно было важнейшим условием их консолидации.

⁵³ На Учредительном съезде было единодушно принято решение о создании КПП. Единогласно были одобрены разработанные Р. Люксембург и К. Либкнехтом программные документы и политические установки. Разногласия возникли лишь по одному тактическому вопросу: об участии в выборах в Национальное собрание. Большинство высказалось против.

⁵⁴ См. примечание 52.

⁵⁵ Мысль о «повторении» неверна и опровергается далее самим автором. См. об этом также во вступительной статье.

⁵⁶ Увольнение с поста полиции-президента Берлина левого «независимца» Эйхгорна, пользовавшегося большим авторитетом среди рабочих Берлина, была провокационным актом, рассчитанным на то, чтобы вызвать берлинских рабочих на преждевременное выступление и разгромить их накануне выборов в Национальное собрание. Это признал вскоре и преемник Эйхгорна социал-демократ Э. Эрнст. Увольнению предшествовала клеветническая кампания, развернутая социал-демократической печатью.

⁵⁷ Формулировка сомнительна, а источник автором не назван.

⁵⁸ Источники называют цифру 33. Вероятно, у Хаффнера ошибка: «Комитетом 53-х» назывался Центральный совет флота.

⁵⁹ Источники не подтверждают версии о «двух планах», принадлежавших Носке и Эберту. Координатором всех вооруженных действий контрреволюции был Носке. По имеющимся данным, план использовать против рабочих сначала берлинские войска, а потом ввести в город «добровольческие корпуса», чтобы не подвергать последних опасности «революционного разложения», был предложен на совещании штаба в Далеме генералом Лютвицем.

⁶⁰ См. примечание 55.

⁶¹ Лозунг «единство социалистических партий» вовсе не был главным требованием масс ни в ноябре 1918 г., ни в январе 1919 г. Его усиленно навязывали массам лидеры СДПГ и НСДПГ именно

в противовес революционным требованиям рабочих. Подробнее см. об этом во вступительной статье.

⁶² О противоречиях и ошибках в оценке автором личностей и роли К. Либкнехта и Р. Люксембург см. во вступительной статье.

⁶³ Обе цитаты взяты из личных писем. Из них никак нельзя вывести каких-либо отрицательных суждений о личности или о политических взглядах К. Либкнехта.

⁶⁴ Статьи были написаны раньше: статья Р. Люксембург опубликована в «Роте фане» 14 января, статья К. Либкнехта — 15 января 1919 г.

⁶⁵ Речь идет о ФРГ.

⁶⁶ Соотношение в рейхстаге, избранном в 1912 г., было иным: СДПГ — 35%, Центр — 22, прогрессисты — 12%.

⁶⁷ Вопрос о власти был поставлен еще в ноябре 1918 г. В начале 1919 г. местные Советы лишь кое-где и временно обладали реальной властью. Активизировались в это время производственные Советы на предприятиях и шахтах, которые требовали осуществления обещанной «социализации» и предоставления им права участия в управлении производством.

⁶⁸ Имеется в виду Гитлер.

⁶⁹ Официальным флагом Веймарской республики согласно конституции стал «черно-красно-золотой». Это были цвета буржуазных демократов 1848 г. Консервативно-милитаристские круги в противовес этому демонстративно использовали «черно-бело-красный» флаг кайзеровской империи.

⁷⁰ Позиция Советов изложена неверно. См. об этом во вступительной статье.

⁷¹ Об ошибочной оценке К. Эйснера см. во вступительной статье.

⁷² Гинденбург ушел в отставку 25 июня, ставка Верховного командования была распущена 3 июля 1919 г.

⁷³ Сравнение революционных и контрреволюционных руководящих органов лишено смысла.

⁷⁴ Президент Эберт был избран 8 февраля 1919 г. Национальным собранием. Веймарская конституция, вступившая в силу в августе 1919 г., предусматривала избрание президента всеобщим голосованием. Такие выборы впервые состоялись в 1925 г., после смерти Эберта.

⁷⁵ См. об ошибочности этого суждения примечание 61 к вступительную статью.

⁷⁶ Рассуждения относятся к ФРГ, но не к ГДР. Подробнее см. во вступительной статье.

Содержание

Вступительная статья. Исторические легенды и реальные проблемы германской революции	5
Предисловие	25
1. Кайзеровская империя и социал-демократия	26
2. 29 сентября 1918 г.	40
3. Октябрь	52
4. Революция	67
5. 9 января	83
6. Час Эберта	95
7. 10 ноября 1918 г.: революция проигрывает свою «битву на Марне»	106
8. Между революцией и контрреволюцией	117
9. Рождественский кризис	131
10. Решающие дни января 1919 г.	142
11. Преследование и убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург	153
12. Гражданская война	164
13. Мюнхенская Советская республика	175
14. Немезида	188
15. Три легенды	205
Послесловие к новому изданию	213
Примечания	216

С. Хаффнер

«РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ 1918/19 гг.»

ИБ № 11364

Редактор М. М. Новакова

Художник В. Б. Соловьев

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор Н. И. Касаткина

Сдано в набор 11.11.82 г. Подписано в печать 5.3.83 г. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,76+1,47 печ. л. вклеек. Усл.
кр.-отт. 13,23. Уч.-изд. л. 14,27. Тираж 5000 экз. Заказ № 610. Цена 1 р. 10 к.
Изд. № 35 941.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Москва 119021, Zubovskiy bulvar, 21.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 113105, Nagatinskaya, 1.

С. Хафрнер РЕВОЛЮЦІЯ В ГЕРМАНІИ 1918/19